

Ф. ДЖИНДЖИХАШВИЛИ

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

R/31638
3

МОЗ ИВЕРИЕЛИ

Издательство
„Литერатура და ხელოვნება“
თბილისი

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Մ. ԱՐԻՆՃՅԱՆԻ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

АНТИМОЗ И ВЕРИЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЛИТЕРАТУРА ДА ХЕЛОВНЕБА»

Ф. ДЖИНДЖИХАШВИЛИ

АНТИМОЗ И ВЕРИЕЛИ

(АНТИМ ИВЕРИАНО)
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
РЕДАКТОР Б. ЖГЕНТИ

BA 31.638
3

Издательство
"Литература და ხელოვნება"
1971, თბილისი • 67

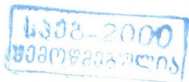
301(498)(092)

Ф (44)
301 (498) (092 Ивериელი)
Д 416

Книга посвящена описанию жизни и исследованию творчества Антимоза Ивериели (Антима Ивериану, 1650—1716), румынского просветителя, писателя, проповедника, зодчего и художника, грузина по происхождению, сыгравшего большую роль в развитии румынской культуры.

7-2-2
83-67

ГЛУБОКИЕ КОРНИ ДРУЖБЫ

Более двух десятилетий прошло с тех пор, как возникла мировая система социализма, открывшая простор для всестороннего экономического и духовного сближения стран социалистического содружества. Молодые социалистические государства строят новое общество не в одиночку. Они идут к светлой цели в едином строю, являя пример тесной дружбы и взаимопомощи, показывая миру образцы дотоле не известных отношений между братскими странами, объединенными общей идеологией, единством исторических задач и коллективным опытом.

Расцвет стран социалистического содружества сопровождается, с одной стороны, развитием и обогащением национальных культур, а с другой стороны — активным формированием интернациональных черт, характерных для социалистического общества. Укрепление единства мировой социалистической системы на основе пролетарского интернационализма — неперенное условие дальнейших успехов всех входящих в нее государств.

Ярким примером братских взаимоотношений социалистических стран является основанная на принципах полного равноправия и взаимного уважения дружба между Советским Союзом и Румынией, между Румынией и Грузией в частности.

Многое роднит два этих далеких края. Те же живописные, покрытые вековыми соснами горные склоны, то же синее небо, быстрые реки и изумрудные долины. Румынский и грузинский народы издавна славятся своим душевным гостеприимством, искрометным темперамен-

том, верной дружбой и непреклонным стремлением к свободе и независимости. На улицах Тбилиси нередко встречаешь юношей и девушек, внешне очень напоминающих своих бухарестских сверстников.

Дружба двух народов уходит корнями в далекое прошлое. Страницы истории хранят немало фактов, запечатлевших давнее экономическое и культурное содружество между румынами и грузинами. Истоки этой священной дружбы, ставшей традиционной, связаны с именами таких выдающихся деятелей, как Антим Ивериану, Михай Иштванович, Бесарйон Габашвили (Бесики), Иоанэ Гедеванишвили и др.

«Дружба наших народов, — пишет известный румынский ученый Д. Манжерон, — началась еще в седую старину, когда с отрогов Кавказских гор до нас доходили философские идеи Ефрема Мцире, Арсена Икалтоели, Иоанна Петрици, когда в народе нашем стала известна жемчужина грузинской литературы — бессмертная поэма «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели».

Те, кому довелось побывать в Румынии, могли убедиться, что в этой стране трудно найти человека, который не знал бы об Антима Ивериану. Грузия, родина Ивериану, пользуется там особой любовью и уважением. Каждый румын готов снова и снова с интересом расспрашивать о прошлом и настоящем этой сказочной страны, где, по слухам, живут самые красивые женщины, где возраст горцев в полтора столетия не считается необычным, а природа красотой своей и разнообразием может сравниться с райским уголком.

Если же вам, читатель, еще только предстоит посетить Румынию, то, пройдя зеленой бухарестской улицей Юстиции, вы попадете на улицу, носящую имя нашего славного земляка и соотечественника Антима. Здесь вам бросится в глаза прекрасный памятник зодчества, одно из красивейших в Бухаресте архитектурных сооружений XVIII века — храм, который тоже носит имя Антима. Здесь вы увидите характерный грузинский орнамент в обрамлениях окон и дверей. Внутреннее помещение храма украшает фреска работы Антима Ивериану. Профессор Н. Шербынеску, один из крупных знатоков эпохи XVII — XVIII веков, расскажет много интересного о великом

просветителе Румынии, который своей подвижнической культурно-литературной деятельностью обессмертил свое имя в истории народа и прославил родину так далеко от ее границ.

Благодаря деятельности людей, которые, подобно Антиму, посвятили свой талант, свои силы, всю жизнь свою служению другому народу, закладывается фундамент прочной дружбы между странами и народами. В истории румыно-грузинских дружеских отношений можно вспомнить немало таких светлых имен, и Антим Ивериану по праву стоит во главе славной когорты подвижников дружбы.

Профессор Теодор Попеску писал: «Грузин Антим был величайшим даром нашей стране, и мы рады, что дороги судьбы привели этого замечательного человека именно к нам».

Не менее возвышенны слова признательности и любви, которыми оценивается вклад в культуру Грузии румына Михая Иштвановича. Он внес неоценимый вклад в создание грузинского книгопечатания, и царь Вахтанг VI полюбил его, как сына.

Великий грузинский поэт Бесарион Габашвили, видный поэт Иоанэ Гедеванишвили, каллиграф Гайоз в 70—90-х годах XVIII века жили и работали при дворе Потемкина в Яссах.

Писатель Думитру Корбеа в статье «По возвращении из путешествия по Советскому Союзу» писал, что, вернувшись из Грузии, он поехал в Яссы, чтобы посетить могилу Бесики. На могиле собрался народ, и одна старушка спросила, не забыли ли грузины своего поэта?

«Тогда, — пишет Д. Корбеа, — мне вспомнились народные артисты Акакий Хорава и Васо Годзиашвили, а также другие грузины, которые просили меня посетить могилу их любимого поэта... Габашвили жил в то тяжелое время, когда Грузия и Румыния страдали от общего врага, — но и тогда Бесики воспевал гуманность, свободу, красоту своей страны... Нет, грузинский народ не забыл своих поэтов. Он воздвиг им вечные памятники в своих сердцах. Если бы Бесики мог взглянуть сейчас на свою страну, он бы увидел народ, возродившийся, как птица феникс, из огня всех исторических испытаний и

потрясений к счастливой жизни. Сбылись предсказания Руставели и Габашвили, которые верили в животворную силу своего народа».

Подобных фактов, свидетельствующих о давности и искренности дружеских отношений между румынским и грузинским народами, можно привести множество. Особенно тесными эти отношения стали за последнее время, когда дружба Румынии, вставшей на путь социализма, с народами Советского Союза, в том числе с грузинским, обретает новое качество.

Крупным шагом на этом пути явилось создание в 1959 году грузинского отделения Общества советско-румынской дружбы.

В статье «Наша дружба вечна», посвященной этому событию, поэт-академик И. Абашидзе назвал основание Отделения важным фактом общественно-культурной жизни нашей республики.

Сближению румынского и грузинского народов способствует частый обмен делегациями в целях ознакомления с новейшими достижениями в области культуры, науки и техники дружественных народов.

В числе видных деятелей, вносящих особо весомый вклад в благородное дело взаимосближения народов, можно назвать академика П. Константинеску-Яшшь, поэта-академика Г. Леонидзе, профессоров В. Беридзе, И. Нану, М. Квеселава, писателей В. Кернбаха и Гр. Абашидзе, поэтов М. Бенюка и Д. Корбеа, инженера П. Цулукидзе, архитектора Л. Сумбадзе и многих других.

Дважды побывав в Грузии Петре Константинеску-Яшшь, многие годы посвятивший изучению исторических связей советского и румынского народов. Румынский ученый провел интересный сравнительный анализ, который дал возможность научного доказательства сходства архитектурных и декоративных элементов в исторических памятниках Грузии и Румынии.

В своем интереснейшем капитальном труде «Румыно-русские культурные взаимоотношения в прошлом» он подробно описывает многовековую историю русско-румынской дружбы.

Много страниц этого монументального труда посвящено Грузии. Автор научно доказывает, что многие архитек-

турные памятники Грузии послужили образцом для румынских зодчих. Для подтверждения своих выводов он сравнивает монастырь Деалулуй с Эртацминда, Куртя де Арджеш и Тырговиште — с Пицундским монастырем, Трей Иерархь с Самтависи и т. д.

Специальная глава книги посвящена жизни и деятельности Антима Ивериану, одной из наиболее значительных и колоритных фигур истории румыно-грузинской дружбы.

Прошлому и настоящему румыно-грузинских культурных отношений академик Константинеску-Яшшь посвящает отдельную брошюру, где приводится множество интересных фактов и наблюдений.

Профессор искусствоведения И. Нану также много лет изучает румыно-грузинские культурные связи. Изданный им в Румынии альбом с текстовым и иллюстративным материалом наглядно показывает давнюю связь культур двух дружественных народов, влияние грузинской культуры на румынскую, главным образом в области зодчества и изобразительного искусства.

Работа И. Нану носит специальный характер и представляет большой интерес для историков искусства Грузии.

Более близкому знакомству грузинского народа с историей, культурой и искусством народной Румынии способствовали статьи и очерки председателя грузинского отделения Общества советско-румынской дружбы профессора В. Беридзе, профессора М. Квеселава, участника освобождения Румынии, напечатавшего интересные воспоминания в «Мнатоби», и других известных грузинских ученых и литераторов, в разное время побывавших в братской стране и ознакомившихся с ее жизнью.

Свидетельством дружеских отношений, объединяющих румынских и грузинских ученых, являются такие факты, как издание на румынском языке фундаментальных трудов по математике Н. Мухелишвили и И. Векуа, совместные исследования профессоров Д. Манжерона и Д. Тавхелидзе, тесные контакты в таких областях науки, как физика, медицина, физиология. Напомним и такой широко известный в Румынии факт, что Д. Манжерон свои обобщенные формы уравнений аналитической динамики в знак любви к Тбилиси назвал «Уравнениями Т».

На праздновании 250-летия первой грузинской типографии как самые почетные гости присутствовали представители РНР, так как это важнейшее событие в культурной жизни Грузии тесно связано с румынской историей, с румынской культурой. В составе делегации был один из крупнейших представителей современной румынской науки, первый заместитель председателя Румынского Общества дружественных связей с СССР (АРЛУС) академик П. КонстантINESКУ-ЯШШЬ. По возвращении на родину он писал в румынской прессе:

«Это историческое событие, которое деятели культуры солнечной Грузии праздновали сейчас, не забыв разделить свою радость с потомками старых друзей, является по праву и нашим торжеством, ибо наши предки побратски помогли им основать первую типографию в Грузии».

Дружба румынского и грузинского народов находит свое яркое выражение в повседневном и деловом сотрудничестве рабочих, служащих и инженеров двух братских стран.

В течение шести месяцев металлурги Бухареста, Романа и Брыилы практиковались на Руставском металлургическом заводе. В 1957 году в Романе вошел в эксплуатацию трубопрокатный стан «400», в пуске которого принимали участие руставские трубопрокатчики. Группа грузинских инженеров во главе с П. Цулукидзе участвовала в строительстве гидроэлектростанции Биказ.

С чувством благодарности вспоминают трудящиеся молодого румынского социалистического города Виктория грузинского архитектора Л. Сумбадзе, по типовым проектам которого построен город.

Принято говорить — лучший подарок, который ты можешь сделать другу, — это изучить его язык. Грузинские юноши и девушки с большим интересом изучают язык друзей-румын, стремятся познать Румынию, ее культуру.

Посланцами братства и дружбы между народами являются театральные постановки, кинофильмы, музыкальные и литературные произведения.

Высокую оценку получила в Румынии пьеса И. Мосавили «Потопленные камни». На грузинской сцене с

большим успехом идет пьеса румынского классика И. Л. Караджале «Потерянное письмо».

В Грузии с неизменным успехом гастролировали румынские артисты Зинаида Палли, Гэрбис Зобиан, Ладислав Коня, Елена Черней, Октав Энигуреску, Ион Писсо, Н. Херля, Агата Друзеску и другие, а в Румынии в последние годы стали очень популярны дирижер О. Димитриади, певцы Медея Амиранашвили, Нодар Андгуладзе, ансамбль танца под руководством И. Сухишвили и Н. Рамишвили.

В 1955 году в Тбилиси вышел сборник стихов М. Эминеску на грузинском языке в переводе поэта Гр. Абашидзе. Стихи Эминеску настолько полюбились грузинскому читателю, что были переизданы в 1963 году. В. Мачарадзе перевел на грузинский язык книгу пьес румынского классика И. Л. Караджале.

В издательствах Грузии печатались румынские сказки, новеллы и рассказы Караджале, Иона Славича, юмористические рассказы Авияна, статьи об Ионе Крянга, о Садовяну («Скрипка души румынского народа») и другие. Грузинский читатель получил возможность познакомиться с переводом книги Кернбаха «Страна между снегами и апельсинами».

Народный поэт Грузии академик Г. Леонидзе неоднократно посвящал строки стихов вековой дружбе румын и грузин, румынской литературе и ее блестящим представителям — М. Эминеску, М. Садовяну, Т. Аргези и др. Много интересных статей посвятил Г. Леонидзе грузину Антиму, сроднившему два дружественных народа.

На румынский язык переводились стихи и поэмы С. Чиковани, И. Гришашвили, И. Нонешвили, Х. Бериулава и других грузинских поэтов.

Знаменитый румынский писатель Джео Богза в своем произведении «Советские меридианы» посвятил вдохновенные страницы Тбилиси, городу неисчерпаемых духовных богатств.

Румынская поэтесса Мария Бануш воспевает грузинскую природу в стихах «В горах Грузии». Популярная румынская поэтесса Вероника Порумбаку в своей статье «Чему мы научились в стране социализма», опубликованной в 1951 году в журнале «Народно-демократическая Румыния», писала: «То, что я видела в Тбилиси, научило

меня внимательно всматриваться в ростки новой жизни, зарождающиеся у нас в стране».

Поэт Чичероне Теодореску, Ион Григореску и многие другие, побывавшие в Грузии, тепло отзываются в своих произведениях о солнечной Грузии и славных тружениках этой прекрасной страны.

Колхиде посвятил свою поэму «Аргонавты» румынский поэт Димос Рендис. Устами своей героини Диамиды он выражает свои чувства к Грузии: «Это было сказание о прекрасной стране, где не бывает слез. Там не видишь печали, там звучит лишь песнь, воздающая славу свободе и труду».

Большой друг Грузии поэт В. Кернбах побывал во всех уголках Грузии: в долине Алазани и горах Сванетии, на заводах Кутаиси и Рустави. Но самое главное — он сблизился с народом, изучил его обычаи, его героическое прошлое и счастливое настоящее. «Страна между снегами и апельсинами», — так он назвал Грузию в своей одноименной книге. Это произведение не просто записки путешествующего туриста, это живые впечатления поэта, сокровенные чувства истинного друга.

В. Кернбах перевел на румынский язык не только бессмертную поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», но и книгу стихов Николоза Бараташвили, сборник стихов Георгия Леонидзе, которого он назвал «поэтом ясного солнца». В предисловии к переводу стихов Г. Леонидзе румынский поэт описывает свою первую встречу с грузинским собратом: «Отмечалось столетие со дня рождения М. Эминеску. Морозное январское утро 1950 года. На могиле Эминеску много румын, а также гостей из разных стран. Гогла — поэт ясного солнца — говорил 30 минут. В его речи было столько любви, теплоты и уважения к памяти великого румынского поэта, что все были потрясены». (Эта речь академика Г. Леонидзе включена в учебники румынской литературы.)

Описывая прелести солнечного края и трудовые будни грузинского народа, восхищаясь его талантом и трудолюбием, В. Кернбах вспоминает замечательного сына грузинского народа Антима, благодаря которому он впервые почувствовал особый интерес к Грузии. «Через Антима, — пишет Кернбах, — я полюбил Грузию, о кото-

рой тогда еще ничего не знал...» В период работы над переводом поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» румынский поэт писал, что он не случайно пришел к Руставели и руставелевскому шаири: «Еще в гимназические мои годы я впервые познакомился с другим грузином — Антимом Ивериану. Мне было трудно понять громадную силу восприимчивости и убеждения, которой обладал этот грузин, до двадцатилетнего возраста вовсе не знавший румынского языка и в столь краткий срок обогативший язык своей второй родины в такой мере, что сегодня мы считаем Антима одним из основоположников румынского литературного языка. Я впервые заинтересовался Грузией благодаря Антиму Ивериану, который посылал свое слово, напечатанное между Карпатами и Дунаем, в грузинские горы...»

250-летие со дня смерти Антима Ивиреанул получило большой отклик как в Румынии, так и за ее пределами. Вышла книга Р. Албала «Антим Ивиреанул и его эпоха». Было осуществлено критическое издание «Дидахов» с предисловием Г. Штремпела. В «Романославике» (XIII, 1966) появилась статья Г. Штремпела «Иллюстрированный хронограф миниатюр Антима», в газете «Скынтейя» — статья Кындя Вирджила «Антим Ивиреанул», а в «Гласул бисеричи» статья А. Сачердоцеану «Антим Ивиреанул архивист, библиотечкарь и типограф», в «Ревиста библиотечилор» (9, 1966) — статья Г. Штремпела «Антим Ивиреанул», в журнале «Полиграфия» (2, 1966) статья М. Томеску «Графическая форма румынской книги в XVII в., нач. XVIII в.».

В Риме вышла книга Руффини Марио «Валашский митрополит Антим Ивиреану».

Таковы некоторые факты дружественных связей между Румынией и Грузией, история которых в наши дни исчисляется веками. И каждый раз все они сходятся к одному истоку — выдающемуся государственному и культурному деятелю, просветителю и литератору, борцу и строителю — Антиму Ивериану.

ЖИЗНЬ АНТИМА

Издrevле во многих странах мира (Сирии, Палестине, Греции, Болгарии и др.) существовали очаги грузинской культуры, сыгравшие огромную роль в ее развитии и распространении. Деятели грузинской культуры, грузинской философской мысли Петр Ивер, Георгий Атонели, Иоанн Петрици, Григол Бакуриани и многие другие прославились далеко за пределами своей родины.

Особое место среди них занимает Антимоз Ивериели (которого румынские источники называют Антимом Ивириану, а порой — Ивирианул, Ивериану, Ивереанул и т. д., в зависимости от различий в написании названия родины Антима — по-румынски — Ивирии) — выдающийся мыслитель, просветитель, типограф, зодчий и художник XVII—XVIII веков. Антим Ивериели, по происхождению грузин, обрел в Румынии вторую родину, посвятил ей всю свою кипучую энергию, знания, жизнь.

К началу XVII века Грузия стала ареной борьбы двух враждующих государств — Персии и Оттоманской империи. Они стремились поглотить всю Грузию и физически уничтожить грузинский народ. К социально-экономическому и политическому гнету, испытываемому грузинским народом, прибавился еще и национально-религиозный гнет.

Враги не ограничивались только разорением грузинских земель. Особенно распространилась в это время торговля пленными, то есть продажа угнанных грузинских юношей и девушек в рабство в Турцию и другие страны Ближнего Востока. Именно в этот бурный период истории Грузии судьба забросила шестнадцатилетнего

юношу грузина Антима сначала в Турцию, а затем в Румынию.

Бури, пронесшиеся над родиной Антима, замели следы его происхождения, стерли точные свидетельства о его детстве. Но и те отрывочные сведения, которые дошли до нас, позволяют с достоверностью судить о его национальности и происхождении.

Известно, что родом он был из Грузии (Иверии) и в возрасте шестнадцати лет был привезен в качестве пленника в Константинополь. О грузинском происхождении Антима свидетельствует прежде всего то, что он сам называл себя Антимом Ивериану, т. е. Антимом Грузином.

Флорентиец Дел Киаро — секретарь валашского господаря Константина Брынковяну, друг и современник Антима — в своем труде «История современной революции в Валахии»¹ дает интересные и заслуживающие доверия сведения о жизни Антима и его личности. Он, в частности, пишет о том, что Антим был родом из Иверии: «Антим, митрополит Валахии, по национальности грузин. Будучи рабом в юности, он дошел благодаря своим талантам до самой высокой церковной степени».

Грузинское происхождение Антима Ивериану подтверждается и многочисленными другими свидетельствами.

«Антим Ивериану был грузином по происхождению, родился он в области Кавказа, называемой Иберией, или по-гречески Ивирией, поэтому и называл себя «Ивириану», — писал епископ Мелхиседек².

О том, что Антим происходил родом из Иверии, говорил в предисловии к его «Проповедям» Петр Ханеш³.

Профессор Дамиан Богдан дает некоторые новые сведения о жизни Антима⁴: «Известно только, что он был сыном Иона и Марии и происходил из Иверии (классическое название Грузии), как указывал сам Антим во всех своих трудах на греческом и на румынском языках, которые он подписывал Ивериану».

Много страниц в своем труде «Румыно-русские культурные взаимоотношения в прошлом» посвятил Антиму академик Петре Константинеску-Яшшь.

«Антим (мирское имя Андрей) родился в Иверии, откуда и был угнан в рабство турками... Антим — сын грузинского народа, большой патриот, любивший и подлин-

ную свою родину и страну, ставшую столь же родиной для него, защитник бедняков. Это одна из самых замечательных личностей, способствовавших развитию культуры и просвещения в Румынии брынковянской эпохи расцвета»⁵.

Такого же мнения о происхождении Антима придерживаются и другие исследователи его жизни и деятельности.

Это подтверждает в своем исследовании Эмиль Пико: «...Антим Ивериану ни в одном издании не забывал упомянуть, что он грузин», и далее: «Несмотря на грузинское происхождение, он всем сердцем привязался к своей второй родине»⁶.

И наконец в официальном бюллетене румынской патриархии, в главе «Титулатура митрополитов» сказано: «Преемник митрополита Феодосия, известный митрополит Антим почти всегда в титулатуре напоминает о своем грузинском происхождении, именуя себя «Ивериану», то есть «происходящий из Иверии».

Таким образом, можно считать, что, помимо основных фактов, свидетельствующих о грузинском происхождении Антима, нужно учесть следующие: подпись «Антим Ивериану» либо «Антим из Иверии» под всеми его печатными и рукописными трудами, несомненное знание им грузинского языка, грузинские мотивы в скульптурных произведениях, миниатюрах и орнаментах.

Антим постоянно помнил о своей родине, не раз с тоской и затаенной горечью вспоминал о ней, несмотря на то, что Румыния приняла его и усыновила.

В письме к Константину Брынковяну от 13 января 1712 года /пункт 92/ Антим писал: «Я чужестранец, и не полагалось, чтобы я был митрополитом». В речи, произнесенной при восшествии на престол митрополита, Антим сказал: «Бог не посчитался с тем, что я человек скромный и незаметный, не посчитался с моей бедностью и с тем, что я иноземец по происхождению».

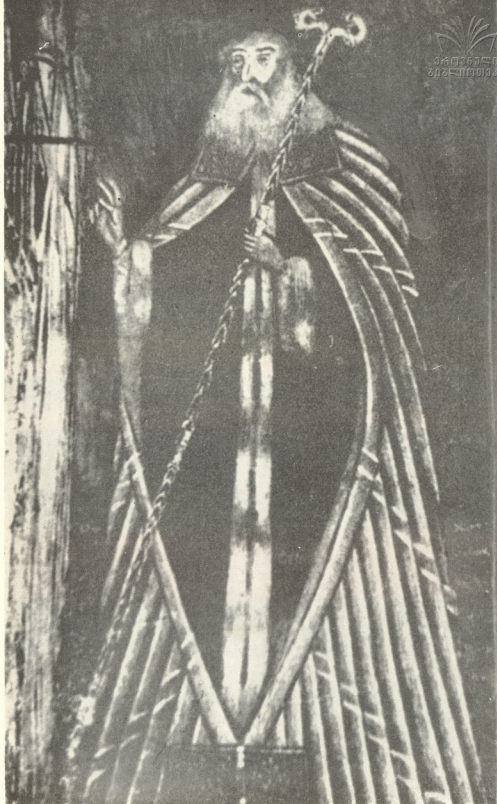
До нас дошло очень немного достоверных сведений о жизни Антима до того, как он попал в страну, которой суждено было стать для него второй родиной.

Предполагают, что Антим был угнан турками и привезен в Константинополь. Происходил он, скорее всего, из

Митрополит Антим Иверяну
Портрет маслом, находится в румынской патриархии
в Бухаресте

Митрополит Антим Ивернану
Настенная роспись в монастыре Говора

причерноморских областей Западной Грузии, откуда до-
хищали людей и продавали в неволю.

В рукописи «Распорядок монастыря Антима» есть пункт, предписывающий поминать Антима, а также Иона, Марию, иеромонаха Макария и архиерея Феодосия.

По существующему тогда обряду поминания можно с определенностью предположить, что Ион и Мария были родители Антима, а остальные — благодетели, оказывавшие ему большую помощь после приезда в Румынию.

Родился Антим (Андрей) в 1650 году. Эта дата определяется на основании того, что, когда его продали на стамбульском невольничьем рынке, ему было 16 лет. Выкупил его иерусалимский патриарх Досифей⁷.

При дворе Иерусалимского патриарха Антим находился до 1689 года, то есть двадцать три года. К сожалению, точных данных о том, чем занимался там Антим до тридцатидевятилетнего возраста (1666—1689 гг.), нет. Но с большой долей основания можно сделать предположение о роде его занятий, исходя из нижеследующего.

В то время Иерусалимский патриарх вел интенсивную переписку с грузинскими царями и католикосом Грузии. В одном из писем патриарх писал грузинскому католикосу: «...Ваши письма весьма обширны. Но кому же перевести их для нас? У нас нет переводчика. Тысячу раз просил я в своих письмах к вам: пришлите одного раба для воспитания и обучения, чтобы он оказывал помощь нашей переписке с вами. Но вы этого до сих пор не сделали» (П. Иоселиани, из «Послания Иерусалимского патриарха Досифея в Грузию. 1866 г.»).

Содержание этого письма дает ответ на вопрос о том, для какой цели был выкуплен из рабства Антим Иверияну и чем занимался на протяжении почти четверти столетия.

Антим, хорошо знавший родной грузинский язык и письменность, был выкуплен в тот период, когда Иерусалимское патриаршество находилось в Константинополе и потому нуждалось в специальном человеке для перевода с грузинского. Если бы патриаршество находилось в ту пору в Иерусалиме, то оно могло бы использовать в качестве переводчика монаха одного из тамешних грузинских монастырей.

Дел Киаро высоко оценивал способности Антима: «Он был щедро наделен редкими талантами, изумитель- но владел всеми видами искусства, особенно резьбой, рисо- ванием, гравировкой»⁸, — писал он. В Константинополе Антим изучил греческий и арабский языки, усовершен- ствовал свои знания, развил способности. Благодаря все- му этому он сумел добиться независимого положения и скопить состояние.

Когда господарь Константин Брынковяну, задумав целый ряд мероприятий и реформ для развития культу- ры и образования в Валахии, решил улучшить типограф- ское дело, он привез из Константинополя Антима, так как нуждался в искусном мастере-типографе. Антим был не только искусен в книгопечатании, но и энциклопеди- чески, разносторонне образованным человеком. Очеvid- но это обстоятельство немало способствовало выбору Брынковяну, который не жалел средств для привлечения в Валахию выдающихся людей, способных содействовать расцвету страны.

Вот что писал академик Ал. Россетти о положении Ан- тима до его приезда в Валахию: «Константин Брынковя- ну узнает о нем в Константинополе и привозит в свою страну (примерно в 1690 г.), чтобы способствовать раз- витию культуры. У Антима был необычайно широкий для того времени круг интересов. Он был искусным мастером типографского дела, каллиграфии, резьбы по дереву, жи- вописи. Помимо грузинского языка, знал еще турецкий, арабский, греческий, а после приезда в Валахию изучил румынский и церковно-славянский языки»⁹.

Профессор Ханеш в предисловии к «Проповедям» ut- верждал: «Огромная любовь Брынковяну к культуре и результаты антикальвинистского движения способство- вали приглашению Ивериану в Бухарест»¹⁰.

Несомненно, что знания, образование, культура, кото- рыми обладал Антим ко времени переезда в Валахию и которые обратили на себя внимание валашского господа- ря, приобретены Антимом во время пребывания при дво- ре патриарха. Работая переводчиком, он естественно дол- жен был владеть в совершенстве грузинским и греческим языками. Принимая во внимание, что он жил в Стамбу- ле, не приходится удивляться, что он знал также турец- кий и арабский языки.

Для того, чтобы яснее представить себе, в какой обстановке происходило формирование личности Антима, приведем свидетельство, о котором упоминает Ш. Курдгелашвили в своем труде «Из истории грузинской типографии». Константин Базили, бывший в XIX веке русским генеральным консулом в Сирии и Палестине, дает высокую оценку знаниям и образованности иерусалимских патриархов¹¹, при дворе которых рос и воспитывался Антим. Восприняв наиболее передовые знания своего века, он стал поистине энциклопедически образованным человеком. Именно это, а также отличное знание им типографского дела, побудило Константина Брынковяну, который собирал при своем дворе весь цвет культуры Запада и Востока и затрачивал огромные средства на развитие культуры в Валахии, приложить все усилия для привлечения Антима.

Антим начинает работать в Валахии в 1691 году мастером-типографом, но уже летом того же года господарь Брынковяну назначает его руководителем Бухарестской типографии. Антим энергично принимается за новое дело, реорганизует типографию, и уже 1691 годом датирована первая книга, на которой стоит подпись «Иеромонах Антим». Это переведенные с древнегреческого на новогреческий «Советы Василия Македонского своему сыну Леону», первое письменное свидетельство о пребывании Антима в Валахии. Перевод выполнен Хризантом Нотарасом, будущим патриархом Константинополя.

Книги, напечатанные в возглавляемой Антимом типографии, отличаются хорошим качеством печати и прекрасным оформлением, высокой полиграфической культурой.

Так, например, «Греко-румынская литургия» — настоящий образчик типографского искусства. Интересен в этом смысле и «Псалтырь», украшенный гравюрами, исполненными Антимом с большим вкусом и мастерством¹².

Сразу же после приезда в Румынию Антим взялся за изучение румынского языка. В рукописи, которая была найдена Мелхиседеком (и о которой еще предстоит речь дальше), бросается в глаза большое количество ошибок и странная орфография, на основании чего можно сделать вывод, что Антим в то время делал первые шаги в овладении румынским языком. Если в «Литургии» Антим

лишь выполняет работу гравера и типографа и пишет только эпилог, где просит снисхождения за ошибки, допущенные в языке, то в «Псалтыре» (1694 г.), даже если перевод и принадлежит не ему¹³, уже виден факт огромной важности — Антим к этому времени полностью освоил румынский язык.

Доказательством этого является написанное Антимом трехстраничное посвящение Брынковяну, где он восхваляет его за поддержку типографии, называет его своим благодетелем и подписывается: «Смирнейший из иеромонахов Антим Ивериану». Посвящение отмечено поэтическими качествами, что свидетельствует о его литературных способностях. Ниже приводится отрывок из этого посвящения:

«Преосвященный герб страны Румынской, под которым короновались древние Бысырыбешти, преподнесен в дар благочестивому господарю Константину, происходящему из счастливого их рода. И всеми своими силами он продолжает благие их деяния, и охраняет страну свою от нашествия неприятеля».

В 1694 году Антим приезжает в Снаговский монастырь и основывает здесь собственную типографию.

Снагов — прославленное красотой и живописностью озеро, окруженное лесом, в 34 км от Бухареста. На острове озера стоял монастырь, который ко времени приезда Антима находился в полуразрушенном состоянии. Вероятнее всего, Антим, который предполагал развернуть обширную типографскую деятельность, специально избрал это тихое место «вдали от городского шума», — как пишет Ал. Одобеску*. Брынковяну также одобрил этот выбор Антима, так как его огорчало то, что монастырь и церковь в Снагове влачили столь жалкое существование.

Приехав в Снагов, Антим прежде всего отстроил заново большие помещения для будущей типографии. За ним потянулись его ученики. Снагов стал жить новой жизнью, постепенно превратившись в центр книгопечатания в Валахии¹⁴.

* Ал. Одобеску. Несколько часов в Снагове. Журн. «Ревиста ромына пентру штинице, литере ши арте», II, 1862, стр. 402—403.

Вскоре Антим, видимо, в благодарность за заслуги, был назначен игуменом Снаговского монастыря. Он же основал здесь школу типографов. Жизнь монастыря при Антима пошла совсем по-другому. Он показал себя энергичным организатором и рачительным хозяином сложного предприятия.

В Снагове при Антима было напечатано большое число книг¹⁵ на греческом, румынском и арабском языках.

С 1701 года Антим был вынужден частично отказаться от руководства Снаговской типографией и делить свою энергию и внимание между Бухарестом и Снаговом. Изменение положения Антима было вызвано не столько его собственным желанием или повелением господаря, сколько интригами многочисленных противников его просветительской деятельности и прогрессивных по тому времени новшеств, которые были введены им. Это очень возмущало Антима, положившего столько трудов на возрождение Снаговского монастыря и создание типографии, достигших под его руководством полного расцвета. Об этом свидетельствует письмо Антима к господарю, датированное 1712 годом.

Некоторое время обе типографии — Снаговская и Бухарестская — работают, издают книги, но уже в 1702 году Снаговская типография, лишившись руководства Антима, прекращает свою деятельность и в 1705 году окончательно ликвидируется. Антим оставался игуменом Снаговского монастыря до 1704 года. Но вскоре ему пришлось оставить эту должность и навсегда покинуть Снагов. Его современники говорили: «Антим уехал, забрав с собою лучшие дни Снагова». Это высказывание ясно свидетельствует о той роли, которую сыграл он в Снагове, все достижения и процветание которого достигнуты благодаря «труду, стараниям и талантам Антима». В Снаговской типографии им было напечатано четырнадцать книг на четырех языках, отлит арабский шрифт, приобретено все оборудование для типографии. Здесь были обучены мастерству ставшие впоследствии искусными типографами М. Иштванович, Г. Радович, Дионисий Флору и др.

И тем не менее враги и завистники всячески старались подорвать авторитет Антима в глазах господаря. Судя по всему, этот замысел удался им. В результате

Антим был вынужден оставить Снагов. Когда позднее, в 1712 году, заговор против Антима достиг своей цели, господарь разгневался на него, Ивериану в защитительном письме от 13 января сам касается вопроса, который, видимо, особенно мучил его. Рассказывая об обвинении, выдвинутом против него в связи с его работой в Снагове, он пишет: «...И Снаговский монастырь я не захватил силой. В те семь лет, которые я там работал, мною создано немало для преуспевания обители нашей (не столько из доходов дома, сколько благодаря пролитому мною поту лица моего. За меня говорят мои дела). И хотя твое высочество не желал, чтобы я ушел оттуда, оставаться я уже никак не мог, а кто этого хотел, да ответит перед богом. Несмотря на все это, я оттуда вышел с честью, хотя никто и не сказал мне спасибо за все, что я сделал и добавил к славе нашего дома. Я ничего не испортил и долгов, видит бог, не оставил».

Обида и горечь, с которыми Антим говорит об обстоятельствах своего ухода из Снаговского монастыря, вполне понятны и объяснимы, так как уход его весьма напоминает изгнание человека, незаслуженно оклеветанного врагами.

Так как Антиму удалось отвести от себя наветы и доказать несправедливость отстранения его от должности, после Снагова ему доверяют более высокую должность.

Новое назначение также было связано с немалыми сложностями.

Рымникский епископ Илларион был обвинен в нарушении церковных канонов и в приверженности католичествому, синод судил его и 13 марта 1705 года постановил снять с него сан епископа.

В Рымнике вообще ощущалось большое влияние католицизма. И поэтому здесь нужно было иметь сильного человека, который мог бы защитить православную религию от католического влияния. Кандидатами на сан епископа были выдвинуты Иоасаф и Макарий, которых поддерживал митрополит Феодосий, но выбор тем не менее пал на Антима. Об этом прямо говорится в акте выборов¹⁶.

Аттанасий Миронеску¹⁷ утверждает, что румынские церковники были против назначения Антима епископом, основывая свое мнение на том, что акт не подписан ни

одним из румынских священников. Но это утверждение опровергается самим актом выборов, в котором ясно сказано, что по совету господаря Константина Брынковяну решено было избрать наиболее достойного. Первым кандидатом был игумен кир Антим из Снагова, вторым — духовник кир Иоасаф, третьим — кир Макарий. Ни одна кандидатура не могла быть поставлена на голосование без согласия митрополита страны.

Антим за время своей пятнадцатилетней деятельности доказал, что место епископа принадлежит ему по праву. Прежде всего следует отметить, что новый сан не ослабил его интереса к типографскому делу. В Рымнике он основал новую типографию, куда перевез из Снагова греческий и румынский шрифты. Эта типография существовала с небольшими перерывами до наших дней.

Для искоренения в Рымнике католических доктрин, которые уже приобрели немало приверженцев, необходимо было издавать в большом количестве литературу определенной направленности. И поэтому уже первая книга, напечатанная Антимом в новой типографии, была книгой, утверждавшей православную доктрину. Из десяти книг, напечатанных за первые три года пребывания Антима в Рымнике, особо следует отметить «Том радости» — резкий протест против религиозного догматизма в католическом толковании.

Антим ясно сознавал опасность католицизма для румын из Трансильвании. Для борьбы с его влиянием он посылает в Белград самого лучшего своего ученика Михая Иштвановича.

Можно сказать, что главная заслуга Антима за время пребывания его Рымникским епископом, а впоследствии митрополитом состоит в том, что он приложил много усилий для демократизации церковного ритуала, в том числе для ведения службы на родном и понятном для местного населения румынском языке.

Дело в том, что вплоть до XVII века служба в Валахии велась на церковнославянском языке. Впоследствии при Шербане Кантакузино и Константине Брынковяну преобладающее влияние приобрел греческий язык. И тот и другой были чужды народу, оставаясь понятными лишь для узких кругов. Антим решительно узаконил отправленные церковной службы на румынском языке.

Для осуществления этой реформы в Римнике и в Тырговиште были заранее напечатаны на румынском языке необходимые книги. Встает вопрос, не был ли Антим не только инициатором, но и автором переводов этих книг? Это можно утверждать с уверенностью только в отношении «Молитвенника», напечатанного в Римнике, так как перевод этой книги снабжен подписью: «Антим Иверриану, епископ Римникский». Перевод остальных книг был осуществлен, видимо, его учениками, но иллюстрации, гравюры, фронтисписы, прописи и виньетки, искусно исполненные техникой ксилографии, представляют собой настоящие шедевры, что дает основание считать их делом рук Антима, признанного современниками великим художником¹⁸.

27 января 1708 года скончался митрополит Феодосий. Он оставил завещание, в котором предлагал, чтобы место митрополита занял Антим. Сам факт, что среди всех видных деятелей румынской церкви Феодосий остановил свой выбор на «чужестранце» Антима, говорит об авторитете и уважении, завоеванном им в народе, энергией и талантами в самых различных областях государственной и культурной деятельности. Ряд видных румынских ученых (Н. Иорга¹⁹, Сексил Пушкариу²⁰, Ат. Миронеску²¹) утверждали, что Антим был возведен в сан митрополита по приказу Константина Брынковяну, ссылаясь в качестве доказательства на тот факт, что в руках историков нет ни одного документа о выборах Антима или посвящении его в сан.

Однако самое последнее исследование Г. Штремпела со всей достоверностью опровергает это предположение. Г. Штремпел приводит во всех подробностях хронику летописца Брынковянского двора — Раду Гречиану, где описывается вся церемония возведения Антима в сан митрополита, превратившаяся в торжественное празднество. Вот некоторые выдержки из летописи:

«...После кончины митрополита приготовили все для погребения. На второй день его высочество с обоими патриархами — Александрийским и Иерусалимским, — которые присутствовали при погребении, и всеми архиереями, священниками, игуменами и множеством народа церковного и светского, отслужили службу в святой митрополии с большим почетом... После этого они все во-

шли в дом владыки, и начались переговоры о выборе нового владыки...

По завещанию покойного отца митрополита кира Феодосия место нового митрополита должен был занять Рымникский епископ кир Антим. Завещание было прочитано во всеуслышание, и все в один голос сказали его высочеству — как отцы патриарха, так и другие архиереи и бояре: нужно исполнить последнюю волю покойного отца, нужно, не откладывая дела, избрать Рымникского епископа, чтобы он был архиереем и владыкой, а никто другой. Его высочество, услышав всеобщее желание, чтобы было так, как завещал Феодосий, позвал его (Антима) в дом владыки и вручил ему посох...»

После этого, говорит хроника, Брынковяну послал Чохондария Глигорашко в Константинополь в патриархию, чтобы испросить у владыки разрешение на возведение Антима на престол и перевод его из Рымникского епископата в митрополию. Глигорашко вернулся 19 февраля с распоряжением бывшему митрополиту Адрианополья Клименту осуществить перевод Антима из Рымника на должность «владыки страны», что и было исполнено 21 февраля 1708 года.

«На следующий день (то есть в первое воскресенье великого поста), — продолжает хроника, — после церковной службы в митрополии, Брынковяну послал великого постельничего* Штефана Кантакузино в государственной прекрасной карете с блестящей свитой и повелел передать Антиму приглашение во дворец. Антима по парадной лестнице повели в «диван», где он встретился с водой**, который поцеловал новому владыке руку. Затем была прочитана прекрасная речь о той должности, в которую отныне возводился Антим... Потом они посидели, побеседовали, и повелел господарь, чтобы все вошли к нему в дом, пили водку и поздравили нового митрополита, целуя ему руку»²².

Во время церемонии возведения в сан митрополита Антим, согласно ритуалу, произнес речь. К счастью, эта речь сохранилась и является не только ценным докумен-

* П о с т е л ь н и ч и й — один из советников господаря, ведающий приемами; боярское звание.

** В о д а — воевода, князь.

том того времени, но и позволяет судить о литературном таланте и ораторском искусстве Антима. Речь произнесена с большим чувством и красноречием и — что наиболее примечательно для нас — на прекрасном румынском языке.

«Речь, которую произнес Антим при посвящении в сан, исходила теплотой его красноречия, была исполнена поэзии и пафоса, возвышенности и блеска. Такой никто и никогда еще не произносил до него на румынском языке», — так оценивал эту речь Г. Штремпел²³.

В этой речи прежде всего обращает внимание скромность, смирение и демократизм нового митрополита. Антим ясно показал, что он не просто сочувствует, а поистине страдает вместе с простым народом Румынии от оттоманского владычества и мечтает об освобождении.

Антим начинает свою речь сравнением: хороший врач не тот, который истязает и мучает больного с целью его вылечить, а тот, кто избавляет от недугов сладкими средствами. Этим иносказанием вступающий в сан митрополит призывает духовных пастырей предпочитать добро и ласковое слово обличениям порока и наказания. Он сравнивает себя с простыми людьми: рыбаками и пастухами с берегов Генисарета, вспоминает об апостолах, которые любовью и смирением добивались больших успехов во славу своего учения, чем императоры и военачальники.

«Люди без оружия и без богатства, бедные и необразованные подняли не боевые стяги, а знамя мира, — говорил митрополит, — и я пришел к вам не с молнией гнева, а укрепленный единственно духом мира, стремясь без ран, без крови, без ущерба сломить язычество, искоренить обман и зло».

Антим с благодарностью и уважением восхваляет страну, которая его приняла и возвысила, заверяя, что он честно и смело исполнит свой долг перед ней. Речь свою Антим произнес на румынском языке, несмотря на то, что на торжестве присутствовало двое греческих патриархов — Хризант Нотаррас Иерусалимский и Герасим Палладас Александрийский. Он скромно заявил: «Нет моей заслуги в том, что мне даровали столь почетную должность. Мне поручено охранять паству, окруженную бедами и горестями, которые исходят от тех, кто не

справедливо владеет землей этой. И вместе с вами ждено мне испытать до конца всю чашу горестей...»

Антим прямо намекает на турецкое владычество и горестное положение народа, беря на себя обязательство быть рядом с народом во всех невзгодах и всегда помогать ему.

Своей речью Антим доказал противникам полного равноправия румынского языка во всех областях жизни, что на нем столь же успешно можно выразить возвышенные чувства, как и на греческом. Благодаря его красноречию румынский язык был поднят на необыкновенную высоту.

Антим оказался достойным доверия. Все, о чем он говорил в речи при возведении в сан, было законом его жизни до конца дней.

Французский ученый Э. Пико в немногих ярких и убедительных строках дает исчерпывающую характеристику его деятельности: «Среди всех прелатов, которые занимали митрополитский престол, нет ни единого, кто бы предстал потомству такими разнообразными и высокими заслугами, как монах Антим. Его знания, его художественный вкус, его любовь к книгам ставили его «превыше всех прелатов», но его заслуга неизмеримо больше, ибо он, чужестранец, пришелец из далекой Грузии, дал пример румынского патриотизма...»*

Будучи митрополитом, Антим бесстрашно изобличал пороки современного ему общества. Падение нравов в пастве всегда было источником его искреннего огорчения. Он не делал различия между согрешившими крестьянином и вельможей. Авторитетно, убедительно и сурово звучал с амвона голос митрополита, который нелюбезно обличал виновных, невзирая на их происхождение и положение при дворе. Даже самому господарю не боялся он публично указывать на его заблуждения и ошибки, что, кстати говоря, впоследствии стало одним из пунктов предъявленного ему обвинения.

Позже, в своей защитительной речи, адресованной к Брынковяну, Антим признавал, что позволял себе делать господарю замечания, указывая на его ошибки, но по-

* Э. Пико. «О типографе Антими Ивериану», Париж, 1886 (на франц. яз.), стр. 515.

буждало его к этому не корыстное намерение или злой умысел, а понимание им подлинной роли и обязанности духовного пастыря и владыки. История, пожалуй, не много знает подобных примеров. Можно вспомнить, к примеру, о бескомпромиссности и непримиримости Ж.-В. Боссюэ по отношению к Людовику XIV.

Антим Ивериану по праву считается зачинателем искусства красноречия у румын. Высоким образцом его ораторского искусства являлись его проповеди (дидахи). У нас нет прямых доказательств того, что Антим сам читал свои проповеди. Впрочем, такой вывод можно сделать, исходя из того, что его дидахи неизменно написаны от первого лица: «Любовь, которую я вижу в этом почетном собрании, заставляет меня говорить...» Такие обороты дают основания думать, что он произносил свои проповеди непосредственно с церковного амвона, в присутствии Брынковяну и бояр.

Дидахи обнаруживают в их авторе не только искусного проповедника, но и глубоко образованного и эрудированного человека. Его проповеди, рассмотренные как литературные произведения специфического жанра, являются богатным материалом для характеристики общественного положения Валахии того периода, а также достоверным источником для характеристики личности их автора.

Проповеди Антима — это образцы духовной литературы, которые ставят целью не только воспитание масс в духе религиозных догм, — эти цели преследовали и проповеди XVII века. Антим стремится страстными призывами и обличениями исправить общество, вылечить язвы, разъедающие его организм. Именно в этой активной тенденции и состоит новаторское значение проповедей Антима, которые вторгаются в повседневную жизнь всех слоев современного румынского общества.

Назовем некоторые объекты его яростных филиппик:

Священнослужители, лживые и нечистоплотные в интимной жизни, охотно усваивающие наихудшие пороки мирян, ведущие разгульную, греховную жизнь. Митрополит призывал кары небесные на головы тех и других, буде они не покаются и не исправятся.

Бояре, беззастенчивые грабители и притеснители народа, смертельно завидующие друг другу и враждующие

между собой, в ущерб родине. Антим часто обращался к боярам с призывом забыть распри и междоусобицы, отказаться от интриг и клеветы во имя высших интересов страны. «Мы хотим, чтобы был мир между нами, — призывал он враждующих. — Оставьте грабежи, оставьте притеснения». Или в другом месте: «Отбросим гнев, забудем зависть, утолим жажду избавления, изгоним лживые и хитрые языки».

Жены бояр, их роскошные наряды и бесстыдно выставленное богатство, представляющее столь разительный контраст на фоне нищеты народа. Антим не задумываясь осуждает саму систему эксплуатации и ограбления народа. Его проповеди содержат галерею образов, представленных с юмором и сарказмом.

Антим был человеком сильной воли и безукоризненной честности, безжалостно требовательным к себе и другим и настолько властным, что умел безоговорочно подчинять себе паству.

Вот образчик властной интонации, характерной для его разговора со своими слушателями: «Сделайте так, как я вам велю, в противном случае да падет на вас кара со всей строгостью церковных законов. И пусть никто из вас даже в душе не подумает: какое дело владыке до нас, зачем он вмешивается в наши дела, пусть занимается своими делами. Если до сих пор вы не знали этого и никто вас не учил этому, знайте сейчас, что меня касается все, что касается жизни, судеб и дел всех, кто проживает в румынской стране, от мала до велика, от грудных младенцев до седовласых старцев, помимо тех, которые не исповедуют православной веры».

Обычай читать проповеди в дни религиозных праздников был очень распространен во всем христианском мире как на Западе, так и на Востоке. Так, например, литературную славу Франции составила плеяда церковных ораторов XVII—XVIII веков (Боссюэ, Бурдалон, Флешье, Масион).

В Валахии этот обычай развился под влиянием церковнослужителей Греции и Иерусалима. Антим особенно прославился благодаря своему красноречию: «В митрополии звучал голос самого крупного румынского проповедника — голос митрополита Антима», — писал в предисловии к «Проповедям» профессор Петр Ханеш.

Гораздо позднее Арделианская школа популяризировала и другие проповеди, объединенные под названием «Речи на румынском языке в красивой форме», принадлежавшие передовым людям румынской культуры, но «они не обладали прелестью и энергией речей Антима Иверриану», — свидетельствует видный румынский историк Н. Йорга (Н. Йорга. «О проповедях») ²⁴.

Помимо проповедей, то есть литературных произведений, рассчитанных на устное исполнение, Антим оставил чрезвычайно интересные письма, которые содержат поучения ученикам, призывы не поддаваться порокам и суевериям и являть окружающим пример честности в словах и действиях.

Благодаря дидахам (несмотря на наличие и других произведений) Антим по праву занял место среди лучших румынских писателей конца XVII — начала XVIII века.

В проповедях, которые единодушно признаны блестящими литературными произведениями своего времени, получили развитие приемы ораторского стиля, эволюционировал литературный румынский язык, обрели права гражданства многие народные речения, фраза зазвучала широко и гармонично. Таким образом, творчество Антима Иверриану останется в истории румынской литературы не только благодаря острому звучанию социальной и этической проблематики той эпохи, но и в силу высоких художественно-эстетических достоинств.

С литературной деятельностью тесно связана и его работа в качестве организатора типографий, разностороннего мастера печатания и оформления книг, а также их активного пропагандиста и распространителя. Следует отметить широту его просветительских интересов. Среди книг, напечатанных им при активной поддержке Константина Брынковяну, помимо румынских, были книги на церковнославянском, греческом, арабском языках ²⁵.

Изданные Антимом книги составили целую эпоху в румынском книгопечатании вообще, так как их отличало высокохудожественное оформление, особое изящество и четкость шрифтов. Выпустив в свет «Греко-румынское евангелие» (1693), Антим заслужил право называться «Мастером тонких рисунков пером» ²⁶.

Выдающийся талант художника, тонкий вкус и специальная подготовка позволили Антиму проявить себя в оформлении напечатанных им книг непревзойденным каллиграфом и ксилографом.

«Вскоре он стал не только крупнейшим мастером в этом искусстве, но и непревзойденным каллиграфом, чьи рукописи до сих пор вызывают наше восхищение»²⁷, — писал в своей «Истории румынской литературы» Н. Йорга, отмечавший у Антима талант ксилографа, рисовальщика, художника.

По словам Штремпела, «его деятельность в качестве гравера может составить довольно обширную отдельную главу»²⁸.

Подводя некоторые предварительные итоги деятельности Антима по созданию собственных литературных произведений, изданию, оформлению и распространению книг, организации и руководству типографий, можно сказать, что она вдохновлялась несколькими основными принципами. Это утверждение равноправия румынского языка и широкое введение его в церковную службу и литературу, просвещение румынского народа, поднятие его культурного уровня, улучшение нравов общества, наставление служителей митрополии в духе честного служения высоким идеалам.

Разносторонность энергичных и активных действий Антима проявилась не только на церковном и культурном поприще, но и в том участии, которое он принимал в строительстве монастырей и церквей.

В одном из последних исследований, посвященных Антиму, румынский ученый И. Нану справедливо писал: «Митрополит и художник, Антим сочетал в своей личности талант архитектора, художника, гравера, будучи одним из самых разносторонне одаренных людей, известных в прошлом нашей истории»²⁹.

Кем бы Антим ни предстал перед своими современниками — государственным деятелем, высокопоставленным служителем церкви, литератором, художником или типографом, — вся его деятельность имела одну высокую цель — процветание и независимость его новой родины, Румынии.

Доказательством его патриотизма является, к при-

меру, его отношение к притязаниям Иерусалимской патриархии.

У Антима с самого начала установились очень хорошие отношения с иерусалимским патриархом Хризантом Нотаррасом, который благословил его при занятии престола митрополита Румынии.

Сохранилась их переписка, из которой видно, что Антим советовался с Хризантом по любому вопросу, относясь к нему с большим уважением. Однако впоследствии Хризант стал выдвигать требования, чтобы все церкви и монастыри Валахии перешли в полное подчинение Иерусалима и чтобы он, Нотаррас, был признан в Румынской митрополии полноправным в «административных и религиозных делах»³⁰.

Хризант даже повелел всем греческим монахам, находившимся в Валахии и правившим службу в монастырях, чтобы они исключили из своих молебнов упоминание имени вселенского патриарха, а также митрополита Антима. На этой почве в 1710 году возник конфликт между Иерусалимским патриархом и Румынским митрополитом. Антим не уступал домогательствам Хризанта, несмотря на их прежние отношения, которыми он очень дорожил, и на уважение к нему. Раскол между ними еще более усилился, когда к расхождениям по вопросам церковной иерархии добавились политические противоречия. Нотаррас был деятелем турецкой ориентации, а Антим вел политику сближения с Петром Великим во имя освобождения Валахии из-под турецкого владычества.

Письма Антима³¹, которые сохранились в коллекции Хурмузаки, позволяют судить о принципиальности и бескомпромиссности его позиции в этом конфликте.

Одно из писем озаглавлено: «Антим, митрополит румынской страны, к Афанасию, вселенскому патриарху, о его борьбе против Хризанта, Иерусалимского патриарха, который намеревался присвоить монастыри, посвященные священной могиле».

Антим с возмущением пишет о требовании патриарха подчинить все румынские монастыри его власти: «Не было и не будет, — заявляет он, — в Унгро-Влахии монастырей, подчиненных Иерусалиму либо какой бы то ни было чужой епархии...»

Письмо Антима написано не тоном просительной смиренности, а звучит как полный достоинства протест против несправедливых притязаний убежденного в своей правоте человека. Решительно и с нескрываемой иронией Антим вопрошает Афанасия, не отказался ли тот от своих единовластных прав в пользу патриарха Хризанта, и просит сообщить, в случае если он согласен уступить домогательствам соперника с тем, «...чтобы у нас был единственный патриарх — Хризант, а не два. Но сие невозможно, так как противоречит нашим законам». Письмо подписано скромно, без титулования: «Унговлашский Антим», и датировано 26 декабря 1710 года.

Сложность ситуации усугублялась тем, что ему пришлось выступить против человека, который посвятил его в митрополиты, постоянно поддерживал с ним дружеские связи, помогал советом и поддержкой. Но там, где дело касалось национальных интересов, где ущемлялась свобода и независимость, Антим был негибким и бескомпромиссен. Это особенно показательно, если сравнить с ним хотя бы молдавского митрополита Гедеона, который покорно согласился на отторжение имущества подчиненных ему монастырей.

Хризанту, разумеется, очень скоро стало известно о протесте Антима, и это привело к полному разрыву между ними. 20 сентября 1712 года Антим посылает Иерусалимскому патриарху Хризанту письмо, которое означало возобновление переписки между ними. Письмо его к Хризанту составлено в очень вежливой форме, но тем не менее никаких уступок по главному вопросу их конфликта не ссдержит. Вся их переписка с 1712 года по 1714 год сохранилась в коллекции Хурмузаки.

Из этих писем видно, что Хризант неохотно шел на примирение, тем более, что Антим, хоть ему и принадлежала инициатива восстановления отношений, не уступал в принципиальных вопросах и оставался на своей твердой позиции, так как был уверен в своей правоте. Впрочем, он готов был дать дополнительные объяснения.

Так, в письме от 15 ноября 1712 года Антим писал: «Но (так мне кажется) вашему преосвященству не совсем ясно то, на чем мы стояли и стоим, и потому необходимо напомнить вам и другие аргументы для того, чтобы вы полностью поняли нас, и доказательства полной

нашей невинности, которые у нас имеются, ибо правда сопутствует нам...»³².

Переписка между ними продолжается до 1714 года, но их взаимоотношения уже не идут дальше деловых вопросов, и дружеской теплоты нет и в помине.

Сохранилось письмо Антима Хризанту, в котором румынский митрополит писал, что узнал о неприятностях, причиненных Иерусалимской епархии врагами. В ответ на просьбу патриарха прислать печатный станок Антим пишет, что, к сожалению, пока не может ее выполнить, так как станок поломан, «но если, даст бог, туда поедет наш ученик Михаил, то я выполню свое обещание. Он сам на наши средства достанет станок, вы, ваше преосвященство, можете в этом не сомневаться...»

Особый интерес для нас представляет письмо от апреля 1713 года, в котором Антим сообщает о путешествии типографа Михая Иштвановича из Грузии через Россию в Голландию. Это — ответ на письмо Хризанта, привезенное игуменом монастыря Калай, о котором Антим говорит, что ему была оказана необходимая помощь. Он также пишет, что если к нему придет типограф от Хризанта, который сейчас находится в Константинополе, он его обучит своему искусству.

«Наш ученик Михай вот уже год выехал из Иверии и, как я узнал, очень медленно добирался до столицы... но прибыл благополучно и в полном здравии. Желая еще больше усовершенствоваться, он поехал в Голландию, однако мы не знаем, как долго останется он в тех местах».

С августа 1714 года до марта 1716 года переписка Антима с Иерусалимским патриархом была вновь прервана. Единственное за это время послание было отправлено Хризантом в марте 1715 года. Эта грамота — подтверждение «Устава» для монастыря Всех Святых с таким же точно текстом, как и грамота Вселенского патриарха Козьмы от 20 сентября 1714 года³³.

24 марта 1716 года их переписка вновь возобновляется. Это было в тот период, когда Антим, гонимый многочисленными врагами и преследуемый доносами и интригами, находился в крайне тяжелом положении.

В этих обстоятельствах он вынужден напомнить Хризанту о старой дружбе. «Так как плохи стали дни нашего существования, нескончаемы подозрения и пересылка

писем затруднена и небезопасна, мы вынуждены были молчать столько времени, чтобы не давать повода для злословия тем, кто нас преследует, и не позволить им клеветать на нас...»³⁴. Далее он подробно описывает обрушившиеся на его голову горести и заканчивает письмо надеждой на приезд Хризанта.

Это письмо, оказавшееся последним письмом Антима, как бы завершает длительную эпопею его дружбы-вражды с Иерусалимским патриархом. Но даже личные невзгоды не заставили его поступиться интересами Румынского государства.

* * *

Сила и страстность патриотического чувства Антима Ивериану особенно ярко проявились в его борьбе за освобождение Румынии из-под турецкого владычества.

Истоки его ненависти к захватчикам восходят еще к тому времени, когда он юношей наблюдал гнет и разорение, которое нашествие иноземцев несло его родине — Грузии. Теперь он столкнулся с тем же самым и в стране, которая приютила и усыновила его, — в Румынии. Национальное угнетение, разорение экономики и хозяйства, грабеж народа, стонавшего под иноземным игом, — все это напоминало Антиму положение Грузии. И потому он решительно встал на сторону тех, кто не смирился и не сломился. В трудах и страданиях подтвердил Антим свою любовь и преданность румынскому народу.

«Время его пребывания на должности митрополита совпало с переломными моментами истории румынского народа, который находился тогда на распутье»³⁵, — писал академик П. КонстантINESКУ-ЯШШЬ в своей книге об Антима Ивериану.

Маленькая Румыния находилась в окружении четырех мощных государств: Османской империи, Австрии, России и Польши. Все это были государства с различными вероисповеданиями и социально-политическими укладами, что создавало особые трудности в положении румын. Интересы и чувства простого народа были с единовѣрцами-христианами, политически же страна была связана с турками. Поэтому Константин Брынковяну, хотя личные симпатии его склонялись к русским, на деле

при политических решениях в наиболее серьезные моменты истории Валахии зачастую проявлял колебания и непоследовательность.

Для Антима же всякие шатания были совершенно немыслимы. Стремление к национальному самоопределению и религиозной независимости народа делало его решительным и непримиримым. Эта позиция находила полную поддержку у простого народа, на своей шее испытывавшего все прелести турецкого господства, и в то же время пользовалась сочувствием у определенной части боярского сословия.

Митрополит хорошо видел, что маленькая и ослабевшая в неравных битвах страна в одиночку не сможет добиться успеха в борьбе за освобождение, и потому видел единственный путь к свободе в союзе с Россией, с Петром Великим.

Возможность такого союза появилась летом 1711 года, в период русско-турецкой войны. Театром военных действий была Молдова, а закончилась война в Станилештах, на реке Прут.

До начала войны господарь Брынковяну был на стороне русских, которым обещал всяческую помощь, особенно провиантом и деньгами. Он даже пытался склонить их поскорее начать военные действия³⁶. Но едва война началась, Брынковяну стал вести двойственную политику. Он с войском стоял возле Албешти, в бездействии, выжидая, на чьей стороне будет победа. В то же время он торопил с выступлением турецкого визиря, которому советовал застичь врасплох русские войска³⁷.

В ходе всех этих событий Антим занял решительную позицию поддержки единой России и стал собирать вокруг себя единомышленников.

Он вступает в переговоры с русскими, находится в курсе всех обстоятельств заключения союза в Лутце, получает через В. Стегару трактат и требование о поддержке провиантом, который он представляет колеблющемуся господарю.

Вскоре после этого спытар* Тома Кантакузино, возглавивший группу решительно настроенных бояр, не

* С п ы т а р — военачальник, спатарь.

считаясь с указанием господаря, перешел в Молдову и соединился с русскими войсками.

Хроника Раду Попеску прямо указывает на то, что Тома Кантакузино решился на столь смелое выступление по совету Антима. Вот как описывает летописец Раду Попеску эти события: «...Там, в Урлаць, находились владыка и все бояре, увидев, что Константин Вода (Брынковяну) колеблется в отношении русских, владыка устроил совет, на который призвал бояр, Тома, военачальников и несколько других не названных лиц. На совете постановили соединиться с русскими и покинуть Константина Воду, считая, что он решил предать русских, поскольку увидели, как он отказался оказать помощь, которую он им обещал, а именно прислать продукты, деньги и войско, после этого совета спытар Тома перешел к русскому царю с несколькими своими людьми...»³³.

Неожиданный переход Кантакузино к русским необычайно осложнил положение Брынковяну, так как турки заподозрили его в измене, тем более, что Тома Кантакузино приходился ему двоюродным братом. Тогда Брынковяну решился на сильные меры. Зная, что Антим широко известен своей поддержкой русской политики, господарь, чтобы заслужить благосклонность турок, открыто высказал свою немилость митрополиту, которого всегда высоко ценил и уважал. Перемена его отношения особенно ясно видна из дворцовой хроники, которую под диктовку Брынковяну писал летописец Раду Гречиану.

Описывая получение трактата митрополитом Антимом, господарь-летописец подчеркивает ошибочность этой акции Антима: «О, сколь не пристало церкви вмешиваться в государственные дела и сколь неприлично быть возмутительницей спокойствия. Особенно пастырю церковному, ибо доверили ему, возвысили его, привезли из чужого края, а он, не считаясь ни с чем, сопротивляется...»

Прослышав о господаревом гневе, многочисленные недруги и завистники Антима тотчас подняли головы, так как все они только и ждали случая, чтобы погубить митрополита. Антим многих восставил против себя суровостью своих обличений. Вокруг его имени стали плестись сети заговоров и интриг, которые немедленно становились известными господарю. Желая доказать свою преданность туркам, Брынковяну благосклонно прислу-

шивался к этим наветам и вознамерился лишить Антима сана митрополита и своего доверия.

В предисловии к «Проповедям» проф. П. Ханеш в разделе «Митрополит Антим — политический деятель» пишет: «Он был один из тех передовых людей страны, которые уговаривали господаря решительно пойти на союз с русскими. Он требовал открытой и честной политической линии, которой Вода остерегался»³⁹. Далее он приводит слова профессора Иорги: «Антим был настолько откровенным противником турок, что Константин Вода считал необходимым в собственных интересах принять меры против него. И он потребовал отстранения митрополита...»⁴⁰.

В воскресенье, 11 января 1712 года к Антиму пришел духовник господаря Митрофан из Ниссы и потребовал от имени Константина Брынковяну, чтобы Антим добровольно снял с себя сан митрополита, иначе господарь лишит его сана самолично. Мотивировалось это требование тем, что Тома Кантакузино перешел на сторону русских по настоянию Антима.

Из письма-защиты Антима становится ясным, что список предъявленных ему обвинений этим не исчерпывался. Ему ставилось в вину и предательство интересов господаря, и доведение епархии до долгов, и даже его чужеземное происхождение. Пытаясь доказать несправедливый, клеветнический характер всех этих обвинений, Антим направляет господарю послание-оправдание. В этом письме Антим не возлагает на Константина всей вины за несправедливость. Он пишет, что господаря могли настроить против него его недоброжелатели, в первую очередь — священнослужители-греки во главе с господаревым духовником, который сам метил на место Антима, а также часть боярства, симпатизирующая туркам.

Два дня после визита Митрофана к Антиму продолжались напряженные переговоры, и наконец вечером во вторник Ивериану сам проникает во дворец тайком, беседует с глазу на глаз с господарем, к которому обращается с единственной просьбой: внимательно и непредвзято прочесть письмо-оправдание. Доказав господарю незаслуженность выдвинутых против него обвинений,

Антим выражал готовность добровольно отказаться от сана митрополита.

Защитительное письмо, о котором идет речь, состоит из двенадцати пунктов. Оно и сегодня поражает строгой логичностью доказательств, достоинством, искренней страстью. Это письмо представляет собой наиболее древний из дошедших до нас защитительных документов в истории румынского права. По мнению специалистов, «оно является необычайно ценным памятником, который живо и убедительно доказывает обширность и разносторонность познаний митрополита Антима. Это произведение содержит и весьма ценные сведения, которые проливают свет на некоторые стороны жизни достопочтенного деятеля»⁴¹.

Антим рассматривает все обвинения по пунктам и опровергает каждое из них. Он пишет: «В страну вашу я приехал не по своей воле, а также не по бедности своей. Да и монастырь Снагов я не силой захватил, так же как и епископство Рымникское тоже не насилем стало моим. Будучи же Рымникским епископом, я даже и не помышлял о том, чтобы стать архиереем и никаких мер для этого не предпринимал».

Далее в письме упоминается о том, как работал Антим днями и ночами, чтобы оправдать доверие, оказанное ему назначением в сан митрополита, сколько сил и трудов положил во славу государства и для благоустройства страны.

Антим прекрасно понимал причины, побудившие недругов возводить на него клеветы: «Злоба и зависть испокон веку царствовали на свете... Человек всегда с завистью видит благо и почет, оказываемые другому... Именно поэтому хитростью и наговорами заставили твое величество отвернуться от меня и сделать то, чего и в молодости не делал».

Далее Антим отвергает обвинение в том, будто им составлен какой-то список из двадцати четырех глав, содержащий обвинения против господаря. Он пишет, что уже Митрофану из Ниссы доказал свою непричастность к этой клеветнической стряпне. Теперь же он решительно требует найти и наказать доносчиков.

В следующей части письма речь идет о ложном обвинении, будто за время пребывания в сане митрополита

Антим довел епархию до долгов и разорения. Причину этого он видит в экономической разрухе, охватившей страну под турецким владычеством: «Если ты, твое высочество, спросишь, почему я делал долги, то должен при этом принять во внимание многие содеянные мною благодеяния. В наши времена кто не в долгах, чей дом не разорен? — ведь мы связаны со страной неверных.

Страна наша, известно тебе, тоже все время в долгах, или, твое высочество, тебе это кажется случайностью времени? Именно это и привело многих, и меня в том числе, к долгам и разорению».

Брынковяну, прочитав оправдательную исповедь Антима, не дает никакого ответа. Две недели Антим не может узнать, принято ли господарем его оправдание. Наконец 3 февраля он посылает ему второе письмо, еще более горькое по тону, но также исполненное гордости и достоинства. В этом послании Антим заверяет господаря, что останется верным ему, какие бы между ними ни произошли разногласия, и не выйдет из его повиновения. Для себя же он просил лишь одного: чтобы господарь собрал все векселя, выданные митрополитом, и передал ему, чтобы он мог обелить свое имя и удалиться со спокойной совестью.

Искренне и страстно звучит голос Антима в этом письме: «Тебя же, твое высочество, молю об этом — чтобы ты поступил так, как надлежит христианскому и всемилостивейшему князю, меня же не оставляй в моей обиде и с невысохшими слезами на щеках, не то грешно тебе будет!»

Брынковяну, приняв во внимание все, чем была обязана страна Антиму Ивериану, решил положить конец этой истории, которая, несомненно, была мало приятна для него самого.

Два защитительных послания Антима, изложенные изящным и высоким слогом, с убедительными аргументами, привлекающие сердца читателей искренностью тона, энергией и выразительностью, достоинством человека, уверенного в своей правоте и в своих моральных качествах, заставили Константина смягчиться и изменить свое отношение к Антиму, оставив его в сане митрополита.

24 апреля 1713 года Антим принялся за создание «Устава монастыря Всех Святых», который по существу явился его завещанием. Этот же день считается датой, когда был заложен фундамент церкви, построенной, так же как и монастырь, по плану Антима.

* * *

Господарь Валахии Штефан Кантакузино, сменивший на престоле казненного Константина Брынковяну, был низложен и убит. Турки назначили господарем Валахии Маврокордата, который до этого правил несколько месяцев в Молдове. Антим с самого начала невзлюбил его несмотря на то, что он очень заискивал перед Антимом и предпринимал шаги, чтобы сблизиться с ним⁴². Антим как будто предчувствовал, что Маврокордат, который являлся послушным орудием в руках турок, впоследствии погубит его.

С приходом этого господаря рухнули все надежды Антима на освобождение от турецкого владычества, так как этот первый в Румынии господарь-фанариот был ярым врагом всего русского.

Для Антима настали тяжелые дни. Он вновь ищет путей для установления связи с союзниками, на этот раз с немецкими, которые в тот период воевали с Турцией. Антим вновь приобретает многих сторонников в лице бояр — среди них были Григорий Делеану, Голеску, Обедени, Брылой и многие другие. Летописец того времени Раду Попеску, который всегда относился к Антиму враждебно, писал, что бояре были соучастниками заговора Антима⁴³.

Другой летописец — грек Митрофан Григораш указывал, что Маврокордата ненавидели за «нескончаемые налоги» и за то, что он пытался ущемить права бояр⁴⁴. Особенно обострились отношения между ним и боярами после того, как он присудил к повешению великого спытаря и боярина Раду Дудеску.

Воспользовавшись периодом недолговременного перемирия между русскими и турками, митрополит договаривается с боярами о более тесном союзе с немцами: при помощи немецких войск он собирался сместить Маврокордата.

Маврокордат, приехавший в страну 30 января 1716 года, уже через полгода с небольшим — 18 августа — нужден был бежать, взяв с собой митрополита и нескольких приближенных бояр. Антим заявил, что не может оставить паству без пастыря, покидает его. Как утверждает Н. Иорга⁴⁵, этот довод Антима имел веские основания, так как, согласно обычаю, в отсутствие господаря именно митрополиту вместе с Советом бояр надлежало заменить его.

Согласно свидетельству летописца Митрофана Григораши, Антим прямо заявил Маврокордату, что отныне между ними вообще нет ничего общего, так как в Румынии уже другой правитель⁴⁶. Он показывает ему письмо от Иона Абрамиоса, проповедника двора, в котором сообщается, что австрийские войска, вошедшие в Бухарест, посадили на престол нового господаря Георге, сына Шербана Кантакузино⁴⁷.

Несмотря на все уговоры и даже угрозы Маврокордата, который грозился, что еще вернется в Валахию вместе с турецкими войсками и тогда рассчитается со всеми изменниками, Антим остался тверд в своем решении покинуть господаря и вернуться к народу. В деревне Одая они расстались.

Действительность подтвердила предположения Маврокордата. Доехав до Русчука, он получил доказательства того, что слух об австро-немецких войсках, занявших Бухарест, был ложным, и, захватив с собой большие отряды турок и татар, отправился обратно в столицу своего господарства, охваченный гневом и жадной мести.

Расправившись с боярами, покинувшими его, он зарубил на части главаря Брезояну, а затем потребовал, чтобы к нему явился Антим. Несмотря на отказ митрополита, его заставили прийти во дворец.

Едва только Антим подъехал ко дворцу, на него набросились турецкие солдаты, вытащили из кареты и, осыпая побоями и пинками, бросили в подвал вместе с Иоанном Абрамиосом.

Антима силой вынудили отказаться от сана, впрочем, он сам уже видел бесполезность всякого сопротивления. На его место был немедленно посажен его злейший враг, клеветой и наговорами давно добивавшийся его по-

гибели — бывший духовник Брынковяну — Митрофан из Ниссы. Маврокордат потребовал у вселенского патриарха Иеремии III утвердить низложение Антима, что последний и сделал незамедлительно.

Патриаршей грамотой Антим был обвинен в «революции и смуте» и в том, что он спознался с дьяволом в своих поступках и принимал участие во многих преступлениях.

«Но самое тяжкое против него обвинение — это явная революция и смута. Преступник сделался мятежником и заговорщиком против могущественнейшей империи... и он сам виновен в том, что его судят, что его лишили канонического сана, и за эти деяния он исторгнут из рядов архиереев и отстранен от Унговлашской митрополии». Вышеназванная грамота лишала Антима митрополитского сана.

Конец акта низложения гласил: «...Оставаясь и называясь монахом, Антим становится частным лицом, одним из многих, и чтобы никто не осмелился отныне... почитать его как архиерея, целовать ему руку или принимать его благословение...»⁴⁸.

Монашеское имя «Антим» было заменено его светским именем «Андрей».

Его привезли ко двору Маврокордата, где был свершен обряд низложения: сняв с головы его подкап, надели на него красный фес, а затем прочитали приговор о пожизненном заточении на горе Синай в монастыре св. Екатерины.

Сразу после оглашения приговора о пожизненном заключении и высылке Антима бросили в повозку и под охраной турецких солдат отправили к месту ссылки. Но ему не суждено было еще раз переступить монастырскую ограду. В Галиполи янычары выволокли Антима из повозки, разрубили на части и бросили в реку Дулчия (которая протекает через Адрианополь⁴⁹). Эта зверская расправа была совершена по приказанию Николая Маврокордата 12 сентября 1716 года.

Румынский народ считал, что Антим действительно был сослан на гору Синай, но вскоре ужасное преступление было разоблачено и страна узнала правду.

О впечатлении, которое произвело в стране убийство Антима, можно судить по свидетельству Дел Киаро:

«Зверское убийство архиепископа, которого все полагали в ссылке, привело всю Валахию в страшный ужас».

Даже бывший врач господаря Константина Брынковяну — Вандербек с возмущением говорил о том, что «Николай Маврокордат не побоялся обогреть свои кощунственные руки в крови митрополита, преследовавшегося им».

Так завершилась полная тягот и тревог, лишений и бед, но славная и благородная жизнь Антима Ивериану, вся до конца отданная им во славу своей новой родины. Ниже мы рассмотрим более подробно некоторые наиболее интересные стороны его многогранной деятельности.

АНТИМ ИВЕРИАНУ — ПИСАТЕЛЬ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ГУМАНИСТ

Разговор о творчестве Антима Ивериану хочется начать с высказывания Дел Киаро, секретаря Константина Брынковяну, который писал об Антимае, что «он был одарен столь редкими талантами, которые поистине составляли симфонию вдохновения и гармонии. Антим не заглушал свои таланты — он развивал каждый из них и ставил их на службу народу».

Несколько подробнее мы остановимся на его роли в развитии румынской литературы и румынского литературного языка.

В труде «История румынского литературного языка» проф. Ал. Россетти цитирует слова И. Былана: «...Благодаря его (Антима) литературному дару он может быть по праву назван зодчим румынского языка и одним из основоположников религиозного красноречия у румын» (стр. 172).

Антим Ивериану «говорил и писал на самом великолепном языке. Никто из ученых его эпохи не мог с ним в этом сравниться», — таково мнение Михаила Садовяну¹ — классика румынской литературы, великого знатока румынского языка.

В данной главе мы хотим показать историческое и художественное значение вклада Антима Ивериану в формирование румынского литературного языка и румынской литературы, проследить значение творчества Антима в истории румынской литературы, дать попытку объяснения социально-исторических причин, обусловивших творчество великого просветителя и гуманиста, оказав-

шого огромное влияние на становление национальных форм литературы и языка.

Прежде всего несколько замечаний о формировании румынского литературного языка, которое, как известно, сопутствует национальному самосознанию.

В труде «История румынского литературного языка» Ал. Россетти и В. Казаку объединяют мнения специалистов по данному вопросу в трех группах. Они отмечают: «...Некоторые считают, что язык румынского народного творчества уже является литературным языком, и поэтому относят его возникновение к периоду до XV—XVI веков».

Положения, что язык фольклора уже является литературным языком и поэтому его появление не следует связывать с письменной формой литературы, придерживались некоторые ученые, в том числе И. Котеану, который утверждает: «Литературный язык появляется задолго до появления письменности, как форма народной культуры... Появление письменности упрочило литературный язык и помогло его развитию, но письменность сама по себе не была необходима для того, чтобы появился литературный язык»².

Другой крайностью в данном вопросе можно считать мнение некоторых ученых, которые относят появление литературного языка к моменту возникновения румынской буржуазной нации, то есть ко второй половине XIX века. Эту позицию поддерживает академик Иордан Йорга: «Литературный вариант языка появляется вместе с рождением нации или, точнее, начало литературного языка связано с процессом превращения народа в нацию». (Л. р. а., III, 1954, № 6, стр. 67).

Более справедливым представляется мнение Ал. Россетти, который утверждает, что неправильно относить появление румынского литературного языка к XIX веку, так как это означало бы игнорирование всего сложного и постепенного процесса развития литературного языка на протяжении веков. Утверждать, что он появился сразу, означало бы упразднить целый этап истории его развития.

Ал. Россетти относится к той группе исследователей, которые утверждают, что возникновение литературного языка совпадает с появлением первых румынских печат-

ных текстов (XVI в.). Вот аргументы, которыми он подтверждает это мнение: «Начало румынского литературного языка имеет в своей основе язык первых наших книг и рукописей, который характеризуется большим количеством специфических черт, категорически отделяющих его от языка устного народного творчества»³.

Сравнивая современные литературные тексты с текстами рукописей и печатных произведений XVI века, нельзя не согласиться с мнением Россетти. Оно подтверждается процессом эволюции языка на всем протяжении истории румынской печатной продукции, когда с каждой новой книгой язык совершенствовался и развивался.

В XV веке в Валахии и Молдове в качестве канцелярского, религиозного и светского языка утвердился церковнославянский язык. Это объясняется тесными экономическими, политическими и культурными связями, объединившими эти страны с государствами византийско-славянского мира.

В силу того, что Ардеалская церковь была связана с Молдовой и Мунтенией (Валахией), в ее обиходе также господствовал древнеславянский язык. Именно благодаря этому первое появление текстов на румынском языке датируется XVI веком. Это — информационное письмо о движении турецких войск боярина Неакшу из Кымпунунга к Хансу Бенкнеру, примарю Брашова, 1521 года (правда, и этот текст содержит несколько славянских слов). После этого все более часто попадаются частные или официальные письма на правильном румынском языке, без славянизмов и эллинизмов. Вскоре начинается перевод на румынский язык церковных книг. Если вспомнить, как свято блюла церковь свои принципы, то этот акт следует признать поистине революционным.

Академик Н. Иорга считает, что первые румынские переводы религиозных книг следует датировать второй половиной XV века, мотивируя свое мнение отличием языка этих текстов от языка печатных текстов Кореси, изданных на целое столетие позднее. Он считает, что появлению этих переводов способствовало гуситское движение, у сторонников которого церковная служба велась на родном языке народа, а не на чужой и непонят-

ной для него латыни. Эту теорию Н. Иорги поддерживал и И. А. Кандря. Он считал, что перевод «Псалтыря» осуществлен в 1500—1520 годах. Однако вряд ли это могло быть так, ибо к этому времени движение гуситов настолько ослабло, что не могло уже оказывать влияние на жизнь других стран.

Из вышеизложенного ясно, что наиболее достоверной с научной точки зрения следует признать дату—XVI век. Именно к этому периоду относится деятельность дьякона и книгопечатника Кореси, с именем которого связываются первые шаги румынского литературного языка.

Ученый О. Денсушиану отмечал: «...Книги Кореси имели наибольшее влияние и способствовали в величайшей степени развитию румынского литературного языка».

Н. Иорга говорил: «Великая заслуга этих книг (Кореси) состоит в том, что, перейдя местные границы, они объединили жизнь всех румын»⁴, — и далее: «Посредством этих книг, больше чем посредством старых рукописей, которые с трудом распространялись, мало и неточно переписывались, и создавалась общая единая литературная жизнь для всех румын». И наконец свидетельство Ал. Россетти: «Благодаря большому распространению книги Кореси, вместо того, чтобы облегчить пропаганду протестантской доктрины, заложили основы нашего литературного языка»⁵.

Таким образом, в XVI веке румынский язык находился в стадии своего формирования. Появились первые переводы церковных книг, документы, частные либо официальные письма — единственные дошедшие до нас памятники румынского литературного языка.

После «Катехизиса», напечатанного в Брашове, дьякон Кореси и его ученики во второй половине XVI века печатают там же на румынском языке серию религиозных книг: «Евангелие» (1561), «Апостол» (1563), «Комментарии к «Евангелию» и др. В это же время в Трансильвании печатается латинскими буквами, но на румынском языке, сборник церковных кальвинистских песен, а в 1582 году таким же способом издаются две книги Библии.

Таким образом, в XVI веке в Трансильвании стали появляться первые культурные центры, но напечатанные там тексты не были полноценными ни по качеству языка,

ни по достоинствам перевода, ни по полиграфической культуре.

Достоинство текстов Кореси состоит в том, что в основу их легло наречие Мунтении и юга Трансильвании, что впоследствии дало основу развитию литературного языка. Но, несмотря на это, язык их сложен и труднодоступен современному читателю без глоссарий и исторической грамматики. Это объясняется тем, что переводчик буквалистски переносил на румынский язык чуждый ему синтаксис и порядок слов церковнославянского языка.

В XVII—XVIII веках турецкое вмешательство в политическую и экономическую жизнь Румынии все больше усиливается. Это влияние оставило следы и в развитии языка. Что же касается культурных отношений с ближайшими соседями, то следует отметить усиление ориентации румынской культуры на Россию, Польшу и Балканские страны. В связи с этим усиливается русское, польское и греческое влияние, которое достигает вершины в XVII веке.

Важным фактором, определившим развитие румынской культуры в XVII веке, явилось основание в стране типографий, которые развернули обширную просветительскую деятельность, став, наряду с монастырями, центрами распространения культуры.

В типографии не только печатались книги, но и создавались правила, способствовавшие формированию литературного языка. Позднее, в 1679 году, в Мунтении появляются первые школы — колледж «Третий Иерарх», основанный по инициативе Шербана Кантакузино, в Бухаресте при монастыре св. Саввы — «Государева Академия», школа в Кымпулунге. Но преподавание во всех этих учебных заведениях велось на латинском, церковнославянском и греческом языках.

Важную роль в развитии школ, типографий и культуры вообще в Румынии (Валахии) сыграл Киевский митрополит Петр Мовила (1596—1647).

Благодаря его влиянию, а также вследствие окрепших связей с Россией, церковнославянский язык вплоть до последних десятилетий XVII века не сдавал своих позиций государственного и церковного языка, несмотря на то, что в качестве разговорного языка даже при дворе и

в боярских домах все больше распространялся ский.

К концу XVII века в Румынии особенно усиливается греческое влияние, что было связано с усилением активности греческих коммерсантов и политических деятелей, учителей и монахов, направляемых в страну Турцией.

Таким образом, маленькая страна, находившаяся на перепутье географических, экономических и культурных влияний соседних могущественных держав, постоянно испытывала многочисленные иноземные воздействия. Но, несмотря на это, рубеж XVII—XVIII веков характеризуется в истории румынского народа мощным ростом национального самосознания и национальной культуры. В связи с этим усиливается интерес к проблемам книгопечатания и литературного языка. В этом отношении достойны упоминания «Проповедь Варлаама» (Казания), труды книжников Симона Штефана, Раду Гричиану, хроники Григоре Уреке и Мирона Костина.

«Хроники XVII века, — по свидетельству специалистов, — это первые полноценные памятники румынского языка, первые памятники письменности оригинального характера, содержащие подлинно художественные рассказы, описания, портреты».

В XVII—XVIII веках появляются новые жанры румынской письменности: исторические и юридические тексты, произведения ораторского и философского характера, первые зачатки художественной литературы. К этому периоду относится событие исторической важности — **румынский язык становится официальным языком церкви и канцелярии правителя.**

История развития румынского литературного языка связана прежде всего с именем Варлаама и Досифея, деятельность которых протекала во второй половине XVII века. Досифей первым начал вводить в качестве языка церковной службы вместо древнеславянского языка румынский. Ему же принадлежит и заслуга перевода и издания таких книг, как «Литургия», «Псалтырь», «Жития святых». Правда, на стиле и языке этих переводов явственно заметно, что Досифей еще не сумел полностью высвободиться из-под влияния того языка, с которого осуществлялся перевод, будь то греческий, латинский, церковнославянский или польский. Это влияние

сказывалось в строе фразы, лексических заимствованиях и т. п.

При всем том нельзя не отметить выдающегося значения, которое сыграли в становлении румынского литературного языка такие работы Досифея, как переводы «Псалтыря» в стихах и «Жития святых». Словарь этих переводов богат и красочен. Когда автору перевода не хватало в румынском языке слов, соответствующих оригиналу, он смело прибегал к заимствованиям из других языков, в чем ему особенно помогало прекрасное знание древнегреческого и византийского, латинского и церковнославянского, русского и польского языков.

Однако в силу отмеченных выше недостатков переводов, выполненных Досифеем, ему оказалась не под силу задача окончательного формирования румынского литературного языка. Впрочем, такая задача вообще не по силам одному человеку, каким бы талантливым, одаренным и разносторонне образованным он ни был. Создание национального литературного языка — результат длительного процесса, связанного с ростом самосознания нации и эволюцией ее культуры в целом.

О необходимости введения румынского языка в качестве полноправного языка в самые различные области и сферы народной жизни неоднократно писали и раньше, что свидетельствует о том, что проблема эта назрела и стала актуальной в ходе исторического развития. Так, уже в XVI веке дьякон Кореси в предисловии к «Христианскому вопросу» (1559) впервые поставил вопрос о необходимости введения румынского языка в обиход церкви.

Много внимания проблемам развития литературного языка уделял румынский ученый середины XVII в. Симеон Штефан. В 1648 году он издал в трансильванском городе Алба-Юлия «Новый завет», в предисловии к которому выражает убеждение в том, что назрела необходимость создания единого румынского языка, ибо «негоже, чтобы румыны говорили разно во всех румынских странах». Несмотря на ясное осознание им своей задачи, он все же не сумел создать текста, который был бы доступен широким читательским массам. Он признавался: «По мере наших возможностей, мы старались писать так, чтобы все поняли написанное. Если же оно окажется

ся понятным не для всех, то это не наша вина, а в этом то, что румыны разбрелись по иным странам, смешали свои слова с чужими языками и говорят все по-разному».

Симеон Штефан, так же как и его предшественники и даже последователи, столкнувшись с отсутствием в румынском языке необходимых терминов, вынужден был прибегнуть к заимствованиям из греческого.

В таком же положении оказался и ученый, летописец и переводчик Раду Гречеану. Он также утверждал, что лексика румынского языка бедна по сравнению с греческим и другими развитыми языками. В связи с этим порумынски невозможно передать все богатство и разнообразие мыслей и чувств, необходимых для литературных сочинений. В его переводе «Миней», в тексте «Нового завета», ощущается немало непреодоленных сложностей в языке, в результате чего некоторые фрагменты неясны, трудны для понимания, запутаны. И все же, несмотря на это, работа Раду Гречеану широко распространилась по всем областям, населенным румынами, и в немалой степени способствовала дальнейшему развитию румынского литературного языка.

На этом историко-литературном фоне весьма значительным явлением было издание в Бухаресте Шербаном Кантакузино и Константином Брынковяну румынского перевода Библии в 1688 году. Это был несомненно прогрессивный факт, способствовавший дальнейшему развитию и распространению румынского языка. По мнению Н. Картожана, высказанному им в «Истории литературы», «это произведение как бы венчает собой... эпоху Шербана Кантакузино и открывает княжение Брынковяну» (стр. 214).

Этот первый полный перевод Библии на румынский язык, сохранившийся до наших дней, был выполнен братьями Шербаном и Раду Гречеану. Переводчики, славившиеся своей ученостью и носившие титул логофетов — первых бояр в придунайских княжествах, пользовались в своей работе старым переводом Библии, автором которого был спытар (военачальник валашских войск) Милеску, а также частичными переводами Кореси, Симеона Штефана, Досифея, выполненными в XVI — XVII веках.

Это издание, известное в истории румынской литературы под названием «Бухарестской Библии», представляет собой монументальный по тем временам труд, содержащий 994 страницы текста, напечатанного мелким шрифтом в два столбца. Он представляет собой как бы завершение большой работы многих деятелей, немало потрудившихся над переводом Библии еще до братьев Гречиану, и в то же время открывает собою путь, по которому впоследствии будет развиваться румынский литературный язык.

Анализ языка перевода с несомненностью доказывает, что язык его ближе к современному румынскому языку, чем лексика, синтаксис и стиль любого другого произведения, выпущенного в свет до того. Хотя, справедливости ради, следует указать и на весьма существенные различия. Так, в языке перевода встречаются необычные синтаксические конструкции, глагольная форма отличается от соответствующей категории современного румынского языка, нередки случаи неверного употребления родовых признаков. В силу всего этого немало мест в переводе остаются непонятными читателю. Интересно отметить и то, что в лексике перевода сравнительно малое количество церковнославянизмов, зато нередко встречаются простонародные слова, а также слова латинского, греческого, русского, венгерского, польского происхождения. Кроме того, новые для румынского читателя понятия заимствованы прямо из греческого оригинала неадаптированными эллинизмами. Переводчики оставили греческие конструкции, совершенно неорганичные и чуждые природе румынского языка. И наконец, Иоанн Былан, исследовавший рассматриваемый нами перевод, утверждает, что целый ряд слов и выражений переведен в бухарестском издании Библии неверно.

Некоторые историки румынской литературы, такие, например, как Н. Иорга и Н. Картожан, в своих трудах переоценивают значение этого издания, не принимают во внимание его недостатки и ошибки. Но тем не менее во многом именно благодаря Бухарестской Библии мунтенский говор стал основой для создания и развития румынского литературного языка. Начало этому историческому процессу было положено еще 100 лет до того в трудах Кореси. А с появлением Библии 1688 года мун-

тенский говор окончательно стал основой для формирования единого для всех областей — Молдовы, Мунтении, Трансильвании — румынского языка.

Антиму Иверриану довелось своими трудами завершить и увенчать этот процесс, очистить румынский язык, до того все еще как бы облаченный в чужое одеяние, от всех инородных оболочек и покровов.

Румынский народ будет вечно хранить в сердце имена выдающихся своих сыновей, стоявших у колыбели национальной культуры, таких, как Варлаам и Досифей в Молдове, Симеон Штефан в Трансильвании, Удриште Ныстурел, Шербан и Раду Гречeanу в Мунтении.

Это им принадлежит заслуга заложить краеугольный камень для создания румынского литературного языка, их трудами и стараниями были сделаны первые шаги на этом пути.

Но задача освободить румынский язык от всех иноземных влияний и чужеродных наслоений, приблизить его к разговорному, народному языку, сделать его одинаково близким и родным для боярина, церковника и простолюдина — эта задача была выполнена Антимом Иверриану. И в этом величайший подвиг, увековечивший его имя в истории Румынии.

Для того, чтобы в полной мере понять важность и смелость шага, совершенного Антимом, напомним, что буквально за несколько лет до него Феодосий, его предшественник на посту Румынского митрополита, который также много сделал для развития культуры своей страны, писал в предисловии к «Литургии», напечатанной им в Бухаресте: «Всю литургию переложить на наш язык, изменить ее я не смог и не осмелился: по правде говоря, одна из многих причин, которые меня удержали от этого, заключается в том, что наш язык недостаточно развит, а я не враг нашему народу и не хочу, чтобы было непонятно людям, что такое «тайнство» и что оно означает, а кроме того, это вообще для нашей церкви непривычно, — до сего времени таких переводов не было»⁶.

Таким образом, митрополит Феодосий, помимо других причин, из-за которых он не осмеливался перекладывать церковную службу на румынский язык, называет «бедность», «неразвитость» румынского языка, из-за чего он

не в состоянии выразить всю глубину божественных текстов.

Существовало еще и такое соображение, как бы утверждающее невозможность перевода на румынский язык церковной службы: некоторые молебны, предназначенные для пения, сложены в рифму, а поскольку при переводе сохранить ее невозможно, то переведенные тексты вообще перестанут соответствовать своему назначению⁷.

Но трудности, связанные с переводом, не остановили Антима даже несмотря на то, что румынский не был его родным языком. В совершенстве владея многими языками — греческим, турецким, арабским, языком своего детства — грузинским, он смог изучить румынский и поднять его до того же уровня, что и самые развитые языки того времени.

Что двигало его в поистине подвижнической борьбе за утверждение самобытного языка и внедрение его в жизнь страны? Приведем весьма красноречивое свидетельство современника:

«Этот человек, полной чашей испивший горечь рабства, хотел, чтобы народ, принявший его, был свободен хотя бы духовно. Он хотел для пользы народа сделать понятной церковную службу и добивался, чтобы служба велась на румынском языке»⁸.

Вначале ему необходимо было укрепить веру румын в возможность их языка полностью передавать все тончайшие оттенки и нюансы любого иноязычного текста. С этой целью он предпринял в 1693 году издание грекорумынского Евангелия, где каждый сомневающийся имел возможность убедиться в смысловой точности и адекватности перевода. Таким образом, он наглядно доказал, что «румынский язык может стоять рядом с языком, на котором было написано Евангелие в оригинале»⁹.

Затем он издал на румынском языке отрывки из священного писания. В 1694 году напечатал «Псалтырь», спустя три года, в 1697 году, в Снагове — «Евангелие», в 1703 году в Бухаресте славяно-румынский «Часослов», а затем и «Акафист божьей матери». Две последние книги особенно интересны тем, что некоторые части в них должны были исполняться в сопровождении музыки. Таким образом, опровергался еще один аргумент против-

ников перевода: о невозможности воссоздания стихотворных текстов на румынском языке.

С 1705 года Антим решительнее взялся за «национализацию церковной службы». Большую поддержку в этой его деятельности оказывали ему слова из первого послания к коринфянам (XIV, 19): «Я предпочитаю сказать в церкви пять слов, но чтобы они были понятны, и других обучить этому, чем говорить десять тысяч слов на непонятном для слушающих языке», а также ответ патриарха Антиохии Федора Валсамона на вопрос патриарха Александрийского кира Марко о том, на каком языке должна вестись служба¹⁰.

Приведенные выше слова и ответ Федора Валсамона были приведены в двух молитвенниках, напечатанных Антимом.

Появление книг на доступном, понятном языке способствовало их небывалой популярности среди народа. Так, вскоре после изданного в 1706 году на румынском языке «Молитвенника» становится необходимым предпринять новое его издание (1713). Выходят в свет по два раза переводы «Литургии» и «Катавассии». Особый интерес вызывает изданный Антимом «Октоих», который является не только сборником ежедневных и воскресных молитв, но и учебной книгой.

Трагическая смерть прервала деятельность Антима. Но и то, что он успел перевести и издать, позволяет считать неопенимым его вклад в создание национального литературного языка. Н. Шербынеску справедливо считает, что «талантливый иерарх румынскими книгами, которые он опубликовал, заложил основы нашего... языка», и что в трудах Антима «румынский язык приобретает свою естественную красоту»¹¹.

Книги, переведенные Антимом Ивериану либо по его инициативе, переиздавались много раз, причем можно утверждать, что их лексика, синтаксис и стиль сохранились до нашего времени без существенных изменений.

* * *

Творческое наследие Ивериану, дошедшее до нас, состоит как из произведений, напечатанных при его жизни, так и из изданных после его смерти, причем некоторые из них увидели свет в самое последнее время.

Первая его книга озаглавлена так: «Краткое поучение таинства покаяния, составленное и напечатанное в дни правления пресветлейшего господаря Ио Константина Бассараба Брынковяну на средства почтенного и высородного Шербана Кантакузино, с благословения пресвященного митрополита кира Феодосия богобоязненным киром Антимом, епископом Рымникским в год от рождения Христа 1705». В этой небольшой книжке, содержащей наставления верующим и священникам, наибольший интерес представляет финальная часть, где высказываются жизненные и нравственные взгляды Антима. Художественную ценность в книге имеет, пожалуй, предисловие, в котором автор призывает больше читать, чтобы учиться жить.

Вторая работа Антима, напечатанная в Тырговиште его учеником Георге Радовичем в 1710 году, — это «Церковное наставление, необходимое и более полезное для обучения священников». Она также может заинтересовать нас лишь в одной своей части — заключительной, в которой советы и наставления имеют целью исправить пороки в деятельности некоторых священников.

Третий труд Антима, также напечатанный Г. Радовичем в Тырговиште и датированный 1714 годом, озаглавлен: «Главы приказов всем церковникам, дабы каждый священник и дьякон свято блюли долг своей границы»¹².

В 1714 году в свет выходят «Христианско-политические советы Штефану Кантакузино». В предисловии к этой небольшой, в тридцать три страницы, книге Антим писал: «Это маленькая антология изречений и правил старых мудрых учителей, дабы они украсили нравы и деяния, достойные господаря». Книга написана стихами на новогреческом языке.

Позднее К. Ербичеану переиздает ее в переводе на румынский под названием «Христианско-политические советы Иону Кантакузино, воеводе... (работа) Антима из Ивера». Спустя некоторое время Ербичеану приводит ее текст в статье «Кое-что об Антима Ивериану». Об этой книге также упоминает в своей брошюре проф. Шербынеску. В библиотеке Румынской Академии наук хранится еще четыре списка этого труда.

Исходя из того факта, что Антим был выдающимся каллиграфом, его работе приписывают следующие руко-

писи: «Список драгоценностей, грамот и актов митрополии» (1695—1696 гг., рукопись № 671), «История Румынской страны» (рукопись 180), «Служба Святого Антима» (рукопись 406).

Однако в данном случае мнения ученых расходятся. Так, профессор Н. Шербынеску, которому принадлежит библиография по этому вопросу, с уверенностью заявляет, что из работ, в которых Антим предстает мастером каллиграфии и миниатюры, сохранились: «Список драгоценностей, грамот и актов митрополии», составленный Антимом в 1695—1696 годах, и «История Румынской страны со времени поселения там православных христиан». Исследователь ссылается на сходство почерков, которыми обе работы выполнены¹³.

Г. Штремпел в своем более позднем исследовании оспаривает это мнение, утверждая, что «мы не можем с уверенностью считать, что Антим был переписчиком «Списка драгоценностей», «Истории Румынской страны» и «Службы Святого Антима», так как в то время, когда переписывался «Список драгоценностей», он находился в Снагове, а не в Бухаресте¹⁴.

Тот факт, что документы, датированные 1695—1696 годами, составлены одной рукой, еще не может быть окончательным аргументом в пользу авторства Антима. В «Истории Румынской страны» нигде не упоминается, что она была переписана Антимом.

Если внимательно приглядеться к ней, говорит Штремпел, то можно убедиться, что это не та рука, которая составила «Лики Ветхого и Нового Завета», относительно которых не существует сомнения, что переписчиком их является Антим. Что же касается «Службы Святого Антима», то в ней содержится указание на то, что написана она по указанию митрополита Антима (см. стр. 1 рукописи № 406), однако это отнюдь не означает того, что она написана самим митрополитом, как утверждает Н. Шербынеску. Штремпел считает, что более достоверным является мнение Н. Йорги, который признает за Антимом Ивериану заслугу переложения «Службы» на румынский язык и составления ее, переписка же осуществлена скорее всего Николаем-священником¹⁵.

Ко второму периоду творчества Антима относятся такие значительные его труды, как «Устав монастыря Ан-

тима», «Лики Ветхого и Нового Завета», «Завещание» и «Проповеди».

«Устав монастыря Антима» по праву считается также его завещанием и, наряду с «Проповедями», одним из наиболее важных документов, раскрывающих моральный облик Антима. На его описании следует остановиться подробнее.

В предисловии к «Уставу» Антим считает необходимым объяснить, откуда он взял деньги для постройки монастыря: «...Благодаря тем небольшим сбережениям, которые я собрал по милости божьей и заработал в поте лица своего, я построил его и украсил...»

Завещание, составленное Антимом, дает нам возможность полнее и глубже представить его социальные, религиозно-философские и этические взгляды. Начатое 24 апреля 1713 года, оно было дополнено одной главой 15 марта 1716 года¹⁶.

Рукопись «Устава», хранящаяся в фондах Академии наук РНР под номером 3342, была впервые опубликована в журнале «Бисерика ортодокса ромыны» в 1855 году.

«Устав» состоит из пипакса (т. е. оглавления), предисловия, тридцати двух основных глав и одной дополнительной главы, в которых речь идет буквально обо всех сторонах монастырской жизни.

Исходным пунктом «Устава» является требование сохранения независимости монастыря при всех обстоятельствах, даже если попытка нарушить ее будет исходить от самого господаря. Антим дает подробные наставления игумену по вопросам управления имуществом и домом, определяет долю помощи благотворителей монастырю, подчеркивая, что все доходы должны принадлежать только беднякам, точно устанавливает количество монахов и служителей, а также заработки и доходы каждого из них.

Митрополит особо оговаривает обязанности тех, кто будет руководить монастырем после его смерти. В «Особой главе», добавленной к основному тексту 15 марта 1716 года, содержится распоряжение об удвоении средств на милостыню в связи с денежным воспомоществованием от Николая Маврокордата.

«Устав» характеризует Антима как выдающегося администратора. Он предусмотрел все, до мельчайших под-

робностей, стороны жизни, проявляя особую заботу о бедняках и о развитии культуры.

Митрополит в своем завещании подробно перечисляет все благотворительные меры, которые должны были проводиться руководством монастыря: ежегодно в великий четверг выдавать троим детям из бедных семей одежду (гл. 9), в день св. Дмитрия одарять приданым одну бедную девушку на выданье (гл. 10), каждую субботу помогать нищим и узникам (гл. 8), никогда не отказывать в помощи и лечении больным, независимо от того, будет это монастырский служка или кочевник-цыган (гл. 22).

Специальная глава (7а) «Устава» посвящена учебе детей бедняков. Согласно воле Антима следовало воспитывать за счет монастыря троих детей в возрасте 10—15 лет, одевая и обувая их и выдавая по 15 талеров на обучение.

Антим не забыл в своем завещании и книгопечатников. Он заранее оговаривал размер оплаты труда мастеров-типографов и, кроме того, предписывал выдавать им в придачу книги, которые печатались ими. Большое внимание уделял Антим дальнейшему развитию типографского дела и подготовки типографов: «Заклинаю, чтобы каждый печатник святым своим долгом считал обучить другого, чтобы не исчезло это ремесло из страны и чтобы не оставил работу над книгами, которая полезна стране нашей».

Антим, как человек широких интересов, не забыл в завещании оставить полную опись монастырских книг, чтобы они не пропадали. Он советовал выдавать их для чтения под расписку и требовал возвращения в срок.

«Устав монастыря Антима» красноречиво характеризует автора как человека прогрессивного, гуманного и образованного, проявлявшего постоянную заботу о повышении морали и просвещении народа, об образовании молодого поколения, заботившегося о бедных и больных, о заблудших и скитальцах, проявлявшего особую заботу о развитии книгопечатания.

Антим рассчитывал, что, следуя его завещанию, преемники превратят созданный им монастырь в очаг добра и просвещения. Однако уже Митрофан, который был митрополитом после него, полностью игнорировал завещание Антима. С сожалением приходится констатировать, что

«Устав», который как бы завершил благородную деятельность Антима, стал лишь достоянием истории, но не учебником жизни и руководством для его современников и преемников.

Одной из самых ценных и оригинальных рукописей Антима являются «Лики Ветхого и Нового Завета». Эту рукопись в июле 1708 года он преподнес господарю Румынии — Константину Брынковяну. Рукопись состоит из 22-х листов. Как видно уже из заглавия, в ней даны «лики», то есть жизнеописание и характеристики персонажей священного писания, Библии и Евангелия. Вот полное название ее: «Краткая история всего, что происходило в священные времена, свидетельство жизни и деяний каждого, кто прославился доброжелательным или недостойным образом жизни, начиная от Адама и до Христа, составленная и написанная благодаря постоянным усилиям и трудам преосвященного митрополита Унгро-Влахии — кира Антима Ивериану, посвященная в знак истинной любви светлейшему и возвышенному великому господарю и покровителю всей Румынской страны Иоанну Константину Брынковяну Бассарабу Воеводе. Написано в славном городе Тырговиште в год от сотворения мира 7217 (1709) в июле месяце».

Из заглавия точно устанавливается, что произведение это составлено и написано «усилиями и трудом» Антима Ивериану, который и признан единодушно его автором.

Более запутан вопрос о переписчике рукописи. Существует мнение, что переписал ее (возможно, только два первых листа) Николай, так как сам Антим никогда не именовал себя «Преосвященным», а, наоборот, употреблял по отношению к себе эпитеты смирения и унижения.

Текст фактически начинается с четвертой страницы, где рассказывается о «сотворении Адама». На протяжении всех двадцати двух страниц он расположен в два столбца по ширине рукописи и продолжается с одной страницы на другую, в одном и том же столбце. Несколько мест, предварительно предназначавшихся для рисунков, заполнены текстом. Александр Лебедев в своем описании рукописей Церковно-археологического музея дает краткую характеристику этой рукописи. Антим бесспорно

является автором текста и миниатюр Киевской рукописи¹⁷.

«Лики Ветхого и Нового Завета» обнаруживают широкую, многостороннюю культуру Антима. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки и упоминания историков и комментаторов, причем Антим не только приводит их, но нередко и оспаривает, опровергает.

В «Ликах» упоминаются такие имена и события из греко-римской истории, как: Флавий, Филон, Евсевий, Иероним, составитель греческого алфавита Паламед, Приам, падение Трои, возникновение Олимпийских игр, основание Рима, Платон, Аристотель, Демосфен, Софокл, Еврипид, Зороастр, Александр Македонский, экспансия Рима на Ближний Восток, первый римский триумvirат и т. д. и т. п.

Кроме того, в произведении Антима содержатся ценные хронологические сведения, определяется разница между солнечным и лунным годом, уточняется время, когда происходили важные исторические события.

Антим также прекрасно знал народное творчество, историю, мифологию. В «Ликах» приводятся две легенды — о животворящем столпе (стр. 14 рукописи) и о пророчестве прорицательницы Сивиллы (стр. 21). Кроме эпических элементов, которые характерны для этого произведения исторического жанра, следует отметить и элементы лирики в стихотворениях и в некоторых метафорах из посвящения Константину Брынковяну. В целом же стиль произведения сдержанный и умеренный.

Следует отметить, что художественная ценность «Ликов Ветхого и Нового Завета» стоит значительно выше литературного и исторического уровня, который мы видим не только в творчестве Антима, но и в румынской литературе того времени.

Профессор Ал. Чурия сравнивал деятельность Антима с рекой, которая орошает, украшает землю, по которой течет и дает все необходимое для жизни.

И все же славе выдающегося писателя своей эпохи и месту в истории румынской литературы Антим в наибольшей степени обязан «Дидахам».

«Дидахи» — греческое название проповедей.

Профессор О. Денсушиану в литографированном курсе истории румынской литературы в разделе «О пропове-

дях Антима Ивериану» писал: «Антим Ивериану представляет перед нами в своих произведениях — и по содержанию и по форме — одним из лучших писателей конца XVII и начала XVIII века».

Это действительно самое ценное произведение, оставленное Антимом потомкам. Их историческое, художественное и литературное значение проявилось, можно сказать, во всех областях румынской жизни. Приведем в подтверждение несколько высказываний румынских ученых и исследователей о роли и значении «Дидахов».

«Проповеди» являются одним из самых выдающихся литературных памятников, из тех, что нам оставил XVIII век», — писал профессор Д. Теодор в «Сведениях об Антими Ивериану».

«Дидахи» Антима являются одним из наиболее ценных памятников нашей церковной литературы не только потому, что они единственны в своем роде, так как ни один румынский прелат не создал подобного труда в прошлом, но и благодаря их реальной ценности, силе красноречия, которое очаровывает богатством и изяществом языка»¹⁸, — присоединился к этому мнению И. Биану в предисловии к изданию «Проповедей» 1886 года.

«Проповеди» — один из лучших литературных памятников XVIII века», — писал крупный румынский ученый Н. Йорга¹⁹.

Епископ Мелхиседек в предисловиях к изданиям «Дидахов» 1886 и 1888 годов утверждал, что это издание предлагается читателю, как бессмертный памятник творчества великого румынского пастыря.

Изменения, произведенные Антимом в жанре проповедей — как по содержанию, так и по форме и языку, народному, понятному простым слушателям, — можно признать поистине революционными. Выступления проповедников до него, проводившиеся на греческом или церковнославянском языках, назывались казаниями.

Ал. Чурия в главе «Антим Ивериану — проповедник и оратор» дает характеристику казаний и сравнивает их с «Дидахами» Антима.

Казания — проповедь общего, отвлеченного характера, которую можно было читать в любое время и любой аудитории. Благодаря своей неизменной, стереотипной форме, одна казания, посвященная, скажем, тому или ино-

му празднику, читалась на протяжении многих лет, не вызывая у слушателей ни отклика, ни ответных эмоций.

«Дидахи» Антима—это переход от строго установленной, книжной проповеди к живому слову, направленному непосредственно слушателям, обращению, беседе, непосредственно связанной с положением в стране, с актуальными проблемами жизни, с повседневным бытом народа.

«Дидахи» Антима Ивериану составлены с учетом забот и проблем, волнующих слушателей, они глубоко продуманы и прочувствованы автором, причем, как правило, они являлись не плодом импровизации, а результатом долгой вдумчивой работы.

С проповедями Антим выступал главным образом с 1709 по 1716 год в Бухаресте и в Тырговиште. Они не были напечатаны при его жизни. Тот факт, что Антим, печатавший так много книг, не нашел возможности или не считал необходимым издать свой столь ценный труд, может показаться странным. Все ученые и исследователи, занимавшиеся этим вопросом, выражают сожаление по этому поводу и считают, что изданию проповедей помешала неожиданная и преждевременная кончина Антима. Нужно полагать, что Антим собирался обработать и отшлифовать свой труд, может быть, добавить к нему еще какие-то главы, а потом уже печатать.

Проповеди были впервые напечатаны только через 176 лет после его смерти, то есть в 1886 году. Из-за этого они не получили достойного распространения среди современников, благодаря чему их влияние на последующее развитие румынской литературы оказалось меньшим, чем могло быть.

Копий рукописей до нас дошло очень мало, сохранились всего лишь три рукописи «Дидахов» в коллекции рукописей библиотеки Румынской Академии наук. Первая рукопись, которую использовал И. Биану для издания 1886 года, хранится там под № 524, вторая рукопись, найденная К. Ербичеану, — под № 549, третья — под № 3460. Это самый древний вариант проповедей, но, несмотря на это, он неизвестен в истории литературы и никогда не был опубликован. Его впервые описал Штремпел²⁰.

После первого издания 1886 года «Дидахи» неоднократно переиздавались. Последнее критическое издание вышло в свет в 1962 году²¹.

Первая рукопись была найдена Романским епископом Мелхиседеком в библиотеке епископа города Бузы — Дионисия Романо.

Полное заглавие рукописи звучит так: «Дидахи, которые читались покойным владыкой Антимом по большим праздникам, написанные сейчас, в дни правления господаря Ио Александра Иоанна Ипсиланта Воеводы, на седьмом году княжения его высочества, и в дни преосвященного митрополита Унгро-Влахии кира Григория на двадцать первом году, (исполнившемся) сейчас, в этом месяце июле в 28 день пастырства его преосвященства 1781.

Написанные мною, смиреннейшим из иеромонахов — Григорием архимандритом Делеану в святой митрополии Бухареста, в 1781 г. (7289), июле месяце 27 числа по другой книге, которую я нашел также переписанной от руки».

В предисловии к изданию 1886 года И. Биану писал: «Чтобы обеспечить за собой право собственности на этот том, переписчик написал по-гречески между названием и началом первой дидахи: «Эта (книга) вместе с другими принадлежит Григорию архимандриту Делеану».

Рукопись насчитывает 262 страницы, текст написан красивым наклонным почерком, причем заглавные буквы, инициалы, а также цитаты исполнены красными чернилами. Первое печатное издание полностью точно воспроизводило текст рукописи, если не считать незначительных поправок в отдельных словах и фразах, а также изменения пунктуации. Кроме того, некоторые дидахи были переставлены.

В начале книги, перед дидахами, были напечатаны, кроме биографии, и защитительные письма Антима, адресованные Константину Брынковяну.

В 1887 году К. Ербичеану удалось найти в библиотеке монастыря Қылдырушань рукопись, которая, по его утверждению, представляет сам оригинал «Дидахов», вышедший из-под пера высокообразованного митрополита Ивериану. После того как Ербичеану заявил о своей находке в Министерство культов и народного образова-

ния, было принято решение предпринять новое издание по оригиналу, несмотря на то, что прошло лишь два года после первого переиздания.

В предисловии к своему изданию К. Ербичеану писал, что издание Биану 1886 года было сделано по копии с копии, поэтому там допущена «некоторая перестановка в порядке дидахов и небольшие изменения в словах и фразах». Далее он описывает рукопись, дает ее подробное описание и образцы почерка Антима. Он утверждает, что «при печатании всегда придерживался письма Антима».

В вводной части издания содержится биография Антима, написанная Мелхиседеком, а также несколько его автографов²².

В предисловии К. Ербичеану особенно интересно сведение о том, что, помимо «Дидахов», ему удалось найти в монастыре Кылдырушань и другие произведения, как подлинники, так и копии. Кроме того, сообщается в предисловии, Мелхиседеку удалось обнаружить второй том «Дидахов». В заключение высказывается надежда, что все произведения Антима увидят свет.

Издание Ербичеану насчитывает 36 проповедей: казаний, поучительные слова, предисловия к поучительным словам, проповеди, приуроченные к различным праздникам в хронологическом порядке, начиная с августа месяца.

К. Ербичеану считает, что из-за частых переписок текст «Дидахов» претерпел много изменений и потому не полностью представляет стиль автора и эпохи.

Издание Биану содержало всего 29 проповедей. Эта разница между изданиями объясняется тем, что в первом случае в общую нумерацию не были включены два защитительных письма, а кроме того, в издании Ербичеану вошли первые три надгробные речи, одна поминальная речь для панихиды и одна — исповедальная. Несколько отличается это издание также последовательностью дидахов и принципом их расположения.

Большой интерес представляет вопрос: является ли рукопись № 549 действительно оригиналом «Дидахов»? Авторы всех исследованных нами источников вплоть до 1956 года не ставят под сомнение оригинальность рукописи, найденной профессором Ербичеану.

Овид Денсушиану в главе «О проповедях Антима Ивериану» курса «Истории румынской литературы» (выпущенном литографским способом) на страницах 589—594 писал в свое время: «Первое издание под редакцией г-на Биану, относящееся к 1886 году, не содержит всех проповедей, рукопись, датированная 1781 годом, с которой печатались эти проповеди, была лишь копией оригинальной рукописи. К. Ербичеану нашел подлинник рукописи Антима, по которому он опубликовал I том проповедей».

Профессор Ал. Чурия следующим образом оценивал издание Ербичеану: «Рукопись, по которой работал Ербичеану, — как он утверждает сам, — оригинал «Дидахов» Антима, хранится она в Академии наук РНР под № 549».

Нисколько не сомневаясь в достоверности этого факта, ученые критиковали издание 1888 года по другим причинам. Биану в сообщении о появлении нового издания решительно протестовал против содержащегося на обложке утверждения: «Корректировано К. Ербичеану».

И. Биану пишет: «Нас обеспокоило длинное название, где сказано, что «Дидахи» Антима опубликованы по оригинальной рукописи... и корректированы им (Ербичеану)», но как был корректирован и воспроизведен **оригинальный автограф?** Подобные действия недопустимы, ибо мы знаем, что эти коррективы нанесли много ущерба нашей литературе»²³.

П. В. Ханеш обвиняет Ербичеану в том, что он придерживался оригинала только в порядке расположения дидахов, в «действительности же издание 1888 года воспроизвело текст издания 1886 года, так как разница в языке между оригиналом и печатным текстом имеется и здесь».

Несмотря на это, сам П. Ханеш пользуется именно этим изданием.

В предисловии к своему изданию «Проповедей», опубликованному в 1915 году, Ханеш утверждает, что издание Ербичеану напечатано по оригиналу Ивериану: «Проповеди», или «Дидахи», Антима Ивериану были опубликованы два раза: в 1886 году господином Биану и в 1888 году профессором Ербичеану... Я взял за основу

данного труда издание 1888 года и внес некоторые изменения».

Другой исследователь, профессор Н. А. Георгиу в труде, посвященном Антиму, также приходит к выводу, что Ербичеану не придерживался текста оригинала.

На странице 323 труда Н. Георгиу «Антим Ивериану и народные книги» читаем: «Я вынужден цитировать по оригинальной рукописи «Проповедей», так как издания Ербичеану (1888) и г-на профессора П. В. Ханеша (1915), несмотря на то, что авторы утверждают, что они сделаны по рукописи Антима, на самом деле воспроизводят в точности текст издания Биану (1886) с пропусками и ошибками, имеющимися в копии с оригинала».

Еще в 1956 году Ал. Чурия в главе «Антим Ивериану — проповедник и оратор», в разделе, посвященном изданиям «Дидахов» (стр. 781), — утверждал, что никто не оспаривал факта подлинности автографа Антима, обнаруженного профессором Ербичеану.

Из всего сказанного явствует, что до последнего времени не было никакого сомнения в оригинальности рукописи, о которой идет речь. И только в 1962 году Габриэль Штремпел²⁴ в предисловии к новому изданию «Проповедей» подверг обоснованному пересмотру утверждение Ербичеану, что рукопись № 549 является автографом Антима. Он считал неубедительными аргументы, на которых базировался Ербичеану.

Так, например, при описании рукописи Ербичеану утверждал, что «в большинстве проповедей имеются украшения, выполненные красками и черными чернилами, нарисованные очень искусно», и далее: «Многие из украшений, имеющихся в начале «Проповедей», несомненно, представляют ценные образцы искусства».

Штремпел справедливо считает, что одно это не может служить доказательством авторства Антима, так как подобные рисунки встречались во многих рукописях, переписанных между 1700 и 1730 годами, и приводит примеры. Что же касается художественной ценности этих рисунков, то они, по мнению Штремпела, не только несравненно ниже «непревзойденного миниатюристского и иллюстраторского искусства Антима», но даже не находятся на уровне искусства таких переписчиков, как священник Станчиу, Влада Грамматикул и др.

Говоря о почерке Антима, сам Ербичеану утверждал, что «...письмо рукописи не столь аккуратное, как в документах, не так оформлено, как в других литературных трудах, особенно в переводах».

Штремпел объясняет это тем, что копиисту пришлось при сличении с оригиналом исправить массу ошибок, и это были отнюдь не описки автора, а ошибки самого переписчика.

Последний, самый веский аргумент, к которому прибегает Ербичеану, состоял в том, что «в конце многих проповедей в рукописи имеется сокращенная подпись Антима».

Г. Штремпел полностью опровергает и этот аргумент, утверждая, что перед нами не авторская подпись, а всего лишь конечная виньетка, которая очень часто встречается в рукописях XVII — начала XVIII века.

Штремпел считает, что человек такой большой культуры, каким был Антим, не мог допустить при письме столь грубых ошибок, какие встречаются в этой рукописи.

В заключение Штремпел заявляет, что «Дидахи» Антима, особенно его два письма к Брынковяну, содержат библейский текст и философские выражения, написанные на греческом языке. В рукописи, которую Ербичеану признавал принадлежащей руке Антима, оставлены места для греческих слов, которые заполнены позже другой рукой. Все это подтверждает мнение, что рукопись № 549 переписана копиистом, не знавшим греческого языка. Если бы рукопись была написана самим Антимом, ему незачем было бы прибегать к помощи кого бы то ни было для написания греческого текста, так как он знал греческий язык не хуже румынского. Штремпел категорически утверждает, что рукопись № 549 является не автографом Антима, а всего лишь копией, сделанной в 1730—1740 годах.

Несмотря на то, что Штремпел проделал большую работу по научному изучению всех вопросов, связанных с деятельностью Антима, и в частности — по изучению его рукописей, а его аргументы хорошо обоснованы и заслуживают безусловного внимания, все же нам кажется, что вопрос об аутентичности автографа Антима продолжает оставаться спорным и окончательно решить его можно

будет лишь после обнаружения новых фактов или документов, подтверждающих или опровергающих оригинальность рукописи № 549. Думается, что решающим могло быть мнение палеографов, которые бы разрешили вопрос — имеем ли мы дело с собственноручной подписью Антима или же с конечными виньетками, как это утверждает Штремпел. Что же касается почерка, то в этом случае последнее слово за специалистами-каллиграфами. Только они могли бы сличить почерк этой рукописи с почерком другой, принадлежность которой Антиму несомненна, хотя бы с текстом «Ликов Ветхого и Нового Завета».

В библиотеке Академии находится еще третья рукопись (3460). Рукопись эта наиболее древняя из всех дошедших до нас и также подробно описана Штремпелом. Она насчитывает 213 страниц размером 20 × 15, переписана почерком, характерным для первой половины XVIII века. Заглавия проповедей, прописи, ссылки на поля исполнены красным цветом. Множество виньеток в конце текста идентичны с псевдомонограммой Антима из рукописи № 549. Всего было занумеровано двадцать шесть тетрадей с неравным числом страниц. Старый кожаный переплет, который также датируется первой половиной XVIII века, скрыт под более поздним переплетом, но на нем довольно хорошо видны красиво оформленные орнаменты. Первые девять листов из-за плохой сохранности уничтожены сыростью, в рукописи много и других дефектов.

Последовательность дидахов та же, что и в рукописи № 549, разница лишь в том, что в этой рукописи имеются заглавия к проповедям. Копиист оставил четыре примечания, которые дают возможность восстановить прошлое рукописи. Например, на странице 80-й читаем: «Эта книга принадлежит священнику Станчиу из (церкви) Всех Святых, написана Ефремом, его учеником, 1 сентября 7231 (1723) г. в дни Николая Воеводы». Остальные примечания примерно такого же характера.

Рукопись, переписанную для священника Станчиу, который сам был переписчиком религиозных текстов, у него купил иеромонах Партений. Три примечания Партения дают возможность проследить дальнейшую судьбу рукописи.

Рукопись была найдена в конце XIX века в Национальном музее древностей, откуда была передана в 1909 году в собственность библиотеки Румынской Академии.

Иоанн Биану, тогдашний библиотекарь Академии, распорядился, чтобы рукопись отдала в переплет, не обратив внимания на то, что перед ним — самый древний вариант «Проповедей». Поэтому рукопись в библиотеке была зарегистрирована под названием «Казании», а не «Дидахи», — «Казании на годовые праздники».

Следующее издание проповедей, которое вышло в 1895 году, было осуществлено епископом Романа—Мелхиседеком под заглавием: «Дидахи митрополита Унгро-Влахии Антима Ивериану, опубликованные по подлинной рукописи, с предисловием, свидетельствующие о проповедническом таланте митрополита Антима Ивериану. Том II, Бухарест, типография церковных книг, 1889».

Этот том гораздо обширнее изданий Биану и Ербицеану: он содержит 116 проповедей, посвященных всем воскресеньям, годовым и даже незначительным церковным праздникам. Несмотря на старания Мелхиседека доказать, что все включенные во II том проповеди принадлежат Антиму, его аргументы не убедительны.

П. Ханеш в предисловии к книге «Антим Ивериану» на странице XXX пишет: «Аргументы, которые он (Мелхиседек) приводит, чтобы доказать, что автором проповедей является Антим, не убедительны, и поэтому мы публикуем только те проповеди, в отношении которых нет сомнения». Такого же мнения были Н. Картожан²⁵ и Д. Мурырашу²⁶.

Профессор Ал. Чурия считает, что эта книга представляет собой скорее всего сборник проповедей разных авторов.

Крупный румынский ученый Н. Иорга в своей «Истории румынской церкви» (том II, изд. II, стр. 57) говорил об издании «Дидахов», но нигде не упоминает о втором томе.

Последнее исследование Штремпела окончательно опровергает утверждение Мелхиседека о том, что II том «Проповедей» принадлежит Антиму.

По его мнению, II том — это сборник различных проповедей, из которых Антиму можно приписать лишь одну — «Вход в церковь девы Марии».

И. Корной опубликовал в 1895 году книгу, озаглавленную: «Антим Ивериану. Дидахи, произнесенные в Бухарестском кафедральном соборе». Биографические заметки, Бухарест, изд. Сочек, 1895 г. Из собрания «Древние и современные румынские авторы».

Спустя 13 лет, то есть в 1908 году, Корной публикует еще одно издание «Дидахов», представляющее собой повторение первого и сделавшееся необходимым, видимо, в силу того, что первое издание пользовалось спросом и полностью разошлось.

Оба издания предваряются биографией Антима, в конце которой перечисляются труды Антима (48 печатных, 4 ненапечатанных). В нем нет оглавления. Десять дидахов этого издания взяты из издания Ербичеану, за ними следует 23 — из II тома Мелхиседека.

В 1911 году проф. Н. Иорга публикует «Проповеди, произнесенные в Бухарестском кафедральном соборе Антимом Ивериану (1709—1716). Новое издание. Вылени де Мунте, изд. типографии «Неамул Ромынеск» (1911), Библиотека Парохиялы — I».

В предисловии к своему изданию Н. Иорга говорит, что «Дидахи» были изданы дважды, считая самым верным издание Ербичеану и ни разу не упомянув об издании Мелхиседека.

В предисловии приводятся некоторые биографические данные об Антимае, а также сообщается, что настоящее издание благодаря современной орфографии и объяснению архаизмов и славянизмов должно быть общедоступным. Всего в книгу включено десять дидахов из издания Ербичеану, которые Иорга признал наиболее выразительными и интересными.

Спустя четыре года появляется новое издание Петре Ханеша, озаглавленное: «Антим Ивериану, «Проповеди». С предисловием и индексом слов. Бухарест, Минерва, 1915 г., стр. VIII + 2 факсимиле + 256».

П. Ханеш помещает подробное предисловие и факсимиле из проповедей Антима. Кроме того, том снабжен предисловием И. Биану к изданию 1886 года, предисловием К. Ербичеану к изданию 1888 года и статьями епископа Мелхиседека и Овида Денсушиану об Антимае Ивериану.

Предисловие профессора Ханеша представляет значительный интерес, так как в нем поставлен ряд проблем, связанных с эпохой Антима. Ознакомившись с этим предисловием, можно получить ясное представление о политическом положении Румынии в ту эпоху, о политических группировках и о роли Антима в политической, церковной и культурной жизни страны. О многосторонности тем, затронутых в предисловии, говорят названия глав: «К. Брынковяну и митрополит Антим», «Двор Брынковяну — место встречи дипломатов», «Роль Брынковяну как информатора турок», «Брынковяну не был с турками», «Богатство Брынковяну», «Покровитель культуры», «Движение в защиту православной религии», «Приезд в страну Ивериану», «Митрополит Антим как человек. Его завещание», «Митрополит Антим — политический деятель», «Митрополит Антим — религиозный оратор», «Обычай проповедей», «Проповеди Ивериану», «Митрополит Антим — моралист», «Проповеди как источник информации» и т. д.

Издание Ханеша гораздо полнее всех предыдущих, в нем приведены мнения ряда авторов об Антимае, пояснения к тексту, индекс слов, оглавление. В дальнейшем ученые и исследователи пользовались этим изданием.

Помимо перечисленных выше отдельных изданий, проповеди Антима неоднократно публиковались в специальных журналах и антологиях румынской риторики, что свидетельствует об их значении и популярности.

В 1962 году в издании Академии наук Румынской Народной Республики вышла книга «Антим Ивериану. Проповеди. Критическое издание. Вступительная статья и глоссарий Штремпела»²⁷. Это наиболее полное, научно-критическое исследование жизни и деятельности Антима, а также разбор и анализ его творчества с точки зрения социалистической науки, стоящей на уровне передовых достижений современной историографии.

Штремпел подвергает критической проверке существовавшие в буржуазной науке взгляды по данному вопросу. Дает характеристику современного Антиму общества с точки зрения исторического материализма и после этого приступает к подробному изложению биографии, художественного творчества и культурно-просветительской деятельности Антима.

В основу издания Штремпела был взят самый древний, то есть самый близкий к подлиннику текст рукописи (3460).

Это издание, стоящее на уровне современных идеологических воззрений и научно-методических достижений, безусловно, остается до наших дней наиболее серьезным и авторитетным.

* * *

Большого внимания исследователей творчества Антима, безусловно, заслуживает вопрос об источниках его проповедей, о том, были ли они плодом собственного творчества или заимствованы из других источников.

Ряд ученых авторов истории румынской литературы более или менее категорично утверждают, что на проповедях Антима сказалось большое влияние Ильи Миниата, «корифея православных проповедей»²⁸.

Так, Н. Йорга заявил: «Эти проповедники, как и Антим, имели перед собой в качестве образца современного им Демосфена»²⁹.

Сходного мнения придерживались Секстил Пушкарю, Н. Картожан, Н. Добреску и некоторые другие. Академик Дж. Калинеску даже считал, что «его (Антима) казании могут быть как бы компиляциями, а в некоторых случаях и переводами, основным источником которых служил Илья Миниат Венецианец»³⁰.

Такого же мнения придерживался Г. Кардаш, который считал, что в «Проповедях» Антима «чисто теологическая часть представляет перевод или компиляцию из проповедей различных православно-христианских проповедников, среди которых нужно выделить Илью Миниата»³¹.

Однако все перечисленные ученые не аргументируют свое мнение, а скорее повторяют традиционно установившийся взгляд по данному вопросу.

Единственный румынский автор, старавшийся доказать влияние И. Миниата на творчество Антима, — это епископ Мелхиседек. Вот его слова: «Антим Ивериану очень уважал и любил талантливого оратора восточно-православной церкви, и его проповеди, напечатанные на греческом языке, служили Антиму образцом для проповедей»³². Он говорил, что Антим заимствовал из Ильи

Миниата внешнюю форму, ораторские приемы, сравнения, а также некоторые упомянутые им рассказы и легенды. В качестве главного доказательства Мелхиседек приводил проповедь Антима на второе воскресенье Матфея (т. II): «Идите за мной, и я вас сделаю охотниками», которая, по его мнению, является сокращенным переложением речи И. Миниата на ту же тему, а также на третье воскресенье великого поста (т. II): «Какая польза человеку, если он завоюет мир и потеряет душу», якобы тоже весьма близкую печатному греческому тексту.

Упомянутые доводы Мелхиседека, так же как и традиционное мнение историков литературы по вопросу источников дидахов, привели в конце концов к тому, что этим вопросом специально заинтересовались ученые, которые на основании сравнения текстов пришли к выводу, что между Ильей Миниатом и Антимом нет никакой связи ни по содержанию, ни по форме проповедей.

Профессор Чурия, основательно изучивший этот вопрос, убедительно опровергает доводы епископа Мелхиседека³³.

1. Утверждение Мелхиседека о значительном влиянии на Антима содержания, внешней формы, ораторских приемов проповедей Миниата подтверждается всего двумя примерами, что само по себе не дает основания распространить вывод на все творчество Антима.

2. Он не цитирует ни одной проповеди, приема, сравнения из I тома «Дидахов». Обе проповеди, на которые ссылается он, взяты им из II тома «Дидахов», за которыми критика не признает авторства Антима.

Мнение Мелхиседека тем более неубедительно, что в проповедях из II тома «Дидахов» имеется лишь один отрывок, в отношении которого можно было бы говорить о сходстве с проповедями Ильи Миниата: это отрывок о символичности цифры двенадцать, — он очень подробно дан у Миниата и совсем коротко в «Дидахах». В остальном между этими двумя проповедями нет никаких текстуальных аналогий³⁴. Сходство этих двух отрывков бесспорно, но его можно объяснить использованием обоими переводчиками одного и того же источника.

Что касается второго примера — из проповеди на третье воскресенье великого поста, являющейся якобы «сокращением и переделкой» проповеди Ильи Миниата,

то, по мнению Ал. Чурия, между ними при всем старании нельзя найти что-либо общее, кроме того, что они трактуют один и тот же сюжет, но совершенно различно по содержанию и по форме.

Чурия считает, что даже если бы была подтверждена зависимость одного текста от другого, это было бы лишним доказательством в пользу того, что II том «Дидахов» ни в коем случае не принадлежит Антиму*, который не мог знать проповедей Миниата, так как они были впервые напечатаны на греческом языке в 1718 году и лишь в 1742 году — на румынском. Предположение, что некоторые проповеди попали к Антиму в рукописи при посредстве Иоанна Абрамиоса, бежавшего в Румынию, также не выдерживает научной критики, так как Абрамиос попал в Валахию, когда Антим уже два года был митрополитом и успел произнести многие из своих знаменитых проповедей.

Мнения Чурия придерживаются целый ряд ученых, в том числе Ал. Пыру³⁵, Г. Штремпел³⁶.

Румынский ученый Н. Иорга выдвинул новую теорию о том, что образцом для Антима были проповеди Иерусалимского патриарха Хризанта Нотарраса. Иорга также нигде не обосновывает свое утверждение сравнительным анализом текстов, исходя, очевидно, исключительно из близких дружеских отношений и длительной переписки между Хризантом и Антимом.

Таким образом, ни одна теория о неоригинальности, зависимости творчества Антима от каких-то иных источников не выдерживает критики. Современной историко-литературной наукой доказано и признано, что Антим был совершенно самобытен.

Но это отнюдь не снимает вопроса об исследовании источников, из которых Антим черпал материал для «Дидахов», которые он трактовал по-своему, давая глубокий анализ жизненных фактов и событий.

Ответ следует искать в самих «Дидахах». Если внимательно изучить каждую проповедь в отдельности, то, невзирая на различные и противоречивые мнения Мел-

---

* Почерк рукописи 525 (изд. Мелхиседека) совершенно отличается от почерка рукописи 549 (изд. Ербичеану).

хиседека, Иорги, Штремпела и других ученых, прийти к определенному выводу.

Прежде всего при изучении проповедей убеждаешься, что они были тесно связаны с жизнью народа Валахии. Они взяты из жизни, продиктованы положением в стране и моральным состоянием народа Валахии. Они отражают быт и нравы, существовавшие в этой стране в XVII—XVIII веках, и адресованы различным слоям общества того времени.

«В «Дидахах» встречаются элементы, доказывающие, что их автору были хорошо известны важнейшие события культуры своего времени», — писал профессор Чуррия⁸⁷.

Антим, будучи человеком обширной и разносторонней культуры, прекрасно знал священное писание, труды древнегреческих философов, историю Греции, жития святых и т. д. Для подтверждения своих взглядов и большей убедительности он прибегал к цитированию из вышеназванных источников, всякий раз указывая, откуда взята им цитата, кроме тех случаев, когда он просто называл источник, что, очевидно, объяснялось тем, что он цитировал по памяти.

В «Дидахах» использованы труды теологов и комментаторов библейских книг: Григория Богослова, Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Феофилакта Болгарского, Евсевия Кесарийского, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина и др.

В трудах Антима встречаются цитаты и сведения, почерпнутые из Гесиода, Александра Македонского, Аристотеля, Демокрита, Сократа и других. Несомненно его отличное знание мифологии, классической и современной литературы, последних достижений географической науки и народной медицины.

Таким образом, источники, которыми пользовался Антим для составления своих «Дидахов», совершенно ясны.

«С литературной и художественной точки зрения «Дидахи» превосходят все, что было написано и напечатано на румынском языке до того времени, выразительностью и зарядом бодрости, заложенной в них», — писал Штремпел.

Если к этой характеристике добавить то, что «Дидахи» составляют ценный источник сведений об обычаях, традициях, нравах народа, о духовном, моральном и материальном положении страны и даже о современных автору исторических событиях³⁸, — будет понятно, почему история румынской литературы уделяет им особое место.

Особо отмечается достоверность проповедей Антима при морально-нравственной характеристике валахского общества конца XVIII века и активность его этической позиции, направленной на исправление нравов.

Петр Ханеш в своем предисловии к «Проповедам» Антима писал: «Его проповеди являются источником информации о пороках времени».

Профессор Денсушиану говорил о проповедях Антима, что они интересны для изучения нравов и обычаев эпохи до 1720 года и что в них Антим Ивериану предстает нам как человек, который хочет поднять моральное состояние общества, находящееся, по его мнению, в состоянии упадка.

Главной целью всех выступлений Антима было не только и даже не столько распространение христианско-теологической идеи, сколько изобличение пороков общества с целью их исправления и искоренения. Ради этого он смело обрушивается на внешних врагов Румынии, на представителей высшего общества, погрязших в пороках, не боясь этим ухудшить свое положение и умножить число своих недоброжелателей и врагов. Ради этого он прямо говорил о тяжелом положении крестьян тружеников, испытавших многосторонний гнет. Ради этого, можно сказать, он отдал всю свою жизнь.

Антим надеялся на избавление Румынии от иноземных поработителей. И эта тема занимает в его наследии одно из важных мест. Он молился за то, «чтобы всевышний уничтожил всех врагов, видимых и невидимых, христолюбивого господаря нашего Ио Константина Брынковяну», прямо выражал сочувствие народу Румынии, который вынужден влачить свое существование, «будучи окруженным и зажатым в границах чужеземцев и осажденным неисчислимыми заботами и горестями, которые исходят постоянно от тех, кто господствует на этой земле».

В творчестве Антима, исполненном горячего патриотизма и искренней любви к земле и стране, где он нашел вторую родину, неоднократно слышатся также печальные нотки тоски по Грузии, которой он лишился в раннем возрасте.

«Что может быть ценнее для раба, чем его свобода? И что дороже чужестранцу, чем возвращение на свою землю?»³⁹.

Эти слова красноречиво рисуют нам чувства и настроения человека, насильно отторгнутого от своей родины, познавшего горечь скитаний по чужим краям и после того, как он обрел новую родину, которую принял и полюбил, продолжавшего испытывать гонения и притеснения от того же врага — Оттоманской империи, от которой страдала и его Грузия.

Естественны чувства Антима к врагам, естественны его гнев и ненависть, но смелость, с которой он выступает против них, удивительна!

Он выступает столь же страстно и непримиримо против пороков и недостатков, ухудшавших жизнь страны. Причем он не боялся указывать на недостатки даже самому господарю, что, как мы знаем, явилось одним из пунктов позднейших обвинений, предъявленных ему недругами. Но сколько достоинства и благородства в его ответе, где он говорит, что им руководили всегда не хитрость или злокозненность, а исключительно долг пастыря, призванного говорить всем правду во имя добра.

В его проповедях особенно много нападок на бояр, которые своими интригами, междуусобицами, склоками и клеветой, движимые завистью и корыстью, обессиливают государство, делают его беззащитным перед внешним врагом, лишают центральную власть силы и влияния, нещадно эксплуатируют простой народ ради личного обогащения.

В творчестве Антима воссоздается яркая картина общества, разделенного на угнетенное крестьянство и эксплуататоров-бояр. Несмотря на то, что Антим не описывает конкретных фактов положения крестьян, оставаясь по существу в пределах идеологии и социальных воззрений своего времени и класса, тем не менее не подлежит сомнению его сочувствие угнетенным труженикам и стремление помочь им. Можно утверждать, что митропо-

лит Унгро-Влахии был единственным деятелем того времени, осмелившимся возвысить свой голос против несправедливости и притеснений, чинимых боярами.

Он открыто клеймил тех, «которые грабят и творят все плохое на земле, а потом ходят с мыслью, чтобы дать денег какому-нибудь священнику на молебен, дабы ему отпустились его грехи, когда он весь погряз в грехе»⁴⁰.

А сколько едкого сарказма в его словах о том, что хитрые и лицемерные бояре ухитряются иметь двух духовников, одного — в городе, для отпущения мелких, незначительных грешков, второму же, в деревне, исповедуются в тяжких своих прегрешениях, рассчитывая на то, что ему, необразованному и забитому, труднее будет отказать им в прощении: «Стараемся найти духовника глупого человека, чтобы он боялся нас и стыдился бы, чтобы, как мы ему скажем, так и было...»⁴¹.

Порою гневные обличения Антима приобретают особую силу: «Когда же исповедуемся, мы не говорим духовнику, что едим мясо и труд нашего брата, христианина, и пьем кровь и пот лица его».

«Мы не говорим, что греем семиглавого змея—зависть, спрятанную в наших сердцах, что она грызет печень нашу, как ржавчина железо, как червь — дерево, а говорим, что никому не сделали зла»⁴².

И наконец Антим прямо провозглашает, что «ни пост, ни религия не спасут тех, кто безжалостно грабит несчастных и бесчеловечно относится к ним. Какая польза в том, чтобы тело постилось, а душа была бы наполнена грехом? Какая польза ходить пожелтевшим, увядшим от поста, а самому гореть ненавистью и завистью? Какая польза в том, чтобы не кушать мяса, а руганью терзать тела наших братьев?»

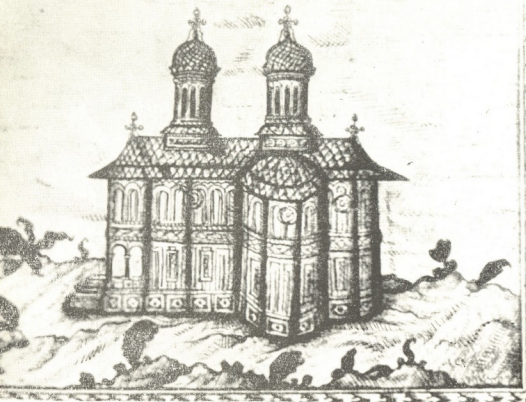
Мы не говорим о беззакониях, которые постоянно творим, не говорим о клевете, лицемерии, доносах, совершаемых одним против другого, чтобы замарать его честь.

Мы не говорим о том, что верим лжи наших слуг больше, чем правде пострадавшего, которого мы, по справедливости, не выслушаем, даже если он клянется всеми святыми, а наказываем с жестокостью сердца... Мы говорим, что, томясь в волнах мира, мы не можем думать о душе, а сами жертвуем за упокой из награбленного и украденного из сбережений несчастных. Сбе-

Церковь Антима в Бухаресте

Церковь Антима до реконструкции

режений! Мы не говорим хулы тому, который грабит, ворует и казнит бедных, а, наоборот, хвалим его и говорим, что он умный человек»⁴³.

Против социального неравенства и несправедливости восстает Антим и в проповеди «Собор святых ангелов». Очень ярко и веско выражает он свое возмущение в прекрасной антитезе, из которой ясно видны прогрессивная позиция и взгляды: «Не полагается честь и хвала только великим и богатым, так как достойны этого дара также малые и смиренные, несмотря на то, что великие блистают в драгоценных одеждах, а малые не имеют, чем прикрыть тело, и великие почивают на роскошных мягких перинах, а малые спят на голом полу или на соломе. Одних сопровождает всегда множество слуг, а эти — лишены друзей и помощи, одни живут в неге и богатстве, а эти — в опасностях и печалях... И все же не полагается воздавать малым меньше чести и любви, чем великим и богатым, не полагается, чтобы все преклонялись перед великим мира сего, а над малыми издевались»⁴⁴.

Во времена турецкого владычества и особенно в эпоху фанариотов* в стране свирепствовали интриги, доносы, клевета. Сам Антим, как будто предчувствуя, что падет жертвой интриг и клеветы, в своих «Дидахах» решительно осуждал доносы: «Всех мы оговариваем, обо всех мы злословим, на всех доносим, над всем смеемся и издеваемся». «У нас в привычке доносить друг на друга, чтобы погубить друг друга, но к этому наущает нас сам дьявол, так как он враг человеческому роду»⁴⁵. «Мы жаждем лишить один другого не только добра и богатства, но еще больше — чести»⁴⁶.

Приняв сан митрополита, Антим решительно выступает против падения нравов, разврата и лихоимства в среде священников. Он неоднократно призывает в своих проповедях лиц духовного звания блюсти законы церкви и государства, так как, не избавившись от скверны в собственной душе, они не имели морального права поучать и наставлять свою паству.

---

* Фанариоты — господа, ставленники Оттоманской империи в Молдове и Валахии.

В «Проповедях» Антима нашли отражение все стороны жизни и быта народа. Они призывают слушателей стремиться к образованию, способствовать просвещению и воспитанию других, содержать в чистоте и строгости семью, блюсти и почитать родителей. Воспитывать детей в духе нравственности и просвещения, беречь и охранять женщин от падения и разврата и еще многое другое в том же духе.

Безнравственность, падение морали, так же как злокозненность, алчность и нечестность, постоянно вызывают горячий гнев проповедника: «И все мы истинно, как нечистые животные, погружаемся в грязь, увлекаемся низменными, никчемными наслаждениями...» И далее: «У нас окаменели сердца, как у фараонов, и мы мчимся, как свирепые кони, без узды и без совести, пока не попадем в пропасть, куда, конечно, непременно все попадем».

Антим не просто обнажает все темные стороны жизни Валахии его времени, он не просто критикует и разоблачает, а указывает, как надо поступать, чтобы исправить это зло. Он авторитетно требует беспрекословного послушания от всех⁴⁷.

Таковы в основном социальные и этические аспекты «Проповедей» Антима. Из них ясно видно, что он, сознавая и понимая все пороки и недостатки общества, к которому он принадлежал, пытался всеми средствами найти пути их исправления.

Г. Штремпел отмечает и другую сторону наследия Антима Ивериану, мимо которой прошли буржуазные историографы, а именно — наличие в его творчестве реалистических элементов. На самом деле, беспощадная критика, которой он подвергает общество в своих проповедях, частые намеки, относящиеся к тяжелому экономическому положению народа, имеют свои корни в глубоком знании жизни страны. В своих проповедях он оперирует не догматически-религиозной аргументацией, а приводит факты из живой действительности, близкой, знакомой и понятной для всех слушателей. Он говорит не о вымышленных вещах или давно позабытых исторических событиях, а конкретно называет время и место события, прямо указывая на виновных. В некоторых случаях при осуждении социального зла или моральных пороков он

пользуется приемом речи от первого лица множественно-го числа, как бы включая в это «мы» и себя. Тем самым он не отделяется от слушателей, а наоборот — приближает к себе тех, кого так строго судит и наставляет на путь исправления.

Той же реалистической окраской его проповедей объясняется и точное указание времени, когда он произносил некоторые из них.

Рукопись № 549 начинается словами: «Это я произнес, когда сделался митрополитом», то есть в 1708 году. В защитительных письмах, направленных им Константину Брынковяну, имеются даты: 13 января и 3 февраля 1712 года.

Все проповеди Антима относятся к периоду его пребывания в сане митрополита, многие из них, как видно из самого текста, были произнесены в присутствии господаря.

* * *

Творческое наследие Антима Ивериану, главным образом его «Дидахи», дают богатые возможности для характеристики его как выдающегося мастера слова, одного из крупных представителей румынской литературы своего времени.

Рассмотрим некоторые особенности его творчества с литературной точки зрения. Сразу же отметим, что наряду с высоким художественным мастерством их характеризует подлинная демократичность и реалистичность.

Шестнадцать дидахов, из числа включенных в первый том, открываются каждая особым текстом, например, каким-нибудь изречением из священного писания и тому подобным, призванным служить как бы введением в сюжет. Характерно, что тексты не всегда связаны с церковным праздником или другим событием, которому посвящена проповедь. Обычно во вступлении же содержится указание на высокий долг, повелевающий автору обратиться с речью к слушателям, а также какое-нибудь замечание об отсутствии у него ораторского дара, о неумении его говорить «для услады духа» или еще в том же роде, что служит выражением скромности и смиренности самого проповедника.

Антим использовал вступление обычно и для того, чтобы непосредственно подвести слушателей к теме.

Несмотря на все это многообразие функций, вступления к «Дидахам» Антима обычно были краткими и не утомляющими внимания слушателей.

Как уже говорилось выше, Антим часто прибегает к сравнениям с фактами из жизни, а также к изречениям, причем не только из теологических текстов, но и из истории, мифологии, литературы, философских трудов и т. д.

Обильно встречаются в «Дидахмах» эпитеты, метафоры, гиперболы, антитезы и другие художественные приемы, призванные сделать речь автора максимально доходчивой, впечатляющей и эмоциональной. Приведем несколько примеров его художественного мастерства: «Немного может богатый позаимствовать у бедного и немного похвалы может услышать достославный человек от необразованного. Поэтому и я, зная скудость достоинств своих и недостаток знания, дивлюсь тому, что мне предстоит сделать»⁴⁸.

«При виде столь почтенных лиц, украшенных цветами добродетели и мудрости, я пугаюсь и не осмеливаюсь говорить. Какую силу имеет ничтожный мой язык, чтобы воздать хвалу и честь, достойную избранных и восхваленную прежде всех иных творений, как сказано в «Песне песней»?

Каждый охотник готовит себе снаряжение, необходимое для охоты, то есть тот, кто ловит птиц, делает сети, тот, кто ловит диких зверей, готовит ружье, железный капкан, ямы и прочее, а рыбак готовит себе удочки, крючки, сети рыболовные и все, что необходимо, чтобы получить то, что он желает. А тому, кто хочет привлечь людей, каким орудием следует ему воспользоваться? Я думаю, что можно это сделать только учением и словом»⁴⁹.

Обычно в начале проповеди Антим не обращается непосредственно к слушателям, но в самом тексте мы встречаем немало теплых, проникнутых человеческой интонацией, неканонических обращений: «Любимые мои», «Возлюбленные мои слушатели» и т. д.

Сюжет самой проповеди у Антима, как правило, был целостным, не дробящим внимания слушателей. Он обыч-

но касался какого-либо животрепещущего вопроса, ответ на который Антим как бы искал тут же, на глазах паствы, заставляя ее задуматься, принять участие в ходе мысли и рассуждений проповедника. Иногда он задавал риторические вопросы, как будто ожидая ответа от слушателей. Этими вопросами он оживлял свою проповедь. Так же нередко в его вопросах звучали возмущение и негодование. Он сам отвечал на эти вопросы, стараясь по возможности доступно объяснить то или иное явление.

Заключительные разделы проповедей Антима были исполнены особой силы: если в основном тексте он непримиримо клеймил грехи и пороки, то в заключении он переходил на примирительный тон, выражая надежду на исправление грешников, при условии, что они будут верны в жизни духу его поучений.

«Поэт по натуре, Антим не обладал даром рассказчика,—утверждал Ал. Пыру⁵⁰,—и его проповеди содержали мало эпических элементов. К числу таких можно отнести лишь несколько парабол, например, о святом Николае, который спас девственность трех сестер. Так что его проповеди, как правило, носят лирический характер».

Особо остановимся на лирических элементах, составляющих мощный и весьма заметный поток в дидахах Антима Ивериану. Прежде всего, где и с какой целью пользуется обычно этими литературными приемами автор? Обычно лирико-поэтические элементы бывают особенно сильны в тех случаях, когда Антим по тем или иным соображениям считает необходимым подчеркнуть, выделить описываемую картину, придать ей наибольшую силу эмоционально-образного воздействия. Кроме того, пользование указанными средствами бывает нужно ему и для того, чтобы избежать монотонности речи, привлечь внимание слушателей, заставить их задуматься над тем, что он им проповедует. С этой целью наиболее часто употребляется в его творчестве прием риторического вопроса или же образного сравнения-сопоставления.

«Как непослушание является началом и источником всякого греха, так же и послушание является источником и матерью всякой добродетели».

К числу излюбленных литературных приемов Антима, помимо сопоставления, следует причислить и противоп-

ставление, антитезу: «Наиболее совершенные и мудрые врачи в наибольшей степени приумножают славу своей профессии тем, что не огнем и мечом, не жестокими битвами, продиктованными законами войны, а исключительно лаской, добрым словом и сладким лекарством добиваются исцеления больного».

Разумеется, все указанные выше средства художественной выразительности встречаются в произведениях Антима не сами по себе, так сказать «в чистом виде», а в весьма сложных сочетаниях и взаимодействиях, как во всяких подлинных и высокохудожественных произведениях литературы. Приведем пример сложной метафоры отрицания и повтора из одной дидахи Антима Ивериану:

«И не ниспосылается дождь огненный, дабы устрашить мир, и не обрушивается море войском против земли, и не вооружаются силы стихии, а только добром подчиняется она его власти...»

Столь же сильное впечатление должно было производить на слушателей, так же как вплоть до наших дней производит на читателей, противопоставление сильных мира сего людям маленьким и бедным.

«И ради этого не были избраны императоры или дворяне, чтобы сделать их пророками, и ради этого не были избраны философы или ученые, чтобы несли они проповедь слова, а послали простых людей и прежде всего пастухов, пасших овец...»

Красноречивы и впечатляющи контрасты, употребленные Антимом при описании богородицы: «И она сегодня переселяется с земли на небеса, оставляет печаль и идет к радости, оставляет все земное и обретает все небесное, оставляет все греховное и обретает все вечное и бессмертное...»

Смысловая антитеза, которая повторяется параллельными рядами, используется Антимом: «Прими этого младенца, ибо он старше всех стариков, прими этого младенца, ибо ты видишь его, но ангелы не могут его узреть...»

Столь же многократны в произведениях Антима и сравнения, причем, как правило, происходит олицетворение неодушевленных предметов. Вот красноречивые примеры использования этого художественного приема, которым Антим владел поистине как искуснейший мастер:

«...Дабы звезды сделались еще более светлыми и блестящими, чем те, что ныне сияют в небе над нами, а Луна стала еще чудеснее, чем та, что ночью становится нашей советчицей...»

«И добрые люди без зла в душе пошли за ним, как железо идет за магнитным камнем и как волос идет за чистым янтарем».

«Бездна неверия затопила весь мир, и люди гибнут в дьявольских волнах».

Смелое сближение живой и неживой природы, перенос признаков и качеств одного предмета на другой — позволяли Антиму добиваться неожиданного усиления образа, его впечатляющей силы и воздействия на слушателей. Все эти особенности скорее сближают его творчество с образцами народной лирики, чем с традиционными приемами ортодоксально-религиозного ораторского искусства. Вот некоторые места из его дидахов, не потерявшие своего поэтического звучания даже по прошествии стольких столетий: «Пусть блеснит свет величия сегодня, когда они возьмут совершенный веночек их радости, ниспосылающий свет на все человеческие существа. Лицо его сияет, как солнце, и одежда сверкает белизной, как снег». «Мой ум затуманен тучей незнания». «В то время как мужи образованные и добродетельные стоят и дивятся ее величию, что же делать мне, лишенному света учения и далекому от всех благ и добродетелей?»

Когда Антим выступает за правду, искренность и справедливость, которые должны руководить каждым поступком и действием человека, он говорит: «Препояшем наши чресла поясом правды, облачимся в панцирь справедливости».

А вот великолепная в своем искреннем смирении метафора, употребленная им в одной из дидахов: «Какую силу имеет мой источник с одной каплей воды в нем, чтобы напоить такой духовный сад, как этот?!»

Порой афористическая сила и лаконичность его высказываний настолько велики, что поистине достигают уровня пословиц, созданных народом: «Кто со слезами посеет, тот с радостью пожнет».

В других случаях же он вместо подобной лаконичной формы прибегает к разъяснению, распространению ме-

тафоры: «И не мог Люцифер больше подняться, ибо греху тянул его книзу. А грех подобен камню и потому стремится к своей матери, к земле, откуда он вышел. Добродетель же подобна огню и потому устремляется вверх». «И так же, как человек, который имеет в своем доме золото, серебро и одежду богатую, уходя из дому, накладывает замок на дверь и запирает ее, так же и смирение как бы запирает на замок все добродетели».

В некоторых дидахах даются развернутые картины, описания и сцены, привлекающие необычайной красочностью и поэтичностью.

«Я не допущу, чтобы небо лишилось таких прекрасных светил, как эти, и не хочу, чтобы ад заполучил души, такие чистые, и цветы, такие красивые.

О лживая любовь, я хочу изломать твои стрелы, которые убивают без ран... После того как солнце спрята-ло все свои лучи и дневной свет бесследно угас во тьме ночи, усталое небо смежило ко сну свои очи и даже луна не бодрствовала в этот миг, даже самая маленькая звездочка не приоткрыла свои серебристые веки...»

О том, что Антим смело черпал художественно-образительные средства своих произведений из всего арсенала литературы, свидетельствует тот факт, что в них встречаются наряду с традиционными образами и сравнениями также и совершенно оригинальные, смелые и даже, можно сказать, новаторские тропы. Так, помимо тех примеров, которые были приведены выше и свидетельствовали о своеобразии и оригинальности художественного видения Антима, в его дидахах можно встретить и такие обороты: «Прошу вас открыть уши ваших сердец...» (ср. с грузинским — გულის ყურის), «Они полетели на крыльях ветра...», «Какими цветами похвальных слов сумею я сплести достойный венок твоей непорочности...»

Особое место в его творчестве занимает образ моря, который символизирует жизнь человеческую со всеми ее бурями и невзгодами. Именно поэтому в большинстве случаев мы встречаемся в его произведениях с морем штормовым, бурлящим, беспокойным. «И вот мне кажется, будто образ ее у меня перед глазами. Со всех сторон дуют сильные ветры, черные, густые тучи собрались вокруг, и море пенится от гнева, вздымая волны, подоб-

ные горам». «Мне кажется, что я вижу корабль аполлонов, который, напрягая все силы, борется со страстями и опасностями, окружающими его. С одной стороны в борт его бьют волны, с другой — ветер раскачивает его, с одной стороны его вздымает к небу, с другой — низвергает в бездну, подобную аду!»

Несомненно, что в последнем случае мы имеем дело с аллегорическим изображением положения страны.

Тот же образ моря употребляется Антимом и для символического воплощения картин социального антагонизма, раздирающего страну на части, и народной борьбы с внешним врагом, для характеристики положения человека, одинокого в «житейском море», и для создания образа могущественной, всеохватывающей силы.

«Мир сей, как волнующееся море, где людям никогда не суждено обрести покой и тишину. Корабли во власти волн — это царства и края, государства и города, толпы народа, сильные мира сего и малые, незаметные люди, руководители и подчиненные, богатые и бедные, великие и ничтожные, все те, кто путешествуют и находятся в нужде. Сильные ветры, волнующие море, — это нужда, которая заботит нас. Волны, с которыми борются другие волны, набегающие все вновь и вновь, — это несчастья и беды, случающиеся каждый день. Тучи, черной пеленой закрывающие небо, молнии, ослепляющие глаза, громы, вселяющие страх даже в самые отважные сердца, — это тревожения брэнного мира, неожиданные потери, угрозы врагов, печали и неприятности». «И тогда поссорил он ветры с морями, и стало тихо и безмолвно...». «Ты владеешь силой моря и успокаиваешь кипение волн...». «Вспомним и о нас, кто претерпевает грозу от врагов и сражается с волнами мирской бездны...»

Противоположностью, антитезой образу моря являются столь же многократно встречающиеся в произведениях Антима образы огня, света, солнца. Соответственно с этим и функции их в системе художественных средств произведений Антима носят противоположный характер: «Огонь, как столб, служил им, освещая ночь. Туча дала им тень, укрывая от духоты и зноя. Иордан обратил вспять свое течение, и крепкие стены вражеских крепостей пали от гласа труб. Солнце, задержав свой путь на небесах, увеличило день для победы». «И восстало из но-

чи солнце справедливости...». «Как солнце притягивает пар с земли, ниспосылая сверху живительную росу, которая делает землю веселой и плодотворящей, так и чистая кровь!...». «И заблестела земля великим светом...». «Кто из живущих в наших пределах видел когда-нибудь столько любви, сколько питает к земле солнце, это величайшее светило небесное и владыка всех звезд, солнце, которое оставляет другие стихии ради столь любимой им земли. К земле влечет его неотвратно, ее освещает оно своими животворными лучами, ее украшает всевозможными растениями, ее венчает цветами, ее питает и обогащает плодами. И, никогда не отдаляясь от земли, оно кружится вокруг в непрерывном движении».

К сожалению, мы не имеем здесь возможности остановиться на фонетически-синтаксических и лексических особенностях языка произведений Антима. Но богатство и своеобразие его, черпающее силы и истоки в речи простого народа, органически входит в его художественный стиль, делая его красочным и оригинальным.

Изобилие лирических элементов особенно удивительно, если учесть, что содержатся они в творчестве человека, так поздно изучившего румынский язык.

Антим писал просто, так, как думал, поэтому стиль его естественный и непринужденный. Обороты у него образные и красивые, словно вышли они из-под пера какого-нибудь крупного современного писателя⁵¹.

Профессор Н. Иорга в «Истории румынской литературы XVIII века» писал о проповедях Антима, что их «литературные красоты привлекают внимание читателя и заставляют следить за текстом с неослабным вниманием».

Стиль Антима характеризовался иронической ноткой, к которой он прибегал, чтобы добиться наибольшей действительности своих обличений. Так, например, в проповеди на сретение господина он использует определенно сатирический прием: «Пятая заповедь гласит — не убий, а мы, если не можем убить палкой или саблей, убиваем языком...»

По справедливому утверждению Штремпела, Антим «преподносил свои проповеди языком выразительным, полным темперамента, убедительна его фраза, то спокойная, то выдержанная, то распространенная, обширная,

полная теплоты. Фразы построены человеком, который владел в совершенстве языком, и никогда не выдают бра- тора, так поздно изучившего румынский»⁵².

Присоединяясь к этому мнению, мы можем лишь до- бавить, что перед нами творчество человека, безусловно наделенного художественным талантом и владевшего ли- тературным мастерством, поставившего и то и дру- гое на службу интересам своей новой родины, во имя ее независимости и процветания, во имя развития ее куль- туры.

* * *

Из речей, составивших первый том «Дидахов» Антима, то есть таких, принадлежность которых его авторству бесспорна, помимо двадцати восьми проповедей, посвя- щенных тем или иным праздникам и воскресным дням, семь посвящено особым случаям, не предусмотренным церковным календарем: одна прочитана в связи с избра- нием его митрополитом, три надгробные, одна панихид- ная и две исповедальные речи. К их числу по праву сле- дует добавить и два защитительных письма, посланных Антимом Брынковяну.

Речь Антима по случаю возведения его в сан митро- полита примечательна для историков литературы во многих отношениях. Общий стиль ее исполнен пафоса и поэтической возвышенности, оставаясь в то же время об- разцом скромности автора. В многократно цитировав- шемся труде Штремпела говорится, что «речь, которую он (Антим) произнес при вступлении в сан, полна поэзии и пафоса, возвышенности и красноречия, можно сказать, что подобная речь никогда до того не произносилась на румынском языке».

Помимо всего прочего, Антиму этой речью важно бы- ло доказать право и возможность и на румынском языке выразить сложные мысли и возвышенные чувства столь же полно и красноречиво, как и на греческом языке. Именно потому, вопреки нерушимой традиции и обычаям, вопреки тому, что на церемонии присутствовали видные представители греческой церкви, он произнес свою речь на румынском языке.

Начал он свое выступление с рассуждения о том, как надо излечивать людские раны и язвы. Заявив о своем сочувствии страждущему под турецким владычеством

народу, он прямо встал на его сторону, сказав, что вместе с народом страдает и мучается, вместе с ним мечтает об избавлении от чужеземцев. Далее он говорил о том, как трудна и ответственна задача для него, маленького, простого человека, быть пастырем большого стада, к которому он пришел не с молнией гнева, а с ветвью мира, желая без ущерба и кровопролития искоренить язычество, изгнать лицемерие и ложь из страны. «Я послан к вам, чтобы быть утешением в горестях и бедах вавилонского рабства мира сего... и вместе с вами испытать всю чашу... Долг мой повелевает днем и ночью следовать за вами для пользы и во спасение всех вас, обучать, наставлять, направлять на путь истинный».

Наибольший интерес представляет та часть речи Антима, в которой дается подробная картина положения страны в тот период. Несмотря на постоянно употребляемые им по отношению к самому себе эпитеты скромности и самоуничижения, этот раздел речи обличает в Антима государственный ум, широту взглядов, умение объективно разобраться в исторической обстановке и в положении вещей. О его искренней любви и сочувствии к румынскому народу, румынской стране свидетельствует его заявление о том, что он готов разделить с ним все горести и беды.

Остановимся несколько подробнее также на двух его защитительных речах — письмах, посланных Антимом в ответ на требование Брынковяну, который, поддавшись на клевету и интриги недругов Антима, предложил ему снять с себя сан митрополита. Эти письма датированы 13 января и 3 февраля 1712 года и считаются самыми древними юридическими документами в истории румынского права.

Первое письмо состоит из двенадцати пунктов, последовательно опровергающих все обвинения, возведенные на него врагами, и доказывающих его невиновность. При этом тон письма поражает чувством собственного достоинства и уверенной гордости. Антим напоминает господарю, что он не по своей воле приехал в Румынию. Также не домогался он и сана митрополита, но, согласившись занять этот пост, отдал все силы, трудился день и ночь, чтобы оправдать доверие. Что же касается клеветников и всех облыжно возводимых ими обвинений, то

Антим просит господаря лишь об одном: чтобы он дал ему возможность встретиться лицом к лицу с его обвинителями, дабы при всех обличить их в клевете и наговорах. Что же касается сана митрополита, пишет с достоинством убежденного в своей невинности человека Антим, то не подобает ему отказываться от него, не зная за собой никакой вины. Если же господарь, которого он призывает к спокойному и непредвзятому изучению всех обстоятельств дела, все же сочтет необходимым лишить его на старости лет паствы и сана, то он, Антим, без жалоб и возражений примет его волю. В заключении письма говорится, что как человек не может быть разлучен с женой до самой смерти, так и митрополит до последней капли крови и до последнего дыхания должен быть со своим народом.

Не менее интересно и второе защитительное письмо Антима, которое он направил Брынковяну 3 февраля, не дождавшись от него ответа на первое. Оно короче по объему и решительнее по тону, и представляет столь же интересный материал для характеристики человеческой личности и литературного характера творчества Антима.

Как видим, Антим внес немаловажный вклад не только в развитие ораторского искусства, но и эпистолярного жанра румынской литературы. Все вышеназванные произведения отличаются убедительностью, логичностью и стройностью построения, красочностью и богатством языка, широким владением всем арсеналом художественных средств литературы того времени.

Они, эти произведения, так же, как и «Дидахи», свидетельствуют о том, что Антим создавал их не экспромтом, а продуманно и четко, по заранее обдуманной композиции, со стройной архитектоникой. Несмотря на различие жанров его произведений — защитительная речь и речь «к случаю», проповедь синтетическая и аналитическая, нравоучительная и хвалебная (то есть панегирик) — все они характеризуются продуманным построением, четким делением на вступление, изложение содержания и заключение, богатством языка и изобразительных средств. Все это и дает им право считаться подлинными творениями искусства, обогатившими и развившими язык и литературу того времени.

Мы уже говорили о том, какую роль сыграли «Дидахи» митрополита Антима в развитии румынского литературного языка. Не менее значительна его заслуга в эволюции средств художественной выразительности румынской литературы.

Не случайно крупнейший румынский классик Михаил Садовяну с горечью спрашивал: «Многие ли из прозаиков и поэтов — наших современников — держали в руках «Дидахи» Антима Ивериану?», — давая тем самым высокую оценку его творчеству, сохранившему свою ценность до наших дней.

Фраза у Антима всегда насыщена, богата нюансами и полутонами, способствующими воссозданию картины. Порой короткие, как бы отрывистые предложения создают напряженный, нервный ритм повествования. Антим не запутывал свою речь многосложными периодами, а строил ее просто и естественно, доверяясь красоте и доходчивости обычной разговорной речи. Он всегда ищет наиболее точную форму для своей идеи, пользуясь всякого рода словесными украшениями с изысканным вкусом и лишь в меру необходимости.

Художественный стиль его творчества, многообразие и богатство приемов, пластичность образов и красочность языка ставят Антима в ряд с самыми великими представителями румынской литературы.

Приведем отрывок из проповеди, который красноречиво свидетельствует о художественной силе таланта Антима. Говоря о деве Марии, он прибегает к таким риторическим приемам:

«Избрана она поистине, как солнце, потому что увенчана всеми лучами божественных даров и сверкает ярче, чем все остальные небесные светила. Избранна она и прекрасна, как луна, потому что свет святости гасит остальные звезды, и за этот великий и прекрасный блеск, нанизанный всеми таинственными звездами, чувствуется, как императрица.

Избранна она, как восход зари, потому что она изгнала ночь и всю тьму греха и принесла с собой день — носитель жизни. Избранна она, потому что подобна кипарису, который высотой своей превосходит небо. Избрана

она потому, что она лилия, которая, родившись среди бурьяна и всеобщего горя, ни разу не потеряла украшения белизны своей.

...Это сад, огороженный сад, в котором вырос неувядающий цветок, и запечатанный кладезь, из которого появился источник жизни».

Немного дальше сравнения обретают новую силу и возвышенность: «Ее увидел Моисей на горе Синай, как зажженный костер, но он не горел. Ее увидел Аарон, как расцветающий ствол, полный плодов. Ее увидел Яков, как лестницу, закрепленную на земле и поднимающуюся до небес. Ее увидел Иезекиил, как запертую дверь, через которую никто не прошел. Ее увидел Гедеон, как шерсть, и Аввакум, как тернистую рощу, ее увидел Даниил, как гору, и Соломон, как ложе».

Как видим, автором смело употреблено здесь все многообразие средств лирической литературы, поэтические тропы, такие, как сравнения и эпитеты, метафоры и гиперболы, антитезы и повторы. Приведенный текст с несомненностью свидетельствует не только о высоком мастерстве Антима-писателя, но и о его выдающемся литературном таланте. Подобных примеров в каждой дидахе можно найти множество. Но дело не в количестве примеров, а в общей характеристике его художественного стиля, который во многом предопределил дальнейшее развитие румынской литературы.

Можно привести, кстати, такой факт. Выдающийся румынский поэт Михаил Эминеску употребил известное в истории литературы олицетворение луны, назвав ее «владычицей моря». Но еще за два века до него тот же прием употребил Антим: «Много стараний и сил приложили философы, чтобы обладать луной. Сначала говорили, что луна есть украшение ночи, подобно солнцу, и владычица моря».

Художественное творчество Антима находилось на самых передовых позициях своего времени не только благодаря прогрессивности его социально-философских воззрений и реалистическому отображению жизни современного ему общества, но и по художественно-эстетическим качествам, которые обеспечили ему почетное место в истории литературы.

Разносторонняя и продуктивная деятельность митрополита Антима ставит его во главе культурного движения брынковянской эпохи, и с течением времени новые исследования обнаруживают все больше доказательств прогрессивного и патриотического значения его художественного творчества и практической деятельности,—такова общая характеристика, данная Антиму Ивериану в книге Г. Штремпела.

Даже краткое знакомство с его творчеством, в частности—с «Дидахами», доказывает правоту этих слов.

Историки литературы, исследовавшие его наследие, посвятили ему в прошлом немало книг и трудов, но, не в силах выйти из ограниченных рамок буржуазного мировоззрения, они интерпретировали его, как правило, в духе идеализма и формального анализа. Г. Штремпел, ссылаясь на статью центрального органа Румынской рабочей партии—газеты «Скынтейя»—указывает, что сейчас настало время, когда румынская литература, основываясь на научной методологии марксизма-ленинизма, должна пересмотреть всю свою сокровищницу, начиная с древнейших времен⁵³.

В 1958 году М. Гафица в статье «Критерии исследования литературного наследия»⁵⁴ отмечал: «Изучая деятельность Антима Ивериану, мы рассмотрим его сквозь новую призму и постараемся раскрыть всю значительность его вклада как патриота и как писателя в историю общества, в котором он жил».

Патриотическая направленность каждого шага, каждого поступка Антима несомненна. Смелые выступления против турецкого владычества, подвижническая борьба за улучшение морального состояния общества, стремление по мере сил способствовать облегчению положения бедного люда, конфликт с Иерусалимской патриархией ради сохранения суверенитета румынской церкви, резкие обличения пороков господаря и его окружения — все это ярчайшие доказательства беззаветного служения стране и народу.

«Как же спасти народ, как избавить страну от тягчайшего бремени зла, искушающего ее?» — вот вопрос, который постоянно мучил Антима, и при ответе на этот

вопрос он не удовлетворяется обычным для лица духовного звания упованием на защиту бога. Именно поэтому он и устанавливал союзнические контакты с Россией Петра Великого, а впоследствии — с австрийцами. Его мечта о свободе и независимости страны, ставшей для него второй родиной, несомненно перекликалась с теми юношескими впечатлениями о тяжелом положении Грузии, которая также страдала, раздираемая иноземными захватчиками, и столь же непреклонно стремилась к свободе, независимости и национально-государственному самоутверждению.

Современный румынский писатель Д. Корбеа в статье, посвященной грузинскому поэту Б. Габашвили — Бесики, жизнь и деятельность которого была связана с Румынией, писал:

«Как выглядела Грузия в конце XVIII века?

Страна, которая неоднократно переходила из рук в руки... Гордые ее леса были изрублены турками, поля опустошены. Помещики оставили бедному крестьянину лишь глаза, чтобы плакать и смотреть на небо необыкновенной голубизны. Но Великая Октябрьская социалистическая революция кинула клич всем угнетенным: «Человек, восстань и иди покорять землю, воду, воздух!..» Тогда поднялся грузин и взглянул на мир. Поле начало плодоносить, лес стал расти ввысь. Песни и танцы вновь зазвучали на этой земле, и возродилась радость жизни в грузинском народе, который восстал, как птица феникс, из собственного пепла. Исполнилось предсказание Руставели и Габашвили, предсказание всех грузинских поэтов, которые верили в живую, необоримую силу народа».

Эти слова, произнесенные румынским писателем в 1957 году, поразительно перекликаются с мечтой грузина Антима, жившего в Румынии за 250 лет до этого.

Столь же современно и актуально звучит идея мира и дружбы между народами, неоднократно проводимая Антимом в проповедях. Вот образец подобного рода: «Апостолы одержали большую победу, какой не мог добиться ни один могущественный император: люди безоружные... подняли не боевые знамена, а символ мира, и блистали не молниями острых сабель, а светом счастливой жизни, не наводняя землю войнами, а моря кораблями, без ран, без кровопролития попрали они все язычество».

Для довершения характеристики Антима как человека, стремившегося к прогрессу и улучшению жизни, укажем на его ненависть ко всему косному, застывшему, догматическому в любой области жизни, в государственной, практической и духовной сфере. По сей день злободневно звучат его слова, обращенные ко всякого рода реакционерам и консерваторам: «...Словно червь, который всю жизнь прожил под корнем хрена, если ему кто-нибудь посоветует выползти из своей норы и переползти к более вкусным растениям, говорит, что слаще хрена ничего нет, так как он там родился, так и вы, привыкшие к несправедным поступкам и вещам. Ибо не привыкли к тому, чтобы вам говорили истинную правду, и потому вам сейчас кажутся горькими мои слова...»⁵⁵.

Значение творчества Антима Ивериану состоит не только в том, что он реформировал художественную форму и язык румынской литературы, но прежде всего и главным образом в тех прогрессивных, передовых для своей эпохи идеалах, которые оно, это творчество, несло народу.

АНТИМ ИВЕРИАНУ — ТИПОГРАФ

Типографская работа составляет неотъемлемую часть культурно-просветительной деятельности Антима. «...Прелат Антим из Грузии сыграл в XVII веке и начале XVIII века прогрессивную роль как ученый и типограф»¹, — писал профессор В. Чиобану. Духовная культура с течением времени все больше приобретает светский характер. Каллиграфы и типографы активно участвовали в этом процессе, так же как и в формировании общенационального языка и в развитии литературы.

Как известно, в трех румынских странах — Молдове, Мунтении, или Валахии, и Ардеале — не было единого румынского языка, и вся существовавшая в то время литература, главным образом церковного характера, издавалась на греческом или древнеславянском языках, непонятных народу.

«Отстаивая свои права, народ требовал книг на своем языке. Огромная заслуга Унгро-Влашской митрополии заключается в том, что ее служители окончательно оформили единый, простой и изящный язык для всего румынского народа»², — свидетельствовал Б. Теодореску.

Известно, что одним из ведущих деятелей, много сделавших в этом отношении, был Антим, и не случайно поэтому мы читаем там же, что «книги Антима, Дамаскина, епископа и типографа, были в ходу как хорошие деньги»³. Будучи написаны на языке, понятном и близком всем румынам, они были связующим звеном для трех румынских стран, проникая в самую гущу народа, в самые отдаленные, глухие деревни.

Большинство румынских рукописей, дошедших до нас, создано в Мунтении, книги в основном напечатаны в Снагове, Рымнике и Бухаресте, превосходя в количестве и качеством молдавские и ардеалские издания.

Особая заслуга в развитии этих книгопечатных центров принадлежит прелатам и типографам брынковянской эпохи, в частности Антиму.

Вся типографская деятельность в эту эпоху была так или иначе связана с именем Антима Ивериану, который стал центральной фигурой этого процесса, будучи в одно и то же время типографом, литейщиком, гравером, переводчиком, писателем и проповедником⁴.

Эпоха, в которую протекала деятельность Антима, по словам Картожана, может быть названа временем, когда «древнерумынская культура достигла своего апогея»⁵, по справедливости может быть названа румынским Ренессансом.

Брынковяну, тогдашний господарь Валахии, был образованным человеком, обладал большим вкусом и покровительствовал развитию наук и искусств.

В этом отношении он как бы продолжал меценатскую политику своего дяди, господаря Шербана Кантакузино (1678—1688). Располагая значительными материальными средствами, Брынковяну приложил много усилий, чтобы придать своему двору необыкновенный блеск, превратил его в место встреч дипломатов разных стран, окружил себя видными деятелями науки и культуры Востока и Запада. При его дворе подвизались знаменитый врач Якоб Пиларино и ученый грек Джорже Майота, получивший образование в Риме и Венеции, Иоанн Аврамиос — проповедник двора, и высокообразованный итальянец Антон-Мария Дел Киаро — секретарь по западным языкам, Досифей — Иерусалимский патриарх со своим племянником Хризантом Нотаррасом, Атанасий Даббас — патриарх Антиохии и другие. Исторические документы подтверждают, что Бухарест и Яссы почти на протяжении двух веков, с 1650 по 1828 годы, были центрами притяжения для крупнейших греческих ученых и писателей, вынужденных покинуть свою родину⁶.

Естественно, что в связи с этим господствовавшее ранее славянское влияние стало ослабевать, уступив место греческой культуре. Брынковяну реорганизовал школу св. Саввы в Бухаресте, назначив ее руководителем знаменитого профессора греческой школы Севастоса Кименита.

В этот период православной церкви стала угрожать опасность со стороны римской католической церкви. В 1699 году австрийцы заняли Ардеал (область в Трансильвании), и, воспользовавшись этим, римские миссионеры распространили свое влияние на Валахию.

Постоянно подвергаясь разнообразным и взаимосменяющимся влияниям, которые были одинаково чужды ему, румынский народ все сильнее стал ощущать потребность в развитии культуры на родном, понятном ему языке. Вследствие этого назрела необходимость издания книг, напечатанных на румынском языке.

В то время книгопечатание в Румынии вообще было развито очень слабо. Брынковяну стал всячески способствовать развитию печатного дела в стране.

Если учесть все вышесказанное, можно понять, сколь велико было значение для страны деятельности Антима, основавшего благодаря своей энергии и знаниям типографии в разных городах страны.

Всего за время правления Константина Брынковяну было напечатано шестьдесят четыре книги, и все они связаны с именем Антима.

Под его руководством «печатаются учебники по философии, литературе и разным иным наукам, «книга наставлений» для сыновей господаря, книги для церковной службы, назидательные и поучительные книги. С целью развития вкуса у народа им был издан знаменитый фантастический роман Александра Великого «Александрия»⁷.

К моменту прихода к власти Брынковяну существовала лишь одна типография, основанная митрополитом Варлаамом в 1678 году. Новый господарь, мечтавший о роли просветителя, естественно, не мог удовлетворяться этим и поэтому решил найти хорошего специалиста, которому можно было бы поручить реорганизацию типографского дела в стране.

В Константинополе в это время Антим славился как мастер типографского дела, который «сумел завоевать себе авторитет своими редкими талантами».

Понимая, что для его целей не найти лучшей кандидатуры, Брынковяну добился согласия Иерусалимского патриарха на приезд Антима в Валахию.

«Бухарест и Яссы дали приют всему, что было славного, великого и просвещенного на православном Востоке»⁸, — писал профессор Н. Иорга. Антим был среди этих людей.

Из письма, написанного Антимом Константину Брынковяну в 1712 году, видно, что еще до переезда в Валахию Антим добился определенного имени и положения: «Я приехал сюда, в страну, не по своей воле, не из-за бедности или нужды». Трудно сказать, в какой именно области подвизался он до того. П. Ханеш считал, что он был знаменитым в Константинополе резчиком по дереву. Штремпел ссылаясь на мнение Дел Киаро, который утверждал, что Антим, живя при патриархии в Константинополе, поражал всех своими талантами, резьбой по дереву, живописью и рисованием⁹.

Так как о дате приезда Антима в страну нет точных сведений, на этот счет существуют различные мнения.

Одни исследователи полагают, что Антим приехал в Бухарест примерно к 1690 году, другие — что он попал в Молдову чуть ли не в детстве. Обе эти версии, как уже говорилось, не имеют каких-либо документальных подтверждений.

Первое достоверное свидетельство о пребывании Антима в Валахии — книга, напечатанная в Бухаресте в 1691 году за его подписью — «Советы Василия Македонского своему сыну Леону»¹⁰.

Можно считать установленным, что Антим приехал в Румынию в период между ноябрем 1688 года, когда Брынковяну стал господарем, и 1691 годом — временем выхода упомянутой выше книги.

При дворе Брынковяну Антим сблизился с Дел Киаро, который впоследствии оставил нам интересные сведения о нем, в частности — о его книгопечатной деятельности. По его свидетельству, Антим «поднял типографское искусство до совершенства»¹¹.

Антим был не менее искусным каллиграфом, живописцем и рисовальщиком-миниатюристом. Существует версия о том, что ему принадлежит роспись Рымникской епископии. Однако, несмотря на разносторонность талантов и интересов Антима, особое место в его наследии занимают изданные им книги.

Немаловажный интерес представляет вопрос о том, где именно Антим изучил типографское дело. Многие считают, что он достиг мастерства в книгопечатании еще до приезда в Валахию, работая типографом в Константинопольской патриархии, и что «государь Константин Брынковяну пригласил Антима в Валахию из Константинополя, желая усовершенствовать типографское искусство в своей столице — Бухаресте и облегчить печатание необходимых книг». Стало быть, к этому времени Антим уже успел прославиться как искусный знаток типографского дела.

По мнению других, он совершенствовался в мастерстве у епископа Митрофана в валашском городе Бузыу: «Видимо, бывший раб Антим... изучает типографское дело у Митрофана в Бузыу», — писал Н. Йорга¹². «Антим был, очевидно, поручен Митрофану, епископу Бузыу, который и обучил его типографскому ремеслу», — поддерживал его Ат. Миронеску¹³.

Несомненно, гораздо ближе к истине противоположное мнение, которого придерживались историки Н. Добреску, Н. Шербынеску и др. Ибо известно, что Митрофан попал в Бузыу только в июне 1691 года, то есть тогда, когда в Бухаресте уже увидела свет первая книга, выпущенная Антимом.

Н. Добреску и Г. Штремпел выдвигают иную версию, согласно которой Антим обучался у Митрофана не в Бузыу, а в Бухаресте, в то время, когда Митрофан был руководителем тамошней типографии¹⁴.

Штремпел даже считает, что Брынковяну добивался приезда Антима именно с целью развития типографского дела, а также, что еще до переезда из Константинополя Антим пользовался определенной известностью. Но и это мнение следует признать малодоказательным, так как можно предположить, что слава и достаток Антима были достигнуты скорее всего мастерством как типографа.

Конечно, высокое мастерство его как издателя книг основывалось и на его знаниях и способностях как каллиграфа, ксилографа, живописца. Именно такое сочетание талантов делало каждую изданную им книгу подлинным произведением искусства.

Итак, признаем наиболее вероятным, что Антим попал в Валахию, будучи уже известным мастером-типографом, высокообразованным человеком, обладавшим разносторонними знаниями и тонким вкусом. На уровне высших достижений эпохи были его знания в области литературы, истории, естествознания, теологии и других наук. Антим был, помимо всего прочего, хорошим знатоком и грузинского искусства. Об этом свидетельствует тот факт, что Антим успешно применял грузинские мотивы во всех областях своей художественной деятельности: в живописи, гравюрах, скульптуре и особенно в орнаментировке кожаных книжных переплетов и в иллюстрациях. Подробнее об этой стороне его наследия будет сказано в специальном разделе.

Помимо родного грузинского языка, Антим знал еще греческий, арабский и турецкий языки, которыми он овладел в Константинополе. Он в совершенстве изучает румынский язык, язык его новой родины.

Знание многих языков помогло Антиму печатать книги на нескольких языках, а также переводить их на румынский.

Как было сказано выше, Брынковяну поручил Антиму типографию при Бухарестской митрополии, которой руководил бывший епископ города Хушь — Митрофан.

Эта типография была основана митрополитом Варлаамом в 1678 году¹⁵. До Антима в ней было напечатано всего восемь книг.

Полагают, что Антим в Бухарестской типографии работал некоторое время вместе с Митрофаном, пока этот последний не был назначен 10 июня 1691 года епископом в Бузуу. С этого дня до 1694 года Антим является руководителем Бухарестской типографии. Энергия и энтузиазм его принесли свои плоды. Антим переоборудовал типографию, оснастил ее кириллицей, арабским и греческим шрифтами, обучил своих учеников-румын типографскому делу, сделав их превосходными мастера-

ми. И вскоре типография стала выпускать книги на румынском и греческом языках. Типография митрополии, реорганизованная Антимом, получила название «Государевой типографии».

В этой типографии в октябре 1691 года Антим печатает книгу «Советы Василия Македонского своему сыну Леону».

Как указывалось выше, эта книга является первым документом, свидетельствующим о прибытии Антима в Валахию. Затем был напечатан греческий перевод труда Хризанта Нотарраса (будущего патриарха Иерусалима). Эту книгу Антим, который до этого звался мирским именем Андрей, уже подписывает «иеромонах Антим».

За короткий период до 1692 года Антим напечатал еще три книги. Отметим из них «Службу св. Параскевы и святого Григория Декаполита» на греческом языке, в которой впервые к своей подписи Антим прибавляет название своей родины Иверии — Антим Ивериану.

В 1693 году Антим напечатал «Греко-румынскую литургию», к которой написал эпилог с просьбой к читателям извинить его за ошибки.

А уже в 1694 году появилась выпущенная на румынском языке книга «Псалтырь». Эта книга интересна для успеха Антима в изучении румынского языка. Она содержит посвящение Константину Брынковяну на трех страницах и, кроме того, восемь стихотворных строк, подписанных: «Смирнейший из иеромонахов Антим Ивериану».

Если даже может существовать сомнение в том, принадлежит ли Антиму перевод самого «Псалтыря», то стихи и посвящение несомненно написаны им.

В 1694 году Антим переезжает в Снаговский монастырь, где основывает новую типографию.

По некоторым предположениям, он предпочел удалиться от шума и суеты большого города в тишину и одиночество монастыря. Здесь, «вдали от городского вихря и шума», Антим развивает особенно активную типографскую деятельность, напечатав множество книг.

Н. Иорга отмечал: «Бузыу уже давно не был единственным в стране культурным центром. Чужестранец

Андрей из далекой Иверской страны, став монахом, основал второй культурный центр в Снаговском монастыре».

Александр Одобеску, описывая Снагов, сообщал, что Антим прекрасно оборудовал типографию в монастыре Снагов, где издавались книги на церковнославянском, румынском и арабском языках. Одобеску даже считал, что Антим еще при Шербане Кантакузино сразу переехал в Снагов и тогда же основал там типографию, «где он начал столь полезную для своей второй родины деятельность». Это предположение Ал. Одобеску не подтверждается научно достоверными фактами, но ясно одно: где бы ни находился Антим, его книгоиздательская работа всегда была для него в числе главных занятий.

В 1696 году Антим был назначен уже игуменом Снаговского монастыря. Эта должность была ему предоставлена в знак признания его заслуг. Здесь, в Снагове, он работал до 1701 года, после чего снова должен был вернуться в Бухарест, хотя формально еще оставался игуменом Снаговского монастыря. Переезд из Снагова был вызван вынужденным решением Антима, даже вопреки воле Брынковяну.

Наиболее ценным источником сведений о причине ухода из Снагова является письмо-оправдание самого Антима от 13 января 1712 года, адресованное господарю Константину Брынковяну. Из этого письма видно, что он, как уже говорилось, стал жертвой клеветы и наветов своих врагов. Вот что писал Антим господарю: «Не желал я уходить отсюда. Виновные в том, что я ушел, ответят перед богом. И все же я ушел с честью, хотя никто не придал этому значения. Я лишь приумножил добро обители, а ничего не испортил и не оставил долгов».

Действительно, заслуги Антима за время пребывания в Снагове весьма велики. Помимо организации типографии и издания многочисленных книг, отметим еще создание им по просьбе Антиохийского патриарха типографского шрифта, благодаря чему он смог в 1701 году напечатать в своей типографии «Греко-арабскую литургию». Арабское оборудование Снаговской типографии Брынковяну подарил впоследствии патриарху Антиохии Аттанасию Даббасу, который использовал его для печатания книг в Алеппо (Сирия).

Надо полагать, что большая часть инвентаря Снаговской типографии, включая и арабские шрифты, изготовлена лично Антимом.

Из истории Снаговского монастыря мы узнаем, что до приезда Антима там царила разруха и неразбериха в делах. Именно это и побудило Константина Брынковяну принять решительные меры для его восстановления.

В 1694 году «трудолюбивый типограф» переезжает из Бухареста в Снагов и привозит с собой все необходимое оборудование. Так как для размещения типографии необходимы были просторные помещения, Антиму в первую очередь пришлось заняться переоборудованием здания монастыря.

Вот как характеризовал профессор Шербынеску результаты работы Антима в Снаговском монастыре: «Земля стала родить больше, люди лучше выполняли свои обязанности, а лучше всех выполнял свои обязанности сам Антим»¹⁶. Выдающиеся качества организатора и разносторонние способности Антима привели Снаговский монастырь при его руководстве к процветанию и благосостоянию. Он превратился в крупный и наиболее прогрессивный, культурно-просветительный центр в Румынии.

Лучшие ученики Антима — Михаил Иштванович, Георге Радович, иеромонах Дионисие Флору — были воспитаны в Снаговской типографии, и именно здесь овладели они высоким искусством книгопечатания.

В Снагове Антимом и его учениками были напечатаны следующие книги: в 1696 году — «Порядок службы святых Константина и Елены». Напечатана учеником Антима Михаилом Иштвановичем на церковнославянском и румынском языках, «трудом и под наблюдением почтенного отца и терпеливого учителя Антима Иверяну», как указывалось в предисловии.

В январе 1697 года уже самим Антимом был напечатан «Антологион» объемом до тысячи страниц.

В том же году Антим напечатал на румынском языке «Евангелие» на ста восьмидесяти шести страницах, оформленное великолепным красочным орнаментом и снабженное весьма красноречивым стихотворным отрывком: «Как находящиеся на чужбине мечтают свою

землю увидеть, как застигнутые грозой на море молят бога о затишье, так и типограф мечтает об окончании книги, восхваляя и благодаря бога»*.

Появление «Евангелия» на румынском языке явилось важным фактом в процессе становления самобытной румынской культуры.

В том же году в Снагове было издано «Пособие о некоторых недоумениях и решениях», составленное профессором Ионом Кариофилом. В предисловии, написанном Антимом, говорилось, что книга эта написана автором во время пребывания его в Бухаресте по просьбе стольника** Константина Кантакузино и впоследствии повелением Антима пересмотрена и напечатана Севастосом Кименитом.

Заслуживающим внимания фактом является издание учебника, благодаря которому можно было «изучить еще один иностранный язык». Этот учебник, напечатанный Антимом в 1697 году, перевод довольно подробной «Грамматики славянского языка», включавшей разделы этимологии, синтаксиса и просодии для составления стихов. Эта грамматика была написана и впервые напечатана Мелетием Смотрицким (1578—1633) в Москве и служила учебником великому Ломоносову.

Следует упомянуть еще напечатанную Антимом в 1700 году на румынском языке книгу «Цветок даров». Это перевод с греческого из Филотея Святогорца. В предисловии к читателям Антим писал, что «автор выбрал все лучшее из книг, как из большого и цветущего сада, чтобы из собранного сплести венок».

Издание в монастырской типографии книги светского характера было новым, безусловно прогрессивным шагом в культурном развитии страны.

В 1701 году в Снагове под руководством Антима была напечатана «Греко-арабская литургия». Помимо герба Румынии на оборотной стороне титульного листа и шести строф доктора Иона Комнена, посвященных Брынковяну, книга была снабжена двумя предисловиями патриарха Атанасия. Если одно из них по устано-

* Эти стихи были воспроизведены грузинскими буквами Михаилом Иштвановичем в «Литургии», напечатанной в Тбилиси в 1710 г.

** Стольник — старинный боярский чин.

вившейся традиции было адресовано господарю, то во втором, посвященном Антиму, воздавалось должное его усердию и заслугам.

Во второй половине 1701 года Антим напечатал в Снагове книгу «мудрого преподавателя Бухарестской академии Севастоса Кименита «Еортологийон», в которой обращает на себя внимание предисловие, написанное Ивериану и обращение к Константину Брынковяну. Здесь он говорит, что печатанием книг он выражает свою любовь к ближнему.

Еще до того в Снагове была напечатана учеником Антима — Георге Радовичем на румынском языке переведенная с греческого книга «Христианские поучения». В предисловии, подписанном Г. Радовичем, говорилось, что он бежал, как гонимый жаждой олень, к игумену святого монастыря, духовнику киру Антиму из Иверии для того, чтобы изучить «с большим старанием и усердием типографское дело».

С 1701 года Антим снова живет в Бухаресте, где до 1705 года он издает не менее пятнадцати книг. В силу все еще значительного в то время греческого влияния только четыре книги из них были напечатаны на румынском языке, остальные — на греческом.

Из изданий этого периода упомянем: «Хвалебное слово апостолу, подобному великому Константину» (на греческом языке), «Часослов» (на греческом и арабском языках), «Новый завет» (на румынском языке), «Славяно-румынский часослов» и др.

Особняком стоит напечатанный Антимом в 1704 году в Бухаресте перевод «Греко-романских параллелей» Плутарха на восьмидесяти восьми страницах. В предисловии Антим высоко отзывается о переводчике книги — старшем сыне Брынковяну, а также о его отце и воспитателе Георге Маноте.

В марте 1705 года Антим получил сан епископа Рымникского. Епископство дано ему было как «самому достойному из игуменов». И Антим переехал в Рымник, забрав с собой «светлые дни Снагова»¹⁷.

Судьба румынской и греческой типографии Снагова после отъезда Антима неизвестна. Фактом является лишь то, что после Антима здесь не была напечатана ни одна книга. Некоторые считают, что Антим целиком пе-

ревел типографию в Рымник. Арабскую же типографию, как отмечалось, Константин Брынковяну подарил патриарху Антиохийскому Аттанасию Даббасу, который перевез ее в Алеппо.

Основанная Антимом в Рымнике в 1705 году типография выпустила в свет много книг и с небольшими перерывами просуществовала до наших дней.

Антим в Рымнике считал своим долгом защитить румынскую культуру от всех иноземных влияний¹⁸.

С этой целью в 1705 году он издает такие значительные книги, как «Том радости» — сборник антикатолических текстов на 676 страницах, «Антологион, или Венок слов», на румынском языке, и свое собственное произведение — «Краткое поучение о таинстве покаяния». Все названные книги отличаются не только своими высокими литературно-текстовыми качествами, но и прекрасным оформлением, в целом — высокой культурой издания, «достойной самых древних и известных монографий Запада»¹⁹.

Начиная с 1706 года, книги в Рымникской типографии уже печатаются учеником Антима Михаилом Иштвановичем, но под руководством самого Антима. В это время издается переведенный Антимом с греческого на румынский язык «Евхологион», то есть «Молитвенник».

Эта книга имела в то время особое значение, так как в предисловии к ней очень интересно трактовался вопрос о том, на каком языке должна вестись служба церкви. Антим приводил тексты из Библии в подтверждение того, что не запрещено «каждому православному проводить службу на своем языке». Таким образом, Антим здесь выступал против теории так называемых «священных языков».

На вопрос: «Возможно ли, чтобы служили святую литургию сирийцы и армяне и другие православные народы на своем языке или же они должны возносить молитвы в церкви только на греческом языке?» — дается ясный и недвусмысленный ответ: «Православные, которые не знают греческого языка, должны творить службу на своем языке...»

Как уже было сказано выше, в конце января 1708 года, согласно завещанию бывшего митрополита страны Феодосия и с согласия государственного совета, Антим

был избран митрополитом Валахии. «Но Антим никогда не расставался с типографией, не оставлял типографской деятельности ни в каком положении и ни в какой должности²⁰, — читаем мы свидетельства сведущих людей. — Став митрополитом, Антим не предаст забвению любимое свое дело, благодаря которому он поднялся на самые высокие ступени церковной иерархии».

В 1709 году Антим основал типографию в своей новой резиденции — в древней столице страны Тырговиште. Он возродил то время, когда из этого города распространялись по всей стране книги, напечатанные искусными мастерами Раду Паисие (1535 — 1545) и Матеем Басарабом (1632 — 1654)²¹.

Первая книга, напечатанная в Тырговиште, — это «Книга годовой церковной службы», изданная Антимом на собственные средства.

Книга оформлена с изысканным вкусом, содержит 1597 страниц и представляет большую художественную ценность. В начале ее помещено письмо Антима, митрополита Унгро-Влахии, в котором он пишет, что посвящает книгу, напечатанную в Тырговиште, вселенскому патриарху Афанасию.

В 1710 году в Тырговиште были напечатаны на греческом языке «Догматическая паноплия», «Служба святой Екатерины» вместе с «Проскинетарием святой горы Синай». Книги хорошо оформлены.

В ноябре того же года здесь издается второй труд Антима — «Поучение», пособие для обучения священников. Книга эта напечатана его учеником Раду Радовичем.

В том же 1710 году в Тырговиште Раду Радовичем был напечатан под руководством Антима на румынском языке «Псалтырь».

1711 год оказался «неурожайным» в книгопечатном деле.

В 1712 году в Тырговиште был напечатан на румынском языке «Октоих», а в следующем году вышла «Александрия», книга о чудесных приключениях Александра Македонского. Правда, до нас не дошел ни один экземпляр этой книги, но ее существование подтверждается известным трудом Дел Киаро²².

Для этого периода характерно усиление переводческой деятельности Антима с целью наиболее широкого распространения издаваемых под его руководством книг в народе. Ему принадлежат переводы напечатанных в 1713 году «Румынской литургии» и «Философских примеров», а также «Катавасиер», изданный на трех языках — греческом, церковнославянском и румынском. Вторым изданием выходит румынский «Молитвенник».

Из Тырговиште Антим переносит типографию в Бухарест, где печатает сборник духовных и политических советов господарю Брынковяну, составленный «из пословиц старых мудрых учителей», и преподнес их Брынковяну, дабы тот «укротил нрав и поведение мудростью, достойной государя».

В период, когда митрополит Антим попал в немилость к Николаю Маврокордату (1716 г.), он напечатал в типографии, основанной им в монастыре Всех Святых, труд Александра Маврокордата «Святая или иудейская история». Это была последняя книга, напечатанная Антимом.

Из всего сказанного выше видно, что за двадцать шесть лет пребывания Антима в Валахии (имеется в виду документально доказанный период его пребывания в Валахии) он принял участие в издании шестидесяти четырех книг. Из них тридцать восемь книг напечатаны им самим, остальные — либо его произведения или переводы, либо книги, напечатанные под его руководством и на его средства, в некоторых же ему принадлежат предисловие или художественное оформление.

Антимом написаны четыре произведения: «Краткое учение таинств покаяния», «Церковное учение», «Главы приказов» и «Христианско-политические советы». Десять книг изданы с предисловием и посвящениями, написанными Антимом. Для пяти книг он написал стихи. В шести книгах сделал в конце приписки, а еще шесть книг перевел с греческого языка.

Учитывая многоязычный характер своей аудитории, за период своей типографской деятельности Антим издал тридцать книг на греческом языке, двадцать четыре — на румынском, одну — на церковнославянском, восемь книг — на двух языках (из них — пять славяно-румынских, две — греко-арабские и одна греко-румын-

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ская), а одна книга была напечатана даже на трех языках: греческом, церковнославянском и румынском.

Антим Иверяну — типограф и книгоиздатель — создал целую эпоху в истории румынской книги. Заслуги его в этой области столь велики и разнообразны, что, можно сказать, охватывают все стороны работы по изданию книги. Художественный талант и специальная подготовка сделали Антима мастером поистине мирового значения.

УЧЕНИКИ АНТИМА ИВЕРИАНУ

Весьма характерной для всей многосторонней деятельности Антима является его постоянная забота о приемниках и учениках. Особое внимание уделял он тому, чтобы начатая им работа по переводу, изданию и распространению книг в румынском народе не была предана забвению. С необыкновенной душевной щедростью, не жалея сил и знаний, передает он все секреты книгопечатного дела своим ученикам. Причем отметим и такую характерную для просветителя-патриота черту, что он выбирал себе в ученики наиболее способных юношей румын с тем, чтобы вырастить из них искусных мастеров типографского дела. Постоянную заботу проявлял он также об их всестороннем образовании и материальной обеспеченности.

Таким образом, Антим не только основывал типографии и печатал книги, но и заботился о том, чтобы печатное дело развивалось и совершенствовалось в дальнейшем и чтобы каждый типограф, в свою очередь, думал о продолжении этого благородного дела.

В «Уставе монастыря Антима» был дан строгий наказ, чтобы каждый типограф считал своим долгом обучить типографскому искусству учеников, дабы не исчезло ремесло из страны и не забросили печатание книг на пользу страны¹.

Дел Киаро сообщал, что после того, как Антим стал митрополитом, «мастера-типографы в типографии все были валахами, учениками тех мастеров, которые в свою очередь были обучены Антимом».

Хотя учеников у Антима было много, но у нас имеются точные сведения только о нескольких.

Наиболее известным учеником Антима и, как видно, одним из самых близких для него людей был Михаил Иштванович (то есть сын Штефана или Иштвана). Михаил (Михай) начал обучаться у Антима еще в Бухаресте, где до него работали самые крупные румынские мастера-типографы того времени—Митрофан, Дамаскин, Иоаникие и др. Здесь, в типографии, которой руководил Антим, формируется Михай-типограф. Антим не держал под секретом своего мастерства².

Михай, сблизившись с Антимом, последовал за ним в Снагов. Именно здесь и была напечатана его первая самостоятельная книга. В нее было включено несколько стихотворных строк, содержащих признание Михая в сыновней преданности своему учителю Антиму, который помог издать «этот новый плод типографского искусства, подготовленный под руководством почтенного моего отца... Антима Ивериану».

К 1699 году Михай Иштванович уже стал общепризнанным высококвалифицированным мастером-типографом, что видно из того, что его посылали в Трансильванию (Ардеал, Былград), где им были напечатаны «Киракодромион» и «Буковна».

В 1706 году он вновь работал в Рымнике под руководством своего учителя. Как указывалось выше, здесь совместными усилиями они издали много книг. В «Молитвеннике», напечатанном Иштвановичем, им посвящено Антиму предисловие, в котором он пишет, что является недостойным его учеником, благодарит Антима за учебу и просит принять в дар эту книгу. Отныне почти все напечатанные в Рымнике книги были подписаны Иштвановичем.

С 1708 года, когда Антим покинул Рымник и, став митрополитом, находился то в Тырговиште, то в Бухаресте, Михай уже не сопровождал его. Он выполнял задание учителя по организации типографии в Грузии. А его место ближайшего ученика и доверенного мастера-типографа занял другой воспитанник Антима — Георге Радович (сын Раду).

Первая работа была напечатана им в 1700 году. Это — «Христианские поучения». В предисловии к книге Ра-

дович указал, что «для того, чтобы изучить типографское дело, он стремился, как гонимый жаждой олень, к почтеннейшему из иеромонахов киру Антиму из Иверии и обучился у него с большим усердием и прилежанием типографскому делу». Последние работы Радовича датируются 1714 годом.

Из остальных учеников Антима нам известен иеромонах Дионисий Флору, работавший в Бухарестской типографии в 1715 — 1716 годах. В 1715 году он издал на греческом языке «Советы Антима», а в 1716 году в монастыре Антима — «Святую, или иудейскую, историю». Таким образом, облик Антима предстает нам еще новой своей гранью, — для того, чтобы подготовить стране такое количество учеников и последователей, надо было быть не только большим патриотом, но и превосходным педагогом.

СВЯЗИ АНТИМА С РОДИНОЙ

Полностью посвятив все свои силы, знания и талант второй родине, Антим тем не менее не забывал страны, где родился и где жили близкие ему люди.

Между грузинской церковью и Иерусалимской патриархией существовали давние и прочные связи. В Иерусалиме издавна действовали несколько грузинских монастырей и церквей, значительных центров культуры и просвещения. Именно потому, задумав создать типографию в Грузии, царь Вахтанг VI обратился к Иерусалимскому патриарху Хризанту Нотаррасу с просьбой помочь ему в этом начинании. Иерусалимский патриарх направил просьбу Вахтанга VI своему воспитаннику Антиму в Валахию. К этому времени имя Антима уже славилось за пределами Румынии, по всему православному Востоку, «за щедрость, которая давала всюду вечные плоды»¹.

Хотя Антим навеки связал свою судьбу с Унгро-Влахией, пришедшая из Грузии просьба тронула его, и он с особым воодушевлением ответил на призыв Вахтанга. Антим обратился к господарю Брынковяну с просьбой разрешить ему оказать содействие в организации печатного дела в Грузии.

Брынковяну поддержал просьбу, и Антим отправил в Грузию лучшего своего ученика, искусного мастера типографского дела Михая Иштвановича с группой мастеров-типографов.

Благодаря энергии и мастерству румынских специалистов, которые взялись за организацию типографии в 1708 году, уже на следующий год вышла первая книга на грузинском языке — «Евангелие».

Царь Вахтанг VI в благодарность за оказанную по-
мощь послал в Валахию первые два экземпляра «Еван-
гелия». Только в этих двух экземплярах имеется напе-
чатанный шрифтом «хуцури» стих Вахтанга, который
прочел грузинский поэт-академик Г. Леонидзе в быт-
ность в Румынии. Из этого стихотворения мы узнаем,
как было замыслено книгопечатание в Грузии и как по-
могли в осуществлении этого замысла господарь Брын-
ковяну и патриарх Хризант Нотаррас, «но одним из
главных участников основания типографии в Тбилиси
считается выдающийся деятель Румынии — Антим Гру-
зин (Антимоз Ивериели), 1650 — 1717 г.»

В первом экземпляре посланного в Румынию «Еван-
гелия» было также обращение к господарю, подписанное
Антимом и датированное 28 мая 1710 года. Эти два эк-
земпляра «Евангелия» получил лично Антим.

Поэт-академик Г. Леонидзе, обнаруживший в библио-
теке Румынской Академии наук два экземпляра «Еван-
гелия», впервые напечатанных в Тбилисской типографии
в 1709 году, заметил на одном из них приписку, сделан-
ную рукой Антима на румынском языке. Этим подтвер-
ждается, «что первые экземпляры «Евангелия», напеча-
танные в Тбилиси, были посланы в Румынию именно
Антимозу».

Антим одел их в дорогие художественные переплеты
и послал Брынковяну в знак благодарности за то, что
тот помог его соотечественникам. Из благодарственных
слов обращения видно, как горячо любил Антим свою
далекую родину и как сочувствовал ей в ее бедах, как
он считал необходимым основание там типографии: «Эта
книга (греческое «Евангелие», 1709 г.) новый плод, воз-
никший на земле Иверия с твоей помощью, и ты эту зем-
лю обогатил печатным словом так же, как Аравию, Эл-
ладу, Унгро-Влахию», и дальше: «Как из рая вытекают
реки Филон, Геон, Тигр и Евфрат... так с твоей помощью
расцвело печатание в этих четырех странах, принося
пользу этим странам, и потому твое имя будет жить в
веках».

В конце «Евангелия» Михаил Иштванович просил
прощения у читателей за возможные ошибки: «Так как
я был чужим в этой стране и не знал вашего языка и мои

ученики не привыкли еще к нему. И я не видел так же, как и мои ученики...»

В подписи, по традиции завершавшей издание, прямо говорилось о личности и происхождении печатника: «Смиренный типограф, ваш покорный слуга, работавший от всего сердца Михаил Унгро-Влашский, сын Штефана».

Спустя год Михай издает вторую, также очень ценную книгу — «Литургия». Здесь он уже подписался «Михаил Штефанишвили», что доказывает, как он акклиматизировался в Грузии. Позже он называл себя: «Штефанидзе».

После подписи в «Литургии» следовали румынские стихи, напечатанные грузинскими буквами: «...Как чужестранцы хотят свою землю увидеть». Эти стихи принадлежали Антиму, который напечатал их впервые в «Евангелии», изданном в 1697 году в Снагове.

Исследовавшая этот вопрос Хр. Шарашидзе считает, что подобными стихами традиционно заканчивали свои книги все типографы того времени. Но если обратиться к самим книгам, видно, что обычно все типографы в конце напечатанных ими книг возносят или благодарение богу, или просят у читателей прощения за возможные ошибки. Приведенные же выше стихи принадлежали именно Антиму, выражали его чувства и душевную боль, а не представляли собой обычную дань традиции.

Вопрос о роли Антима Ивериану в создании первой типографии в Грузии до недавнего времени был недостаточно освещен. Много нового в его изучение внес французский ученый Эмиль Пико в своем биографическом и библиографическом труде об Антиме.

Широкие круги грузинской общественности получили возможность ознакомиться с трудом только в 1935 году, после опубликования работы проф. А. Г. Шанидзе «К истории грузинской типографии». В этом труде широко представлены разбросанные по иностранным изданиям сведения о первой грузинской типографии и, в частности, о роли Антима Ивериану в ее создании.

Большой спор между учеными вызвал вопрос о том, знал ли Антим грузинскую письменность и была ли им напечатана в Румынии книга на грузинском языке.

Кандидат исторических наук Ш. Курдгелашвили в труде «История первопечатания в Грузии» писал, что иностранные исследователи Нейбауер, Гастер, Э. Пико высказывали предположения, что в 90-х годах XVII столетия Антимоз изготовил грузинский церковный шрифт, а также напечатал грузинскую книгу. Мнения грузинских ученых-исследователей по этому вопросу разделяются. Академики А. Г. Шанидзе, Г. Н. Леонидзе и другие поддерживают эту версию. Другие—Хр. Шарашидзе, Ш. Квасхадзе—считают ее неправдоподобной. Ш. Курдгелашвили доказывает, что Антим безусловно знал грузинскую письменность (поскольку признается факт из его биографии, что он в течение двадцати лет занимался переводом переписки между Иерусалимской патриархией и грузинскими царями). Следовательно вполне допустимо предположить, что он мог создать грузинский шрифт, тем более, что он сумел изготовить столь сложный и незнакомый для него шрифт, как арабский.

Ш. Курдгелашвили считает, что в изготовлении грузинского шрифта Антиму помогал Михаил Иштванович, и именно поэтому этот последний и был послан в Грузию. Грузинский шрифт и типографское оборудование, согласно мнению исследователя, были привезены Михаилом в Грузию с собой из Румынии.

Вирджил Молин считал, что оборудование и мастеров Михаил привел из Румынии, что же касается шрифта, то у грузин уже был свой шрифт, отлитый в Амстердаме примерно за двадцать лет до приезда Михая и его мастеров в Грузию².

Легран, придавая большое значение книгам, напечатанным в румынских странах³, писал о том большом значении, которое «сыграла типографская деятельность Валахии в основании типографий в Сирии и Грузии». Ученый утверждал, что Константин Брынковяну и Антим послали в Грузию не только мастеров-типографов, но и необходимое оборудование.

Один из последних исследователей типографской деятельности Михая Штефана (Иштвановича) в Грузии, Дан Думитреску, который приезжал в Грузию с целью глубже изучить этот вопрос, обнаружил, что деятельность Михаила не ограничивалась этими двумя книгами.

По мнению Думитреску, исследование первых книг, изданных на территории Грузии, доказывает, что Михай привез с собой типографские орнаменты с различными рисунками и гравюрами. Они принадлежали Иваникие, граверу, имя которого мы встречаем в книгах, изданных Антимом в Румынии.

Дан Думитреску считает, что Михай Штефан привез с собой понсоны, с помощью которых он отлил в Тбилиси буквы грузинского алфавита «мрглоури» и «нусхури». Через год появилась и третья форма шрифта — «мхедрули», существующая и ныне. Михай Штефанидзе напечатал в Грузии «Евангелие», «Псалмы», «Апостол», «Кондак» («Литургия»), «Часослов», «Молитвенник» и «Библию» (незаконченная)*. Есть предположения, что им был напечатан в 1712 году «Витязь в тигровой шкуре» и переведенная Вахтангом с персидского языка книга «О творениях».

Думается, что имеющих в нашем распоряжении фактов и сведений достаточно, чтобы признать справедливость мнения тех ученых и исследователей, которые считают, что Антим не ограничился только посылкой мастеров в Грузию. Известно, что Михай прибыл в Тбилиси в мае или июне 1708 года, а уже в начале 1709 года в основанной им типографии были выпущены три объемистые книги. Ясно, что шести-семи месяцев не могло хватить для изготовления на месте станка, шрифтов, элементов оформления и т. д., — все это было послано из Румынии Антимом.

Все изданные в Тбилисской типографии книги имеют подпись «Михаил Штефанишвили из Унгро-Влахии», иногда — «Штефанидзе». Михаил не только печатал книги, но также обучал типографскому делу учеников-грузин.

Весной 1712 года Вахтанг посылает Михая в Голландию для совершенствования в мастерстве. По пути он заехал в Москву, чтобы передать поручение патриарха Хризанта Нотарраса.

Согласно румынским источникам, в Голландии Ишт-

* По мнению Христины Шарашидзе, работа над «Библией» была прервана из-за преследований, которым подвергался ее редактор Сулхан-Саба Орбелиани.

ванович оставался недолго, так как в том же году им была напечатана уже в Грузии греческим шрифтом книга «Похвала деве Марии»⁴.

Многие исследователи вообще сомневаются, имела ли место поездка Михаила Иштвановича в Голландию. Но эти сомнения опровергают два письма Антима, адресованные Иерусалимскому патриарху Хризанту Нотаррасу и датированные апрелем 1713 года⁵. Достоверность этих документов стоит вне сомнения. В первом письме Антим писал: «Что касается печатного станка, который вы просите, пока невозможно исполнить эту просьбу, ибо он поломан, но если «бог даст здоровье и поедет туда наш ученик Михаил, то свое обещание я исполню. Он сам на наши средства поспешит достать то, что я обещал вашей светлости. Вы можете в этом не сомневаться».

Еще более интересно второе письмо, озаглавленное «Антим, Валахский митрополит, к Иерусалимскому патриарху Хризанту о его типографии в Константинополе, о путешествии из Джорджии через Россию в Голландию типографа Михаила Иштвановича»:

«...Наш ученик Михай вот уже год как выехал из Иверии и, как я узнал, очень долго добирался до столицы, но, слава господу и твоим молитвам, прибыл благополучно, в полном здравии. Желая еще более усовершенствоваться, он уехал в Голландию, но не знаем, сколько пробудет в тех местах».

Тбилисская типография просуществовала до 1722 года и прекратила свою деятельность в результате нашествия турок. Несмотря на трудности работы и удары судьбы, типография, основанная Михаем, принесла пользу многим народам.

Христина Шарашидзе⁶ указывала, что Михаил был настолько искусным мастером, что мог снабдить всю Грузию книгами. Вахтанг VI любил его, как собственного сына.

Михаил Штефан, достойный ученик и последователь Антима, сумел сочетать достижения румынского книжного искусства с многовековыми традициями грузинских рукописей, его искусство принадлежит в одно и то же время как румынской, так и грузинской культуре, точно так же, как его учитель и наставник Антим Иверяну принадлежал Грузии и Румынии.

АНТИМ ИВЕРИАНУ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Антим Ивериану был не только выдающимся писателем-гуманистом своего времени и крупнейшим мастером-типографом, но и выдающимся каллиграфом, ксилографом и рисовальщиком. Можно сказать, что все эти его таланты в совокупности охватывали все стороны создания и печатания книги. Издания Антима отличались превосходным оформлением и тонким вкусом, благодаря чему они до наших дней не утратили художественной ценности.

Деятельность Антима в области изобразительного искусства, оформительского искусства наложила отпечаток на всю культуру Валахии брынковяновской эпохи. Его друг и современник Дел Киаро, много внимания уделивший этой стороне его деятельности, писал: «Он был одарен такими редкими талантами, что все умел делать великолепно — любую ручную работу, особенно резьбу по дереву, рисунки и гравюры»¹.

Сохранившиеся до наших дней работы Антима свидетельствуют о справедливости оценки современника.

Профессор-искусствовед Н. Нану, перечисляя все виды искусства, говорит, что каждое из них Антим развил своими талантами, в каждом создал своей рукой шедевры. Особенного внимания заслуживают слова Нану о том, что Антим применил грузинские мотивы во всех областях художественной деятельности: в орнаменте, скульптуре, архитектуре, гравюре и т. д. В своей работе «Антим Ивериану и грузинское искусство в Валахии»²

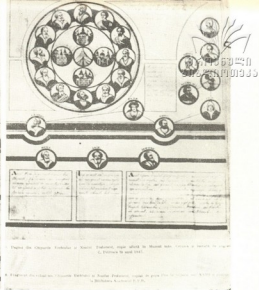
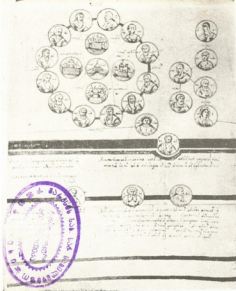
исследователь приводит убедительные примеры воздействия грузинского искусства на румынскую культуру того периода.

Характерные особенности грузинской архитектуры нашли отражение в памятниках зодчества, созданных под руководством Антима с 1688 по 1716 год, в период властвования Константина Брынковяну, таких, например, как монастыри Хурез, Синая, Колцеа, св. Георге Ноу, Могошоана, Антим, Скауне, св. Апостола, Куртеа Веке, Златарь, Выкырешть, Крецулеску и др.

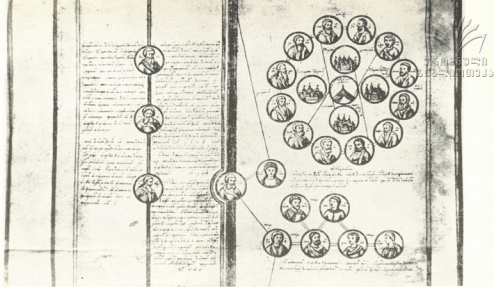
К такому же выводу приводят и скульптурные украшения, резные орнаменты и росписи этих храмов. Явные следы грузинского влияния сохранились в иллюстрациях, украшениях и гравюрах, которыми снабжены тисненные кожаные переплеты его книг и рукописей.

Из многовековых традиций искусства своей далекой родины Антим привнес в изобразительные элементы румынской живописи такие мотивы, как рисунки цветов с широко раскрытыми лепестками, заключенные в причудливую вязь характерного орнамента, изображения водяных лилий и т. п. В архитектурном стиле брынковяновской эпохи также немало перекликающихся мотивов, таких, например, как открытые притворы и колонны, снабженные резьбой по камню в церквах Доамней, Колцеа в Бухаресте, в монастырях Котрочены, Хурез и Синая. Декор этих зданий явно связан с деятельностью Антима³.

Влияние грузинского искусства распространилось при посредстве Антима также на церковную утварь, посуду и украшения. Первой драгоценностью в этом ряду можно считать предназначенную для хурезского монастыря анафорицу полигональной формы, которая украшена прекрасным грузинским орнаментом. Это произведение искусства датируется 1692 годом⁴. Еще более характерный грузинский мотив, связь которого с грузинским искусством несомненна, повторяется на переплетах всех четырех изданий «Евангелия», выпущенных с 1692 по 1707 год, в росписи Хуреза и монастыря Куртя де Арджеш, в «Евангелии», напечатанном в Снагове в 1697 году, и т. д. Точно такой же орнамент появляется и в гру-

«Лики Ветхого и Нового завета». Миниатюры Алтима

«Лица Ветхого и Нового завета». Миниатюры Антима

зинском «Евангелии», напечатанном в 1709 году в Тбилиси учеником Антима Михаилом Иштвановичем.

Орнамент, обрамляющий герб Константина Брынковяну в «Новом завете» издания 1703 года, напечатанном Антимом в Бухаресте, — также грузинского происхождения⁵. Этот орнамент неоднократно повторяется и позже: в арабском «Псалтыре», напечатанном в Алеппо в 1706 году, в «Антологионе», выпущенном в Римнике в 1705 году, в «Евангелии», изданном в Снагове в 1707 году. Те же цветы украшают заглавный лист, обрамление герба Константина Брынковяну и герб в произведении Антима «Лики Ветхого и Нового Завета».

В XVII—XVIII веках в румынском искусстве начинают особенно интенсивно развиваться скульптура и резьба по дереву. Специалисты по истории искусства в этот период выделяют как из наиболее распространенных форм скульптуру и резьбу по дереву, исполненную в традиционной манере и подвергшуюся грузино-армянскому влиянию⁶.

Среди лучших образцов этого стиля особенно выделяются ажурные круглые розетки, имеющиеся в верхней части монастыря и церкви Антима. Эти орнаменты также носят на себе следы воздействия далекой Иверии.

Все перечисленное выше не только является ярким доказательством огромного вклада, который был внесен Антимом в развитие искусства эпохи Брынковяну. Грузинские мотивы и различные элементы грузинского искусства оказали большое влияние на все творчество Антима в живописи, гравюре, миниатюристике, каллиграфии, и не только на его творчество, а на все дальнейшее развитие румынского изобразительного искусства, — сросшись, соединившись с национальной, самобытной основой, они создали новое единство, дали новое направление ему.

Профессор Нану подробно описывает все грузинские элементы, привнесенные Антимом, упоминая мотивы «редкой красоты из «Земо-Крихи», использованные в строительстве монастырей. По моделям грузинского же памятника были исполнены скульптуры в памятниках румынского зодчества XVIII века — монастырях Арджеш, Голешть и Говора, которые были реставрированы Антимом.

По декоративным мотивам Давид-Гареджи и других грузинских памятников румынские художники выполняли резьбу на обрамлениях дверей и окон. Поэтому и обнаруживается столь большое сходство между грузинскими и румынскими орнаментами в архитектурных комплексах монастырей Антим, Выкырешть, Брынковень, Колцеа и др.

Все эти факты дали И. Нану основание сделать заключение о том, что: «В начале XVIII века великий румынский художник грузинского происхождения произвел подлинную реформу в румынском искусстве»⁷.

Академик Петре КонстантINESКУ-ЯШШЬ и другие румынские искусствоведы, которые детально анализировали сходство румынских и грузинских архитектурных памятников, также пришли к выводу, что Антим во многом обогатил румынское зодчество и что, судя по его творениям, он был хорошо знаком с искусством Грузии.

Наивысшим его достижением как архитектора и художника явился монастырь, увековечивший его имя. Снова обратимся к свидетельству И. Нану:

«Архитектура, скульптура и живопись этого памятника представляют богатейший художественный материал, редко встречающийся в истории нашего искусства. Монастырь Антима и другие современные ему памятники стали классическим образцом эпохи, которая характеризует этап максимального развития румынского церковного стиля»⁸.

Проект монастыря Всех Святых, названного впоследствии именем Антима, был создан самим Антимом. До наших дней сохранились два плана: оригинальный план церкви монастыря, разработанный зодчим на бумаге, и другой, начерченный в 1715 году, на красивом пергаменте. Монастырь Антима построен в брынковяновском стиле, оставаясь до наших дней самым ценным и интересным архитектурным памятником Бухареста⁹.

Постройка монастыря была начата при Константине Брынковяну, и только при Штефане Кантакузино Антиму удалось завершить работу по возведению этого замечательного памятника архитектуры. На портале главной двери, как писал Дел Киаро в своей книге, напечатанной в Венеции в 1718 году, были написаны на грече-

ском языке стихи следующего содержания: «Эта церковь, храм Всех Святых» по воле божьей, построена во время княжения Штефана Кантакузино, блистательного правителя знаменитой Валахии, архипастырем Антимом Унгро-Влашским из Иверии, как видно из фундамента — в год после Христа 1715».

Деревянная дверь главного входа в церковь сохранилась до сих пор, и «эта дверь, — по авторитетному свидетельству Нану, — является шедевром искусства, превосходящим все предыдущие работы». Устная традиция приписывает деревянную резьбу, которая украшает дверь, Антиму Ивериану. О том же свидетельствует и стихотворная надпись на одной из колонн, находящихся внутри храма: «Сам Антим, митрополит Ивериану, всем известный, здесь нас установил и стенами соединил...»

Предполагают, что Антиму принадлежат и колонны во дворе Могошоиа и церкви монастыря Выкырешть. Его авторство подтверждается их сравнением с гравюрами, находящимися в хранилище Академии наук РНР и несомненно принадлежавшими руке Антима.

Помимо Антима, в росписи и украшении монастыря Всех Святых принимали участие народные умельцы, художники, вышедшие из народа.

Церковь и монастырь Антима в Бухаресте — один из самых ценных и интересных исторических памятников столицы. В наши дни монахи уже не проживают там, их кельи заняты церковной администрацией, и существует проект создать здесь музей древнерумынского искусства.

Антим принимал участие в реставрации и украшении многих других монастырей и церквей, «где он, безусловно, сказал свое авторитетное слово в области архитектуры и особенно живописи»¹⁰. Ему принадлежит роспись в монастыре Козия¹¹, реконструкция монастыря Говора, восстановление монастыря Сурпателе и т. д. В Говоре до сих пор сохранился портрет Антима.

Антим обогатил выдающимися достижениями и искусство книжного оформления. Искусствовед Ион Нану, исследовавший рукописи брынковяновской эпохи, написанные на бумаге, шелку и пергаменте, справедливо считает, что в эту эпоху искусство достигло вершины свое-

го расцвета, главным образом благодаря великому деятелю культуры и искусства Антиму Ивериану.

Коротко охарактеризуем некоторые из шедевров каллиграфического, полиграфического и оформительского искусства, принадлежащих Антиму.

«Список драгоценностей святой митрополии взят в великолепный кожаный переплет с обрамлением из цветов. «История Румынской страны с тех времен, когда в ней поселились православные христиане», — исполнена каллиграфической кириллицей и переплетена в кожу, до сих пор хранящую следы великолепного золотого тиснения¹². «Устав монастыря Всех Святых», или «Завещание Антима», — подлинная жемчужина типографского искусства, поражающая совершенством всех элементов, собственноручно выполненных самим Антимом. Фолиант размером 1,20 x 0,45 м украшен изумительными миниатюрами, обрамлениями, фронтисписом, виньетками с подписью, выполненными в красках, в то время как текст написан черной тушью. Герб в красках исполнен Антимом с большим художественным вкусом. В середине фронтисписа находится медальон овальной формы с изображением церкви Антима в перспективе, над ней два ангела, а сверху изображен Иисус Христос.

Эта композиция идентична миниатюре из экземпляра «Завещания Антима», который находится в Академии наук РНР. Эти две оригинальные миниатюры воспроизводят точную первоначальную форму церкви и даже ее окраску.

В июле 1709 года Антим Ивериану преподнес господину Валахии рукопись одного из самых оригинальных и интересных своих произведений — «Лики Ветхого и Нового Завета», либо «Родословная, или генеалогическое древо Иисуса Христа». Эта работа — иллюстрированная история Библии, содержащая 505 портретов в медальонах, которые представляют различные библейские персонажи. Медальоны соединены между собой цветными линиями, благодаря чему и создается впечатление «генеалогического древа». Эта книга представляет интерес не литературной или исторической своей ценностью, а именно со стороны художественной, оформительской.

Любопытна и история самой рукописи. Она была обнаружена в Киеве в 1812 году Штефаном Берекетом, ко-

торый тотчас же сообщил о своей находке профессору Н. Йорге. Последний в свою очередь дважды обращался в Румынскую академию с предложением снять копию с текста и с миниатюр, чтобы сохранить краски оригинала. Но осуществить это не удалось. И потому справедлив упрек Виктора Братулеску, который в 1956 году выражал опасение, что бесценная рукопись, «возможно, пропала во время войны наряду с другими ценностями» и что «мы сейчас дорого расплачиваемся за беспечность Румынской академии, так как наиболее вероятно, что рукопись утрачена безвозвратно»¹³.

Рукопись эта в свое время принадлежала ворнику (придворный чин в Молдове) Думитрашку Секара, который в 1788 году оставил ее в наследство своему сыну Иосифу. Последний передал ее своему племяннику Михаилу Вадареву. От него она попала в библиотеку кишиневского архиепископа Антония Сокотову, откуда впоследствии, по настоянию духовной консистории, ее передают в Киевскую духовную семинарию.

Заинтересовавшись этими миниатюрами, мы предприняли в 1962 году попытку разыскать все имеющиеся в Румынии копии книги. Всего удалось обнаружить две такие копии: одна, хранящаяся в библиотеке Румынской Академии наук, принадлежит работе священника Флора и относится к середине XVIII века, вторая находится в музее монастыря Черника, выполнена художником С. Петреску и датирована 1847 годом.

В том же 1962 году появилось привлекавшее внимание предположение Штремпела о том, что оригинал рукописи, возможно, сохранился и искать его следует в книгохранилищах Киева.

И действительно, предпринятые нами поиски увенчались успехом: в рукописном отделе Государственной библиотеки Киева под № 379 хранилось это выдающееся произведение румынского искусства XVIII века, созданное нашим земляком Антимом Ивериану.

«Лики Ветхого и Нового Завета»—это единственное не публиковавшееся произведение Антима. Оригинал, который хранится в Киеве, представляет собой альбом из двадцати двух нумерованных листов. От старого кожаного переплета с золотым тиснением сохранилась только первая обложка, исполненная с большим вку-

сом. По краю переплета протянулось двойное обрамление, также выполненное золотым тиснением. Между параллельными линиями рамки напечатано 28 цветков, разбросанных по всему фону обложки. В середине — медальон, изображающий Марию с Иисусом Христом на руках. По четырем углам внутреннего обрамления находятся портреты четырех евангелистов. На оборотной стороне переплета дата: 8 июля 1788 г.

Первый лист книги чистый. Только на оборотной стороне — позднейшая приписка на русском языке, содержащая сведения о том, как переходила эта рукопись из рук в руки. Рукопись фактически начинается со второй страницы. На ней находится герб страны и восемнадцать стихотворных строф с выражением признательности государю, сочиненных Антимом. Стихи и герб окружены орнаментом из стилизованных цветов, искусно исполненным пером. Герб страны в медальоне из обрамления таких же цветов изображает орла с распростертыми крыльями и крестом в клюве. По обеим сторонам креста золотые изображения солнца и луны, а также надпись государя: Ио Константину Брынковяну Бассарабу. Воевода, государь Румынской страны.

Столь же художественно оформлен и оборот второй страницы, украшенный красочным цветочным орнаментом и рамкой, в которую заключено написанное славянскими буквами заглавие произведения: «Лики известных людей, помещенных в святом писании и Библии. Составлена неустанными трудами преосвященного митрополита Унгро-Влахии киром Антимом Ивериану, посвященная в знак искренней любви преосвященному и великому государю Ио Константину Брынковяну Бассарабу, Воеводе. Тырговиште, в 7217 (1709), июле месяце».

Третий лист с двух сторон занят посвящением Константину Брынковяну, где Антим похвально отзывается о государе и о помощи, оказанной им данному изданию. Поверху различается стертый орнамент из цветов и листьев, а также текст, писанный золотой и красной краской, и инициалы. Рукопись, видимо, подвергалась воздействию воды, в результате чего писанный красной краской заголовок с четвертой страницы отпечатался на 3-й странице.

Как уже было сказано, характер работы определялся заглавием произведения и посвящением Брынковяну. Это краткая иллюстрированная библейская история, составленная Антимом, который пользовался не только текстом Ветхого Завета, но и некоторыми историческими трудами и комментариями к Ветхому Завету.

Рукопись содержит 505 портретов в медальонах с именем того, кто изображен на портрете. Помимо портретов, в рукопись включены еще три наброска и восемь рисунков в медальонах, изображающих различные сцены. Текст написан курсивом, изящным, тонким почерком. Он расположен в два столбца по ширине рукописи. Текст одного столбца не продолжается в соседнем столбце той же страницы, а продолжается на следующей, переходя со страницы на страницу параллельными колонками.

Основной текст рукописи начинается с четвертого листа, где содержится «Краткий рассказ о сотворении Адама». Затем повествуется о сыновьях Адама, а на соседней второй колонке находится рассказ о жизни библейских персонажей. Иллюстрации изображают бога-отца, Адама, Еву и их сыновей.

Далее можно найти изложение библейских притч о потопе, о Вавилоне и т. д. Начиная с шестого листа, иллюстрации уже соответствуют тексту. Интересно, что, если первые люди изображались облаченными в звериные шкуры, то далее одежда эволюционирует, становясь все более похожей на одеяния господарей и бояр, современных Антиму.

О высоком мастерстве художника свидетельствует тот факт, что каждому портрету приданы индивидуальные черты. Несмотря на сложности искусства миниатюры, изображения людей полны жизни и чувства, композиции составлены с большим вкусом. Примером мастерской компановки может служить хотя бы страница 10-я, где изображена сцена завоевания Израиля. На ней расположены 19 портретов, четыре рисунка крепостей, окруженных укрепленными стенами, и в середине — «Шатер бога».

Выдающийся талант Антима-живописца и миниатюриста дал основание Г. Штремпелу сказать: «Утонченность черт, исключительное мастерство исполнения пор-

третов, от которых трудно оторвать взор, наводят на мысль, что значение Антима для нашего средневекового искусства было бы неизмеримо выше, если бы он вместо того, чтобы надеть монашескую рясу, занялся исключительно кистью и красками».

Интересны художественные и историко-литературные источники, использованные Антимом для создания этого уникального произведения румынской средневековой культуры.

«Можно лишь предположить, что идею создания иллюстрированной генеалогии Иисуса Христа Антим заимствовал со стен монастыря» (сюжет «Древо Иесея»). Антим, конечно, вышел за пределы религиозно-догматической идеи, создав произведение несравненно более широкого значения, чем простое изложение библейских историй от Адама до Христа. Соответственно и в числе использованных им источников, помимо обязательного минимума церковной литературы, находились также сведения, почерпнутые из литературы светского характера и мифологии, из трудов философов и историков.

Книга, о которой идет речь, является одним из высших достижений изобразительного искусства и полиграфии Румынии средних веков. Несомненно, что обнаружение ее оригинала дает ценнейший материал и для суждений о творчестве Антима, раскрывая новые грани его таланта как художника, миниатюриста, мастера книжного оформления.

* * *

Трагична и запутана была судьба Антима Ивериану, сына Грузии, скитавшегося по многим странам, прежде чем он обрел себе новую родину, которой посвятил свои знания, способности, энергию, — всю жизнь до последнего дыхания.

Значительна и многостороння была личность Антима — видного просветителя и гуманиста, патриота и борца, с одинаковой страстью и непримиримостью выступавшего против иноземного гнета и социального зла, заботившегося об образовании народа и выскивывавшего новые пути для Румынии. Будучи ограниченным рамками мировоззрения своего времени и своего положения, он тем

не менее смог во многом преодолеть его ограниченность и встать в ряд наиболее прогрессивных людей эпохи.

Велики и разнообразны были знания и способности Антима, который оставил потомкам блестящие образцы как в литературе, так и в различных областях культуры и искусства. Его литературное творчество, его деятельность как мастера-типографа, его живописное наследие и достижения в области книжного оформления внесли ценнейший вклад в сокровищницу румынской культуры.

Таков был Антим, писатель и художник, просветитель и гуманист, проповедник и обличитель, зодчий и типограф. Антим—борец и патриот, послуживший как бы мостом дружбы между двумя братскими народами — грузинским и румынским. Имя его, ставшее символом братства, бережно хранится в сердцах обоих этих народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе «Жизнь Антима»

1. Антон-Мария Дел Киаро. «История современной революции в Валахии...», изд. Н. Иорга, Бухарест, 1914, стр. 51 (на итал. яз.).
2. Епископ Мелхиседек. «Об Антима Ивериану», пред. к изд. П. Ханеш, «Предич», изд. «Минерва», 1915, стр. XXXVI (на рум. яз.).
3. П. Ханеш. Предисловие к «Предич», изд. «Минерва», 1915, стр. XVI (на рум. яз.).
4. Дамиан Богдан. «Жизнь Антима Ивериану» в «Бисерика ортодокса ромыны», XXIV, № 8—9, 1956, стр. 679 (на рум. яз.).
5. П. Константинеску-Яшш. «Румыно-русские культурные взаимоотношения в прошлом», изд. Академии наук РНР, 1954, стр. 176 (на рум. яз.).
6. Э. Пико. «Биографические и библиографические замечания о типографе Антима Ивериану, митрополите Валахии», Париж, 1886 (на франц. яз.), стр. 520.
7. См. публикацию Г. Леонидзе, «Дроша», 1951, № 2, стр. 17 (на груз. яз.).
8. А.-М. Дел Киаро. «История революции в Валахии», стр. 220 (на итал. яз.).
9. Ал. Россетти, Б. Казаку. «История румынского литературного языка», изд. «Штиинцификы», Бухарест, 1961, стр. 160 (на рум. яз.).
10. П. Ханеш. Предисловие к «Предич», стр. XVI (на рум. яз.).
11. К. Базиль. 1875 г., стр. 221—222.
12. Г. Штремпел. Предисловие к «Предич», стр. 10 (на рум. яз.).
13. Там же.
14. Н. Шербынеску. «История Снаговского монастыря», Бухарест, 1944, стр. 66 (на рум. яз.).
15. Н. Шербынеску. «Антим Ивериану — типограф», в «Бисерика ортодокса ромыны», LXXIV, № 8—9, 1956, стр. 696 (на рум. яз.); см. также Н. Иорга. «Об Антима Ивериану» в «Бисерика ортодокса ромыны», LV, 1937, стр. 614 (на рум. яз.).
16. Акт в Святом регистре, стр. 88—89 (на рум. яз.).
17. Ат. Миронеску. «Епископия Рымникской епархии», стр. 90 (на рум. яз.).
18. Г. Штремпел. «Предич», стр. 15.

19. Н. Иорга. «История румынской литературы XVIII в.», (на рум. яз.), стр. 423.
20. С. Пушкариу. «История румынской литературы. Древняя эпоха», изд. Сибиу, 1930, стр. 150 (на рум. яз.).
21. Ат. Миронеску. «Епископия Рымникской епархии», стр. 95 (на рум. яз.).
22. Раду вел Логофет Гречиану, «Жизнь Константина Воды Брынковяну», изд. Шт. Гречиану, Бухарест, 1906, стр. 181 — 182 (на рум. яз.).
23. Г. Штремпел. «Предич», стр. 17.
24. Н. Иорга. «История румынской литературы XVIII в.», стр. 430—433 (на рум. яз.).
25. П. Константинеску-Яшшь. «Жизнь Антима Иверриану» в кн. «Румыно-русские культурные взаимоотношения в прошлом», стр. 177.
26. Там же, стр. 177.
27. Н. Иорга. «История румынской литературы XVIII в.», Бухарест, 1901, т. I, стр. 418 (на рум. яз.).
28. Г. Штремпел. «Предич», стр. 15.
29. И. Нану, в «Бисерика ортодокса ромыны», LXXIX, 1961, № 3—4, стр. 286 (на рум. яз.).
30. Г. Штремпел. «Предич», стр. 18.
31. «Документы из истории румын», т. XLIX, коллекции Хурмузаки. Греческие документы, относящиеся к румынской истории, опубликованные по оригиналам, копии Румынской академии, напечатанные Н. Иоргой, ч. 3, 1560—1820, Бухарест, 1936 (на рум. яз.).
32. Хурмузаки, XIV, 3, стр. 105—106.
33. «Грамота вселенской патриархии», см. Хурмузаки, XIV, 1, стр. 629—634.
34. Хурмузаки, XIV, 3, стр. 122.
35. П. Константинеску-Яшшь. «Жизнь Антима Иверриану», стр. 177.
36. Г. Штремпел. «Предич», стр. 21. «Хроника Раду Попеску», опубл. в «Магазинул историк пентру Дачия», т. IV, стр. 23 (на рум. яз.).
37. Г. Штремпел. «Предич», стр. 22.
38. «Магазин», IV, стр. 23.
39. П. Ханеш. Предисловие к «Предич», изд. «Минерва», Бухарест, 1915, стр. XIX (на рум. яз.).
40. «История румынской литературы для IX кл.», Гос. дидактико-педагогическое изд., 1957, стр. 29—31 (на рум. яз.).
41. Шт. Динулеску. Жизнь и деятельность митрополита Румынской страны Антима Иверрианул (1708—1716), Черновицы, 1888 (на рум. яз.).
42. И. Нану, стр. 230. См. в «Бисерика ортодокса ромыны».
43. См. текст хроники Раду Попеску в «Магазинул историк пентру Дачия», IV, 1847, стр. 48 (на рум. яз.).
44. См. хронику Митрофана Григораша в кн. Д. Руссо «Греко-румынские исторические студии», II, стр. 441—442 (на рум. яз.).
45. Н. Иорга. «История румынской церкви», изд. II, 1930, стр. 55 (на рум. яз.).
46. Дамиан Богдан. «Жизнь Антима Иверриану».
47. Дел Киаро. «История революции в Валахии», стр. 211.
48. См. Дел Киаро, стр. 202, и Н. Иорга, I, стр. 56.

49. См. Дел Киаро, стр. 202.
 50. Тимотен Чипарго. «Акты и отрывки», Благы, 1855, стр. 226 (на рум. яз.), см. также: Хроника Раду Попеску в «Магазинул историк пентру Дачия», IV, стр. 51, и Н. Иорга, I, стр. 56.

К главе «Антим Ивериану— писатель, просветитель, гуманист»

1. Михаил Садовяну. «Язык исторических рассказов», сообщение, сделанное в Академии наук РНР, см. «Контемпоранул», № 6/436, 11 февраля 1955 г. (на рум. яз.).
2. Ал. Россетти, Б. Казаку. «История румынского литературного языка», стр. 15.
3. Там же, стр. 18.
4. Н. Иорга. «История румынской литературы XVIII в.», I, стр. 192.
5. Ал. Россетти. «История румынского языка. Общие сведения», изд. II, Бухарест, стр. 74 (на рум. яз.).
6. См. «Древняя румынская библиография» (БРВ), I, стр. 234 (на рум. яз.).
7. Н. Картожан. «История древнерумынской литературы», III, стр. 233 (на рум. яз.).
8. Н. Шербынеску. «Антим Ивериану—типограф», в «Бисерика ортодокса ромыны», стр. 695.
9. Н. Добреску. «Антим Ивериану», стр. 59.
10. Н. Шербынеску. «Вклад Антима Ивериану в дело всеобщего распространения румынского языка», стр. 761 (на рум. яз.).
11. Там же, стр. 762.
12. БРВ, I, стр. 492—493.
13. Н. Шербынеску. «Антим Ивериану — типограф», стр. 749.
14. Г. Штремпел. «Предич», стр. 31.
15. Н. Иорга. «История румынской литературы XVIII в.», I, стр. 427.
16. Антим Ивериану. «Устав», гл. I.
17. Рукопись была обнаружена в Киеве Штефаном Берекетом, который описал ее в «Славянских документах из русских архивов», 1920, стр. 17—26, а потом подробнее в «Комиссии исторических монументов», 1928, стр. 125—135, под заглавием: «Художественная рукопись митрополита Антима» (на рум. яз.).
18. И. Биану. Предисловие к «Предич», 1886, Бухарест, стр. XXXI—XXXII (на рум. яз.).
19. Н. Иорга. «История румынской литературы XVIII в.», II, изд. II, Бухарест, 1928, стр. 474.
20. Г. Штремпел. «Предич», стр. 47.
21. Антим Ивериану. «Предич». Критическое издание. Предварительное исследование Г. Штремпела, Изд. Академии наук РНР, 1962.
22. Изд. Ербичеану, стр. VII.
23. И. Биану, рецензия в «Ревиста ноуы», ч. I, 1886, стр. 200 (на рум. яз.).

24. Г. Штремпел. «Предич», стр. 46.
25. Н. Картожан. «История румынской литературы», III, стр. 228.
26. Д. Мурырашу. «История румынской литературы», 1940, стр. 86 (на рум. яз.).
27. Г. Штремпел. «Предич», стр. 50.
28. Проф. Юлиу Скрибан. Исследование об Илье Миниате.
29. Н. Йорга. «История румынской литературы», изд. II, стр. 476.
30. Дж. Калинеску. «История румынской литературы», стр. 16.
31. Кардаш. «Страницы истории румынской литературы», I, стр. 243 (на рум. яз.).
32. «Дидахи Унгро-Влашского митрополита Антима Ивериану», т. II, Бухарест, 1889, стр. XXIII—XXIV (на рум. яз.).
33. Ал. Чурия. «Антим Ивериану — проповедник и оратор», стр. 798 — 801 (на рум. яз.).
34. Ср. Илья Миниат, «Дидахи и проповеди», в переводе проф. Д. Фечиору, стр. 424—425 с «Дидахами» Антима, изд. Мелхиседека, т. II, 1889, стр. 159—160.
35. Ал. Пыру. Древнерумынская литература. Изд. «Литература», Бухарест, 1961, стр. 298 (на рум. яз.).
36. Г. Штремпел. «Предич», стр. 51—54.
37. Ал. Чурия. «Антим Ивериану — проповедник и оратор», стр. 793.
38. Там же, стр. 777.
39. Г. Штремпел, «Предич», стр. 82.
40. Там же, стр. 108.
41. Там же, стр. 169.
42. Там же, стр. 164—165.
43. Там же.
44. Там же, стр. 231—232.
45. П. Ханеш. «Предич», стр. 98.
46. Там же, стр. 76.
47. Антим Ивериану. Казания на возведение богородицы.
48. Антим Ивериану. Казания на усение пресвятой богородицы.
49. Ал. Пыру. Древнерумынская литература, стр. 305.
50. Г. Штремпел. «Предич», стр. 60.
51. Там же, стр. 62—63.
52. Там же, стр. 89.
53. Научная оценка литературного наследия, газ. «Скынтейя», № 4176, от 29/III 1958.
54. «Газета литерары», № 13(211) от 27/III 1958.
55. П. Ханеш. «Предич», стр. 100.

К главе «Антим Ивериану — типограф»

1. В. Чиобану. Румыно-русские литературные связи в феодальную эпоху. Журн. «Студии и исследования литературы, истории и фольклора», изд. Академии наук РНР, 1960, стр. 303 (на рум. яз.).
2. «Школы Барбу Теодореску», Бисерика ортодокса ромыны, ч. XXVII, № 7—10, 1959, стр. 855 (на рум. яз.).

3. Там же.
4. «Воспоминание». Официальный бюллетень румынской патриархии, № 7—10, 1959, стр. 840 (на рум. яз.).
5. Н. Картожан. История румынской литературы, стр. 205.
6. К. Ербичеану. Школьный праздник, стр. 55.
7. Н. Шербынеску. Антим Ивериану—типограф, стр. 698 (ссылается на Дел Киаро).
8. Н. Иорга. Румынская литература XVIII в., I, стр. 59.
9. Дел Киаро. История революции в Валахии, стр. 220.
10. И. Биану и Н. Ходаш. Древнерумынская библиография, Бухарест, 1903, т. 1, стр. 324—326 (на рум. яз.).
11. Дел Киаро. История революции в Валахии, стр. 220.
12. Н. Иорга. История румынской литературы, II, стр. 465.
13. Ат. Миронеску. История Рымникской епархии, изд. «Ноул Северин», стр. 86 (на рум. яз.).
14. Н. Добреску. Антим Ивериану, стр. 11.
15. Н. Шербынеску. Антим Ивериану—типограф, стр. 696. Ссылается на Б. Р. В. (Древнерумынская библиография), I, стр. 220.
16. Н. Шербынеску. История Снаговского монастыря, Бухарест, 1944, стр. 66.
17. Там же, стр. 68.
18. Г. Штремпел. «Предич», стр. 14.
19. Сборник документов об Антима Ивериану. Д. Теодор, в «Студии теолоджиче», 3—4, год VII/1955, стр. 241 (на рум. яз.).
20. Шт. Динулеску. Жизнь и деятельность Антима Ивериану, стр. 16.
21. Сборник документов об Антима Ивериану, стр. 241.
22. Дел Киаро писал: «Александрия» — история Александра Македонского, напечатанная на валашском языке». См. «История революции в Валахии», стр. 44.

К главе «Ученики Антима Ивериану»

1. Академия наук РНР, рукопись № 3342, л. 20. Завещание митрополита Антима Ивериану, стр. 216 (на рум. яз.).
2. Вирджил Молин. Новое в истории культурных взаимоотношений с православным Востоком (1709—1712), стр. 321.

К главе «Связи Антима с родиной»

1. Вирджил Молин. Новое в истории культурных взаимоотношений, стр. 323. Из посвящения, написанного Антимом 21 мая 1710 г. На одном экземпляре Евангелия Михаем написано: «Первый плод Тбилисской типографии».
2. Там же, стр. 324.

-
3. М. Легран. Эллинская библиография, Париж, 1894 (на франц. яз.).
  4. Д. Теодор. Сборник документов об Антима Ивериану, стр. 244 далее.
  5. Документы из истории румын, т. XIV, коллекция Хурмузаки (на рум. яз.).
  6. Хр. Шарашидзе. «Первая грузинская типография 1709—1722 гг.» (на груз. яз.).

К главе «Антим Ивериану и изобразительное искусство»

1. Дел Киаро. История революции в Валахии, стр. 42.
2. И. Нану. Антим Ивериану и грузинское искусство в Валахии (на рум. яз.).
3. История румынской литературы, для IX кл.
4. Д. Теодор. Грузинское влияние в Валахии посредством Антима Ивериану, в «Студии», 3—4, 1955, стр. 262 (на рум. яз.).
5. Там же.
6. «Искусство». Бисерика ортодокса ромыны, стр. 878.
7. И. Нану. Грузинские архитектурные орнаменты, отраженные в древнерумынской архитектуре, стр. 12 (на рум. яз.).
8. И. Нану. Исторический памятник религиозного искусства, стр. 323 (на рум. яз.).
9. Дел Киаро. История революции в Валахии, стр. 220.
10. В. Братулеску. Митрополит Антим — зодчий святых обителей. Бисерика ортодокса ромыны, № 8—9, 1956, стр. 830 (на рум. яз.).
11. Там же; Н. Иорга. Надписи, I, стр. 175.
12. Н. Шербынеску. Рукописи Антима Ивериану, в кн. «Антим Ивериану — типограф», стр. 753; И. Биану. Каталог румынских рукописей, Бухарест, 1907, I, стр. 414 (на рум. яз.).
13. В. Братулеску. Антим Ивериану — миниатюрист и ваятель. Бисерика ортодокса ромыны, № 8—9, 1956, стр. 768.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глубокие корни дружбы	5
Жизнь Антима	14
Антим Ивериану — писатель, просветитель, гуманист	45
Антим Ивериану — типограф	99
Ученики Антима Ивериану	114
Связи Антима с родиной	117
Антим Ивериану и изобразительное искусство	123
Примечания	134

■ **ДЖИНДЖИХАШВИЛИ ФАНИ АРКАДЬЕВНА**

АНТИМОЗ ИВЕРИЕЛИ

Художник Н. Чернышков.

Технический редактор А. Якимова.

Корректор Н. Иванова.

Сдано в набор 15 ноября 1966 г. Подписано к печати 22 апреля 1967 г.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. 7,67 усл. печ. листа.

Учетно-издательских 7,86 листа.

Заказ № 4134

Тираж 2.000.

УЭ 02761

Цена 95 коп.

Издательство «Литература და ხელოვნება». Тбилиси, пр. Плеханова, № 179.

Полиграфкомбинат Издательства ЦК КП Грузии. Тбилиси, ул. Ленина, № 14.

შპანი არკადის ასული ჯინჯიხაშვილი

ანტიმოზ ივერიელი

(რუსულ ენაზე)

